

СОДЕРЖАНИЕ

Том 90, номер 3, 2020

Научная сессия общего собрания членов РАН

“Фундаментальные проблемы развития современного российского общества”

Вступительное слово президента РАН академика <i>А.М. Сергеева</i>	203
Выступление председателя комитета Государственной думы РФ по образованию и науке <i>В.А. Никонова</i>	205
Выступление президента Российской академии образования <i>Ю.П. Зинченко</i>	207
<i>А. А. Дынкин</i>	
Международная турбулентность и Россия	208
<i>А. В. Смирнов</i>	
Самосознание российского общества	220
<i>Д. В. Ушаков</i>	
Менталитет и социально-экономические достижения стран	224
<i>М. К. Горшков</i>	
Российское общество в социологическом измерении	232
<i>Б. Н. Порфирьев</i>	
Перспективы экономического роста в России	243
<i>В. В. Локосов</i>	
Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски	251
<i>В. Н. Руденко</i>	
Перспективы демократии в современном конституционализме	259
<i>Ю. А. Петров</i>	
Историческая наука и историческая память в современной России	267
<i>А. М. Молдован</i>	
Русский язык: современное состояние и академические исследования	272
<i>С. М. Рогов</i>	
Новая холодная война: последствия для российского общества	279

Выступления участников Научной сессии Общего собрания членов РАН

“Фундаментальные проблемы развития современного российского общества”:

академиков РАН *И.А. Щербакова*, *Б.С. Кашина*, членов-корреспондентов РАН *И.И. Елисеевой*, *В.В. Абанеева*, академика РАН *С.Ю. Глазьева*, председателя Профсоюза работников РАН *В.П. Калинушкина*, членов-корреспондентов РАН *Ю.Б. Зубарева*, *А.А. Громыко*, академика РАН *Р.И. Нигматулина*

293

Постановление Общего собрания членов Российской академии наук

О научной сессии Общего собрания членов РАН “Фундаментальные проблемы развития современного российского общества”

297

«Об открытии Представительства федерального государственного бюджетного учреждения “Российская академия наук” на территории Самарской области»

298

Официальный отдел

Президиум РАН решил

299

CONTENTS

Vol. 90, No. 3, 2020

SCIENTIFIC SESSION OF THE RAS GENERAL MEETING “FUNDAMENTAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN SOCIETY”

Opening address by the President of the Russian Academy of Sciences Academician <i>A.M. Sergeev</i>	203
Speech by the Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation Committee for Education and Science <i>V.A. Nikonov</i>	205
Speech by the President of the Russian Academy of Education Academician <i>Yu.P. Zinchenko</i>	207
<i>A.A. Dynkin</i>	
International turbulence and Russia	208
<i>A.V. Smirnov</i>	
Self-awareness of Russian society	220
<i>D.V. Ushakov</i>	
Mentality and socio-economic achievements of countries	224
<i>M.K. Gorshkov</i>	
Russian society in the sociological dimension	232
<i>B.N. Porfiryev</i>	
Prospects for Russia’s Economic Growth	243
<i>V.V. Lokosov</i>	
Demographic development of Russia: dynamics and socio-economic risks	251
<i>V.N. Rudenko</i>	
Prospects for Democracy in Contemporary Constitutionalism	259
<i>Yu.A. Petrov</i>	
Historical science and historical memory in modern Russia	267
<i>A.M. Moldovan</i>	
Russian language: current status and academic research	272
<i>S.M. Rogov</i>	
A New Cold War: Consequences for Russian Society	279

Speeches by the participants of the Scientific session: Academicians of the RAS <i>I.A. Sherbakov, B.S. Kashin</i> , corresponding members of RAS <i>I.I. Eliseeva, V.V. Aboneev</i> , academician of the RAS <i>S.Yu. Glazyev</i> , Chairman of the Trade Union of RAS Workers <i>V.P. Kalinushkin</i> , corresponding members of the RAS <i>Yu.B. Zubarev, A.A. Gromyko</i> , Academician of the RAS <i>R.I. Nigmatulin</i>	293
--	-----

About the scientific session of the General Meeting of the RAS members “Fundamental problems of development of modern Russian society”

The Resolution of the General Meeting of Members of the RAS	297
On the opening of the Representative Office of the Russian Academy of Sciences in the Samara Region. The Resolution of the General Meeting of Members of the RAS	298

Official Section

Decisions of the RAS Presidium	299
--------------------------------	-----

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА РАН АКАДЕМИКА
А.М. СЕРГЕЕВА

Поступило в редакцию 15.01.2020 г.

После доработки 15.01.2020 г.

Принято к публикации 04.02.2020 г.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, общественный консенсус, цели развития, поиск идентичности, пространственное развитие, геополитическая ситуация.

DOI: 10.31857/S0869587320030214

Сейчас весь мир переживает этап ускоренного научно-технологического развития, наука стала реальной движущей силой экономики. Речь идёт не просто о науке, которая обеспечивает приращение фундаментальных знаний, — человечество научилось доводить научные достижения до технологий, быстро внедрять их в производство, создавая рыночный продукт с наибольшей добавленной стоимостью. Прибыль, которую общество в результате получает, вкладывается в том числе в науку. К сожалению, в нашей стране эффективный процесс передачи знаний в реальный сектор экономики и обратной подпитки знаний не налажен.

А ведь это не просто тенденция экономического развития. Страны, которые научились осуществлять трансфер знаний в технологии и в рыночный продукт, за последние 20–30 лет вырвались в лидеры, и это повлекло за собой заметные изменения в их социумах. То есть научно-технический прогресс обуславливает существенные последствия в социальном развитии общества, которое вынуждено адаптироваться к быстрому экономическому росту. Траектории экономического и социального развития совпадают.

Есть замечательный образ, отражающий эту взаимосвязь — двойная спираль экономического и социального развития. Вопрос состоит в том, как запустить такую двойную спираль в России, чтобы, с одной стороны, экономика подпитывала позитивные социальные изменения и народ это чувствовал, с другой стороны, чтобы общественный прогресс стимулировал экономический рост. Это важнейшая задача, одна из центральных с точки зрения реализации национальных проектов.

Понятно, что такая модель общественного развития невозможна вне общественного консенсуса по поводу целей развития и базовых ценностей. Основная задача нашей сессии — обсудить именно этот вопрос: кто мы такие, что нас

объединяет, какова наша идентичность, как обеспечить общественный консенсус относительно целей и путей ускоренного социально-экономического развития. Очевидно, что проблема поиска идентичности актуальна не только для нашей страны. Маятник глобализации столь заметно качнулся вверх, что люди во многих странах задумываются о последствиях этого процесса с точки зрения сохранения национальной самобытности.

Для России очень важной проблемой на пути достижения консенсуса остаётся резкая смена социально-политического строя. У нас было понимание собственной идентичности, которое получило отражение в формуле о новой исторической общности — советском народе. В том обществе, в котором мы живём сейчас, пока только нащупываются объединяющие нас ценности, цели и ориентиры. Это очень сложная задача, имея в виду особенность нашей страны как многонациональной и многоконфессиональной общности. У нас огромные пространства, огромный дисбаланс в развитии территорий, сильнейшее социальное расслоение. Как в этих условиях прийти к консенсусу, остаётся нерешённым вопросом. Но он настолько важен, что было принято решение обсудить его в рамках Научной сессии РАН.

Среди актуальных для страны проблем нельзя не упомянуть демографическую. Это своего рода национальный проект, причём приоритетный. Расчёты показывают, что к 2024 г. коэффициент рождаемости не превысит 1,7, а значит, нет условий для увеличения населения страны. В то же время задачи социально-экономического развития с необходимостью предполагают рост населения. За счёт чего? За счёт миграции? Но готовы ли мы к этому? Американцы научились веками переплавлять мигрантов в единую нацию. Но получится ли это у нас? Ведь можно столкнуться с проблемами, которые не удаётся решить в Европе, которую захлестнул поток мигрантов.

Очень важным остаётся вопрос пространственного развития страны, освоения громадных территорий. Эта задача во все времена достигала у нас уровня национальной идеи. Но в последнее время складывается впечатление, что наши беспредельные просторы, которые всегда считались национальным достоянием, в новые времена стали чуть ли не обузой. Эффективное развитие экономики требует решения проблем обустройства пространства. Наука, в том числе Академия наук, должна принимать деятельное участие в обсуждении и решении этих вопросов. Нужно создать единый коммуникационный и логистический каркас, который позволил бы соединить нашу огромную страну в единое целое.

Здесь следует напомнить о масштабном проекте, который более 10 лет назад был инициирован Российской академией наук и Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова благодаря усилиям академиков Г.В. Осипова и В.А. Садовниченко, которые выдвинули идею создания единой евразийской коммуникационной и логистической системы вокруг строительства новой трансевразийской магистрали.

Очень серьёзной проблемой для нас является проблема образования. Дело в том, что в условиях явно недостаточной инвестиционной активности, как с точки зрения внутренних инвестиций, так и их привлечения из-за рубежа, достижение целей быстрого экономического роста становится проблематичным. Но у нас есть резерв в виде человеческого капитала, потому что развитие — это не только денежные вложения, но, может быть, даже в большей мере многократное увеличение человеческого капитала, то есть тех знаний и умений, которыми располагает народ, прежде

всего молодёжь, и которые позволяют двигать страну вперёд. Проблема накопления человеческого капитала — это, по существу, проблема правильной организации системы образования в стране. Возможно, это одно из наших конкурентных преимуществ, связанных с национальной историей, культурой, присущей нам креативностью. Но всё ли в нашей системе образования настроено на то, чтобы осуществить мультипликацию человеческого капитала? Ответ вряд ли может быть положительным.

Наконец, очень важный вопрос — взаимодействие с окружающим миром. Скажем так: тысячелетней русофобии никто не отменял. Усложнение геополитической ситуации материализуется, у нас, что называется, под боком располагаются средства доставки вооружений, время полёта до нашей территории сокращается до минут. Надо это понимать, быть готовыми к отражению угроз, причём это касается и научного обеспечения вопросов безопасности. Поколения, входящие в жизнь, мало знают о войне, и нужно формировать общественное мнение относительно серьёзных вызовов, с которыми нам приходится сталкиваться. Речь идёт об одном из аспектов вопроса о том, какое общество мы формируем.

В рамках Научной сессии все эти темы будут обсуждаться детально. Но очень хотелось бы, чтобы в результате возникло некое синтетическое представление о том, каков вклад различных направлений общественных наук в обеспечение общества и власти необходимым знанием относительно того, что нужно сделать, чтобы сформировался общественный консенсус по поводу путей обустройства нашей страны.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ
ПО ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ В.А. НИКОНОВА

Поступило в редакцию 25.11.2019 г.

После доработки 25.11.2019 г.

Принято к публикации 25.11.2019 г.

Ключевые слова: Комитет по образованию и науке Государственной думы Российской Федерации, Российская академия наук, проект нового закона о науке и научно-технической деятельности, Минобрнауки РФ, государственный бюджет, финансирование науки, Научная сессия Общего собрания РАН.

DOI: 10.31857/S0869587320030135

Для меня большая честь вновь приветствовать вас от имени Государственной думы Российской Федерации, от её Комитета по образованию и науке в стенах Российской академии наук.

Академия наук – флагман, определяющий наше движение в будущее. Президент страны справедливо заявил, что российская наука обеспечит успех развития России. Именно наукоёмкие производства и технологии, именно наука, преломлённая в реальной жизни, составляют сейчас основу могущества государств. Доказательством этого служит тот факт, что все крупнейшие компании в мире являются высокотехнологичными. Высокотехнологичная компания Apple в 2018 г. стала первой в мире, капитализация которой преодолела уровень в триллион долларов. Это вдвое больше, чем капитализация всех вместе взятых российских компаний.

В России неизменно встаёт вопрос о том, сколько стоит наука, что она может реально дать стране. К сожалению, тенденции, о которых мы говорили на прошлом Общем собрании, не изменились к лучшему. В Государственной думе совместно с представителями РАН обсуждался проект нового закона о науке. В общих чертах законопроект уже готов для внесения в Госдуму. Но руководство академии взяло паузу, чтобы поглубже вникнуть в этот вопрос, возможно, несколько иначе структурировать законодательное регулирование деятельности РАН. Комитет по образованию и науке поддерживает тесный контакт и с Минобрнауки, и с руководством академии. Есть основания полагать, что совместными усилиями нам удастся подготовить хороший закон, который окажется полезным для Российской академии наук.

Что касается бюджета будущего года, который сейчас находится на рассмотрении в Государ-

ственной думе, то в нём предусмотрен определённый рост расходов на науку, но он не позволяет увеличить долю расходов на науку в ВВП. Напомню, что до сих пор не выполнен майский указ Президента РФ 2012 г., который предполагал расходы на науку на уровне 1.77% ВВП. Нынешний бюджет – 1.11% ВВП, то есть практически в полтора раза меньше, чем предписано Президентом страны.

Тревожит, что продолжается резкое – на порядок – отставание России по финансированию науки от других ведущих держав мира. Если в позапрошлом году по государственным расходам на науку (я беру только государственные расходы, но общеизвестно, что на Западе очень велики расходы на науку частных компаний) мы отставали от Соединённых Штатов в 28 раз, то в нынешнем году – в 33 раза. В 2017 г. отставание от Китая по этому показателю составило 18 раз, в 2019 г. – 22 раза, от Германии – 8 раз, от Южной Кореи – 4 раза.

К сожалению, в структуре нашего государственного бюджета отсутствует раздел, касающийся науки, о чём мы говорим уже не первый год. Понять, какие расходы предусмотрены на научную сферу в целом, даже непосредственно занимаясь бюджетом, очень сложно, поскольку соответствующие траты распределяются по огромному количеству разделов бюджета. Кроме того, в настоящее время не реализуется ни один крупный национальный проект по тем направлениям, которые, собственно, и определяют научно-технический прогресс. Когда наш Комитет рассматривал во втором чтении поправки к бюджету, я задал представителям двух министерств очень простой вопрос: какой бюджет предусмотрен на программу “Искусственный интеллект”? Ответом было молчание. Я спрашиваю: по каким

статьям смотреть? Неизвестно! То есть целевого расходования средств на программы, которые определяют научно-технический прогресс, нет. В бюджетной политике нет целеполагания.

Нынешняя Научная сессия посвящена очень важным темам, связанным в том числе с нашей идентичностью, суть которой мы сейчас нащупываем на том пути, который предлагает в первую очередь академик В.А. Тишков. Это идея российской многонациональной нации, которая никогда не будет и не должна быть американским “плавильным котлом”, потому что наша сила и наше единство – в многообразии. К чему приводит стремление создать “плавильный котёл”, мы видим на Украине, где решили сплавить всех в один украинский народ с единственным официальным языком, а у нас только государственных языков 35, а преподавание ведётся на 86. В этом наша сила.

Надо понимать, что универсальная цивилизация невозможна, есть цивилизации во множественном числе – с могучими, многовековыми, а то и тысячелетними традициями, которые не могут быть “переплавлены” в нечто определённое в своём единообразии.

Говоря о пространственном развитии, следует иметь в виду, что мысль о “слишком большой” России многим приходит в голову, в том числе и нашим недругам. Мы должны исходить из того, что Россия не слишком большая, а такая, как и надо, чтобы реализовать наши национальные цели. Другое дело, что нужно очень серьёзно подходить к обустройству этого пространства, с участием Академии наук, наших учёных, многие из которых, оставаясь в науке на протяжении последних десятилетий, стали подвижниками.

Ведь в трагедии 1990-х годов мы потеряли большое число учёных – тех, кто ушёл из профессии, и тех, кто в неё не пришёл – два поколения молодёжи. Вам хорошо известны цифры: численность научных сотрудников в 1991 г. – 1600 тыс., сейчас – менее 600 тыс. И государству следует более активно о них заботиться. Конечно, и Академия наук должна становиться всё более авторитетной, всё более влиятельной интеллектуальной, политической и экономической силой.

С этой точки зрения невозможно переоценить значение выборов в РАН, которые состоятся в ближайшие дни. Я хотел бы пожелать вам сделать правильный выбор, чтобы академия укреплялась. Как представитель вузовской науки и как председатель Комитета по образованию и науке Госдумы РФ, я хотел бы видеть в стенах академии больше представителей вузовской науки, ректоров наших крупнейших вузов, которые возглавляют серьёзные научные коллективы. Я хотел бы пожелать, чтобы в академии было больше учёных с именем – это укрепляет её престиж в глазах всего общества, в глазах представителей государственных структур и позволяет более продуктивно решать вопросы, связанные в том числе со статусом академии, её финансированием.

В своё время академик С.И. Вавилов говорил, что *наука всегда должна работать в запас и впрок*. Этого запаса и работы впрок в последние годы, к сожалению, не получалось во многом из-за организационных и финансовых проблем, с которыми мы столкнулись. Но горизонты познания безграничны, и мы должны верить в то, что непонятное может быть понято и что российская наука всегда будет на передовых рубежах.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ОБРАЗОВАНИЯ Ю.П. ЗИНЧЕНКО

Поступило в редакцию 25.11.2019 г.

После доработки 25.11.2019 г.

Принято к публикации 25.12.2019 г.

Ключевые слова: Российская академия образования, развитие личности, лонгитюдные исследования, образовательные стандарты.

DOI: 10.31857/S0869587320030251

Для меня большая честь выступать перед главным научным собранием страны. Сегодня вы задали очень широкие рамки дискуссии. Казалось бы, речь идёт об очевидных вопросах, о взаимосвязи науки и общества, науки и государства, науки и образования. Но на деле всё не так просто. Скажем, если рассуждать о соотношении науки и экономики, оказывается неочевидным, кто кого должен поддерживать, кто кого продвигать, кто стимулировать развитие общества.

Взаимодействие Российской академии образования с Российской академией наук развивается на основе совместных проектов. Ведь изучение фундаментальных проблем детства стало в последние годы заметной тенденцией на международном уровне, на эту тематику тратятся значительные средства. Пришло понимание того, что чем раньше начинать заниматься воспитанием ребёнка, тем больших результатов можно достичь.

В современных условиях соответствующий круг проблем решается на новом уровне, Российская академия образования стремится шире применять новые технологии. Примером может служить запущенный недавно при участии Попечительского совета Академии образования в рамках программы развития психологической службы в России компьютерный центр данных для проведения исследований психологических особенностей подрастающего поколения. С помощью полученной благодаря этому центру информации эксперты намереваются оценить изменения, происходящие по мере индивидуального развития личности. Запускаются лонгитюдные исследования, потому что главные вопросы “кто такой современный ребёнок?”, “способен ли он и каким образом осваивать современную школьную программу?” пока остаются открытыми.

Крупные лонгитюдные исследования, которые начаты в 2019 г., проводятся совместно с учёными Российской академии наук, в первую очередь это Институт психологии РАН и Институт

социологии РАН. Значительный вклад вносит и медицинское крыло Академии наук, поскольку изучаемая проблема носит междисциплинарный характер.

Когда удастся продвинуться в понимании особенностей современных детей, наверное, легче будет принимать те или иные управленческие решения. В первую очередь это касается федеральных образовательных школьных стандартов. Сейчас как раз происходит их обновление. Предложенные Министерством просвещения РФ проекты рассматривались экспертами РАО и РАН, которые заключили, что эти документы нуждаются в существенной и глубокой проработке. В частности, речь идёт об обеспечении здоровья детей, о цифровизации сельских школ. А главное, стандарт должен стать не столько инструментом контроля и регулирования, сколько инструментом развития.

Ответственность перед будущими поколениями заставляет нас посмотреть на стандарты именно как на средство развития поколений молодых россиян, которые должны стать достойными гражданами, включиться в экономику страны. Образовательные стандарты — это не просто документы, регулирующие деятельность школ, они во многом определяют интеллектуальное будущее России.

Взаимодействие Российской академии образования и Российской академии наук должно сыграть ключевую роль при формировании школьных стандартов, которые должны стать целостным каркасом, формирующим не только отдельные предметные области, но и личность гражданина, уверенно смотрящего в будущее, успешно осваивающего не только школьную программу, но и программу высшего учебного заведения, овладевающего профессией. Нужно совместно браться за эту работу, потому что ни одно ведомство, как бы хорошо оно ни было организовано, не в состоянии решить проблему образовательных стандартов.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ И РОССИЯ

© 2020 г. А. А. Дынкин

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия*

E-mail: dynkin@imemo.ru

Поступила в редакцию 15.01.2020 г.

После доработки 25.01.2020 г.

Принята к публикации 04.02.2020 г.

В докладе с использованием междисциплинарного подхода анализируется текущая трансформация архитектуры мирового порядка. Отмечается, что скорость и глубина этой трансформации беспрецедентна для мирного времени за последние 200 лет. Одним из важнейших индикаторов турбулентности стала определённая деглобализация мировой экономики. Исследование технологических, социальных, экономических и политических переменных общественной динамики позволило сделать вывод об исчерпании, кризисе традиционного для развитых стран социального контракта, заключённого властью, бизнесом и гражданским обществом свыше полувека тому назад. Этот общественный договор был заключен ещё до глобализации, в индустриальном и биполярном мире. Его несоответствие современным реалиям, неспособность старого политического центра предложить убедительные подходы к его модернизации создало “разделённые общества”, ослабило социальную сплочённость в развитой части мира. В результате к власти пришли популистские, изоляционистские политические силы. Именно они запустили демонтаж существовавшей системы глобального управления, её норм и институтов. Основное противоречие текущей трансформации мирового порядка – попытка вернуть полицентричный мир к однополярной архитектуре с доминированием США. Наиболее вероятный сценарий разрешения этого противоречия – формирование “новой биполярности”. Автором доклада высказываются соображения относительно возможных контуров российской внешней политики, позволяющих адаптироваться и к “биполярности XXI века”, и к новой роли “балансирующей” державы. Предлагается новый дизайн глобальной архитектуры, предполагающий “многостороннее ответственное лидерство” (Multilateral responsible leadership).

Ключевые слова: мировой порядок, трансформация, исчерпание либерального порядка, глобальное управление, демонтаж, новая биполярность, многостороннее ответственное лидерство.

DOI: 10.31857/S0869587320030032

Архитектура мирового порядка, базирующаяся на экономической и военной мощи государств, большую часть второй половины XX в. была устойчиво биполярной: СССР – США и их

ДЫНКИН Александр Александрович – академик РАН, президент ИМЭМО РАН.

союзники. Распад мировой системы социализма в странах Центральной и Восточной Европы привёл к разрушению биполярности. Период 1990–2008 гг. принято называть “однополярным моментом”, с доминированием США. Последние десять с лишним лет, после мирового кризиса 2008 г. мир стал полицентричным или многополярным. Это связано с возвышением Китая, Индии, возвращением России в число великих держав.

Эти события не могли не повлиять на трансформацию фундаментальных основ и институтов мирового порядка, заложенного в послевоенный период. Однако для понимания глубинных причин перечисленных выше событий недостаточно исключительно политологических интерпрета-

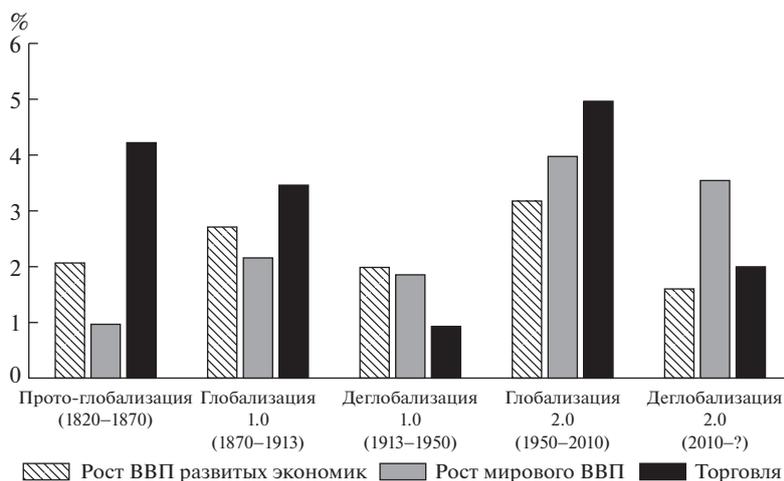

Рис. 1. Циклы глобализации и деглобализации

Источник: M. Matters, B. Swarup, Camdor Global Advisors, September 2016.

ций. Политологический подход нуждается в углублённом междисциплинарном подходе, включающем анализ технологических, социальных и экономических переменных общественного развития. Такой междисциплинарный анализ создаёт более надёжную основу для постановки и решения аналитических и прогнозных задач. В особенности для изучения причин, драйверов, продолжительности и возможных последствий и угроз такого многофакторного явления, как текущая трансформация архитектуры, норм и институтов мирового порядка.

Одним из центральных признаков трансформации миропорядка стало очередное торможение глобализации в начале 20-х годов XXI в. (рис. 1). Действительно, за последние 200 лет рост международной торговли опережал прирост мирового ВВП в периоды устойчивой архитектуры мирового порядка. Глобализация 1.0 (1870–1913 гг.) началась после франко-прусской войны, в основном за счёт роста торгового обмена между Великобританией и Пруссией. Период двух мировых войн заблокировал трансграничную торговлю, привёл к драматичному переформатированию мирового порядка. Послевоенную волну глобализации (1950–2010 гг.) инициировали США и их союзники – страны, связанные не только в экономическом, но и в военно-политическом отношении. Расширение деятельности американских, европейских и японских транснациональных корпораций постоянно требовало выхода на новые рынки. До конца холодной войны роль нового географического ареала торговли и прямых инвестиций играли страны Юго-Восточной Азии, после – страны Восточной Европы и Китая. Именно США поддержали вступление Китая в ВТО 2001 г. И именно локомотив китайской экономики вытянул мировую экономику из тяжёлого фи-

нансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Но в итоге основными бенефициарами глобализации 2.0 стали Китай, Индия, другие страны Азии.

Это привело к кардинальному пересмотру всей послевоенной внешнеэкономической стратегии США. В её основе была заложена максимальная либерализация внешнеторговых и инвестиционных режимов в интересах глобальной экспансии американского капитала. США устанавливали минимальные таможенные тарифы, принуждая партнёров к ответным шагам, в интересах “вскрытия” их рынков. До тех пор, пока мощь американской экономики и технологическое лидерство не подвергались сомнению, эта стратегия срабатывала. Но когда компании из Китая, Японии, ЕС и других стран накопили капиталы и компетенции, начали переход от имитационных к пионерным технологическим инновациям и, очевидно, стали выигрывать конкуренцию не только на своих рынках, но и на внешних, включая внутренний американский, произошла переоценка традиционных подходов. Администрация Д. Трампа отказалась от либеральной стратегии в пользу жёсткого протекционизма, с акцентом на интеллектуальную собственность, госсубсидии и симметрию других, нетарифных правил регулирования. При помощи политического давления искажаются устоявшиеся правила рыночного поведения, ломаются стандарты и правила конкуренции на мировых рынках.

Трамп пытается переписать правила глобализации силовым образом (“America First”) на транзакционном принципе и практически по всем азимутам. Это уже удалось с Канадой и Мексикой (НАФТА), в ближайшее время – с Великобританией. Растёт давление на Францию и ЕС в целом. Администрация 45-го президента США убедила

Таблица 1. США и Китай – лидеры цифровой экономики. Финансовые показатели Facebook, Apple, Microsoft, Alphabet (Google), Amazon (FAMGA) и Baidu, Alibaba, Tencent (BAT), 2018 г., млрд долл.

FAMGA	Facebook	Apple	Microsoft	Alphabet (Google)	Amazon	Суммарные показатели
Выручка/доход	55.8	265.6	110.4	136.8	232.9	801.5
Прибыль	22.1	59.5	16.6	30.7	10.1	139
Капитализация (12/2019)	588.3	1246	1180	934.6	887.8	4836.7

BAT	Baidu	Alibaba		Tencent	Суммарные показатели
Выручка/доход	11.9	56.2		47.3	115.4
Прибыль	3.3	12.0		11.9	27.2
Капитализация (12/2019)	44.2	558.5		462.6	1 065.3

Примечание. Корпоративные платформы FAMGA и BAT доминируют в своих сегментах интернет-рынков (от 50 до 100%), входят в число крупнейших по капитализации транснациональных корпораций мира, создают перспективные технологии, способные формировать новые рынки, являются центрами крупных инновационных экосистем: BAT – более 40% венчурного рынка КНР (инвестиции и покупка стартапов), FAMGA – 15–20% рынка США (в основном покупка стартапов); 40% всех инвестиций – в стартапы.

Источники: составлено на основе официальной годовой отчетности компаний за период 2010–2018 гг. включительно.

Бразилию отказаться от статуса развивающейся страны. Начался первый этап, но, скорее всего, тактический (дабы избежать мировой рецессии до ноября 2020 г.), снижения остроты торговой войны США с Китаем. Но и в случае его реализации всё равно средневзвешенная ставка американских таможенных тарифов для товаров из Китая в 2020 г. будет почти в 2 раза превышать уровень тарифов 2015 г., то есть до начала торговой войны.

Активизируются экстерриториальные усилия по навязыванию американских регуляторных принципов и технологических стандартов под предлогом “национальной безопасности” (блокирование сети 5G китайской компании “Хуавэй”, отказ от китайских дронов гражданского назначения). Это уже попытка захватить лидерство в цифровой инфраструктуре глобализации. Усиливается под тем же предлогом вне рыночная, политически мотивированная конкуренция на мировых энергетических рынках (санкции против “Северного потока-2”, попытка блокирования новых российских нефтегазовых проектов в Арктике).

Эти исключительно драматичные сюжеты текущего спада послевоенной волны глобализации демонстрируют поиск “новой нормальности”, перерыв эволюционной динамики мирового развития. Попытаемся оценить риски текущей трансформации с технологических, социальных, экономических и политологических позиций.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И МИРОПОРЯДОК

Цифровая экономика. На пороге третьего десятилетия XXI в. мир стал цифровым, сетевым и урбанизированным. На январь 2019 г. из 7.6 млрд мирового населения 67% пользовались мобильными телефонами, 57% – интернетом и 45% активно пользовались социальными сетями. При этом 56% живут в городах [1]. В цифровых технологиях определились две страны-лидера: США и Китай. По оценкам, в каждой из этих стран цифровая экономика составляет 6.9–8% и 4–6% ВВП соответственно [2]. В ней создаются основные так называемые “разрушающие” (disruptive) инновации (табл. 1).

Корпорации этих стран поддерживают цифровые платформы, осуществляющие основной объём онлайн-торговли товарами, финансовыми инструментами, нематериальным, в том числе медийным и развлекательным, контентом и услугами (облачные данные и вычисления, агрегаторы традиционных услуг). Тем самым создаётся новая инфраструктура глобализации, пока плохо поддающаяся статистическому учёту и поэтому регуляторному воздействию. Корпорации-лидеры цифровой экономики владеют методами индивидуально-таргетированной рекламы и предвыборных PR-технологий. Алгоритмы, искусственный интеллект, большие данные влияют на потребительские и электоральные предпочтения и тем самым стилизуют и навязывают спрос, модифицируют политический процесс.

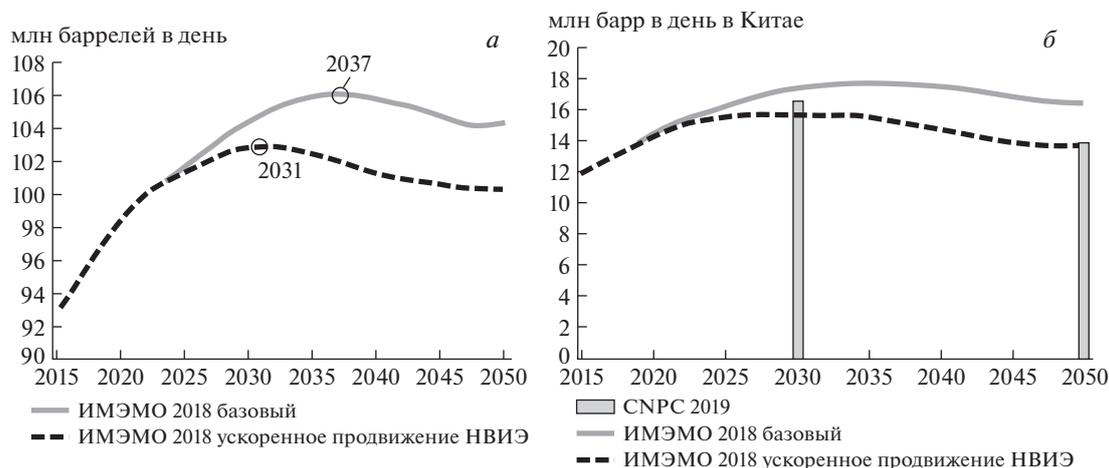

Рис. 2. Вероятность прохождения пика глобального спроса на нефть в середине 2030-х годов
а – долгосрочная динамика мирового спроса на нефть в различных сценариях прогноза ИМЭМО РАН; *б* – прогноз исследовательского института CNPC 2019 показывает, что пик спроса на нефть в китайской экономике может быть пройден в 2030 г., что подтверждает прогнозы ИМЭМО РАН
 Источник: расчёты ИМЭМО РАН.

Цифровая экономика меняет и рынок труда, и спрос на этом рынке: только на одной глобальной интернет-платформе Github по разработке софта зарегистрировано в начале 2019 г. уже 40 млн разработчиков, их услугами воспользовались 2.1 млн компаний [3]. Платформа бесплатна для проектов с открытым исходным кодом. Существуют десятки крупных и сотни более мелких аналогичных Github интернет-платформ.

Экономика цифровых платформ, или гиг-экономика, работает в режиме 24/7/365, имеет низкие барьеры входа. Экономия на масштабе, комплексность и глобальность обеспечивают таким площадкам высокие конкурентные преимущества. Этот альтернативный мировой рынок труда разрушает традиционные рынки и сложившиеся сети социальной защиты. Но одновременно открывает возможности гибкой, автономной занятости, особенно в развивающихся странах. По опросам, в Китае для 12% работающих по контракту через цифровые платформы эта занятость является постоянной и ещё для 33% – вторичной. В Индии – для 8 и 31%, в США – для 4 и 10%, соответственно [3]. Цифровыми фрилансерами по контракту становятся как лица уникальных компетенций, так и люди со средней квалификацией. Для работодателей платформы оптимизируют поиск занятых, меняют принципы корпоративного управления. Работа по временным контрактам требует таких новых качеств рабочей силы, как быстрая адаптивность, способность к гибкой кооперации, умение использовать “расширенный интеллект” – за счёт искусственного интеллекта и компьютерных роботов.

Экономика цифровых платформ как разновидность экономики знаний – неизбежно поля-

ризует доходы. Индивидуальная производительность труда в аграрной экономике различалась в 2–3 раза, в индустриальной – в 5–6 раз. В экономике знаний эти различия могут достигать десятков и сотен раз. И соответственно – растёт разрыв в оплате труда. Размывается традиционный для индустриальной экономики и экономики услуг средний класс – основа устойчивости политических систем развитых стран. Дисперсная занятость блокирует традиционные государственные и профсоюзные инструменты защиты труда. По этой причине центристские партии теряют опору.

Энергетика. Под воздействием новых технологий, климатических изменений, экологических ограничений существенные изменения происходят в энергетике. Гидроразрыв пласта и горизонтальное бурение сделали США лидером в добыче сырой нефти, что ведёт к изменению геополитических интересов. Технологическая динамика, стимулируемая климатическими изменениями, вызвала к жизни прогнозы о “пике спроса на нефть” (рис. 2).

На основе модельных расчётов ИМЭМО опубликовал этот результат ещё в 2012 г. [4]. Тогда он вызвал дискуссии, а сегодня становится общепризнанным. С тех пор ежегодно обновляемые долгосрочные прогнозы ИМЭМО РАН подтверждают высокую вероятность прохождения пика глобального спроса на нефть в середине 2030-х годов. В сценарии ускоренного продвижения новых возобновляемых источников энергии (НВИЭ) и электромобилей пик глобального спроса на нефть может быть пройден в начале 2030-х годов. Низкие же цены на нефть замедлят продвижение электромобилей и НВИЭ, что отодвинет глобальный пик спроса на нефть.

Согласно прогнозу CNPC от 2019 г. [5], пик спроса на нефть в китайской экономике может быть пройден в 2030 г., спроса на бензин — уже в 2025 г. Китай лидирует в производстве и потреблении электромобилей. За 6 мес. 2019 г. здесь было продано 650 тыс. электромобилей — рост 67% к аналогичному периоду 2018 г. В сентябре 2019 г. риск пика глобального спроса на нефть признало и Министерство энергетики РФ в обновлённом проекте энергостратегии России до 2035 г. [6].

На таком фоне разворачивается гонка между странами, обладающими большими запасами углеводородов, по ускоренной их монетизации. Её подстегивают ожидания, что инвесторы могут ослабить интерес к вложениям в нефтегазовый бизнес. Именно в этом ключе стоит рассматривать недавнее рекордное IPO Saudi Aramco (25.6 млрд долл.), на которое спустя 4 года после анонсирования наконец решился наследный принц Саудовской Аравии Мохаммед бин Салман в надежде диверсифицировать экономику королевства.

Тренды в цифровой экономике и энергетике, двух важнейших секторах глобальной экономики, оказывают многовекторное воздействие на международные отношения.

О СОЦИАЛЬНОЙ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ РАЗВИТОГО МИРА

Последний по времени мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. остался в истории с отчётливым клеймом “Сделано в США”. В силу тяжёлых и, возможно, небескорыстных регуляторных ошибок, он обнажил подспудно накапливавшиеся дисбалансы. Главный из них — исчерпание, кризис либерального социального контракта, заключённого между властью, бизнесом и гражданским обществом в начале 60-х годов прошлого века. Этот контракт был “подписан” ещё до глобализации, в нецифровом, индустриальном и биполярном мире. Тот мир не сталкивался с массовой миграцией и климатическими изменениями, с глобальной конкуренцией за инвестиции и “человеческий капитал”. Его суть была достаточно проста — каждое следующее поколение жило лучше, располагало большими возможностями, чем предыдущее. Дети становились более успешными, чем родители. Крах мировой системы социализма укрепил уверенность в эффективности старого общественного договора, ослабил усилия по поддержанию социально приемлемого распределения общественных благ. Возникло ощущение универсальности либеральной рыночной демократии для всех регионов мира. Это провоцировало геополитическую экспансию сначала в Восточной Европе, а затем и на Ближнем Востоке. Британский политик Д. Ми-

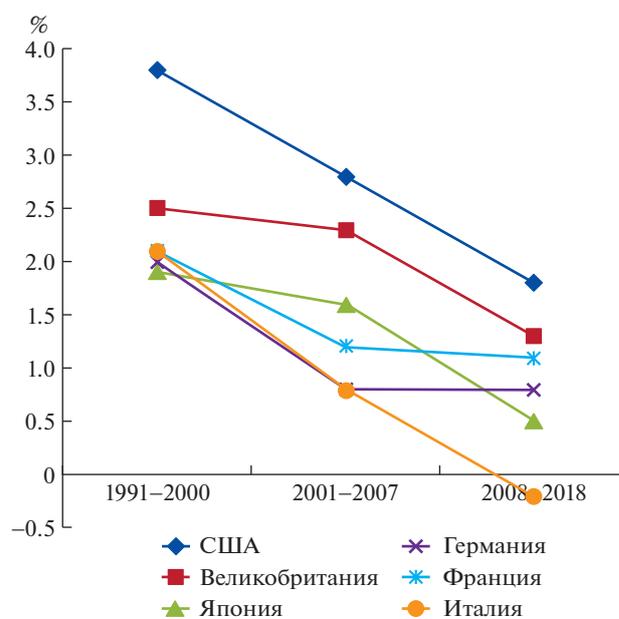

Рис. 3. Темпы прироста доходов на душу населения
Источник: расчёты ИМЭМО РАН по данным Всемирного банка, МВФ, 1991–2018 гг.

либэнд точно назвал этот период *временем “безнаказанной политики” Запада* [7].

Корпоративные элиты сфокусировались на росте акционерной стоимости в ущерб социальной ответственности. Бывший американский министр труда Р. Райч (1993–1997 гг.) в 2020 г. “Правда состоит в том, что сегодня американские корпорации приносят в жертву занятых и местные сообщества ради форсирования рекордных прибылей, как никогда в прошлом” [8]. Политический истеблишмент бросился вдогонку. Как пишет обозреватель Financial Times Э. Люс: “Г-н Джо Байден, в бытность сенатором (1973–2009 гг.), помог родному штату Делавэр стать крупнейшей офшорной юрисдикцией”. И далее: “Америка — крупнейший рай для грязных денег” [9]. По оценке Мирового банка, в 2017 г. на территории США было зарегистрировано в 10 раз больше фирм, чем в 41 офшорной зоне других стран.

Но после 2008 г. что-то пошло не так на этом “празднике жизни”. Падение темпов прироста (рис. 3) или стагнация доходов среднего класса, резкая их поляризация, особенно в США, формирование регионов с застойной бедностью достигли критических уровней¹ (рис. 4). И это происхо-

¹ Как пишет лауреат Пулитцеровской премии Н. Кристоф, четверть его знакомых, с которыми он ходил в школу в округе Ямхилл (штат Орегон), процветавшем на протяжении большей части XX в., но опустевшем с исчезновением там рабочих мест, уже умерли от наркотиков, алкоголя, совершили суицид или погибли в результате безрассудных несчастных случаев [10].

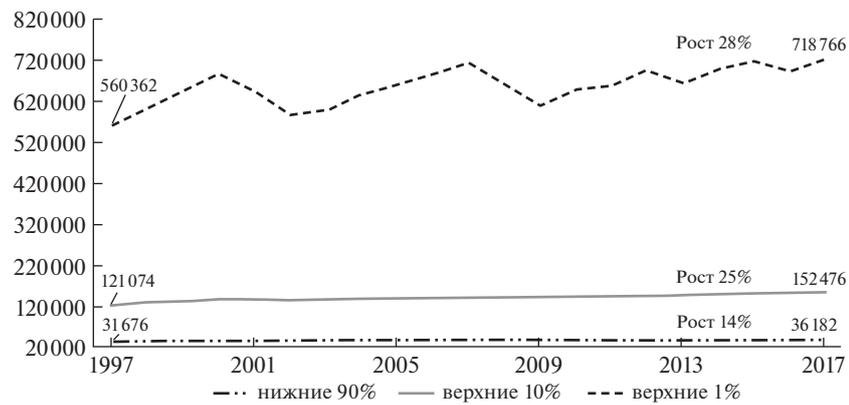

Рис. 4. Динамика годовой зарплаты для различных групп доходополучателей, долл. 2017 г.
Источник: расчёты ИМЭМО РАН.

дит на фоне взлёта стоимости университетского образования (рис. 5). В структуре долгов домашних хозяйств задолженность по образованию ещё в 2003 г. составляла 3%, а в 2018 г. вышла на второе место — 11% [11]. Для среднего класса университетское образование детей — крайне чувствительный параметр. Социологические опросы подтверждают экономический анализ.

Как следует из данных, приведённых на рисунке 6, оптимисты проживают в странах БРИКС. В США же тех, кто полагает, что жизнь детей станет хуже или не улучшится по сравнению с их собственной, уже 50%. Во Франции это мнение разделяют 65% опрошенных, в Германии — 75%. Британский юрист Х. Мохамед утвер-

ждает, что “поколение миллениалов будет первым поколением, чья жизнь будет хуже, чем у родителей” [12]. Что касается американского общества, то в нём накопилась и усталость от бесконечных, почти 20-летних ближневосточных войн. В Европе десятилетие держались низкие темпы роста, двузначный процент безработицы среди молодежи. Миграционный удар, как следствие вооружённых ближневосточных авантюр, добавил остроты этим сюжетам. Старая политическая элита не смогла предложить модернизационных изменений традиционного общественного договора. Партии левого центра: французские социалисты, немецкие социал-демократы, а теперь и лейбористы стремительно теряют электорат. В развитых странах пришёл конец социальной сплочённости (social cohesion) — возникли разделённые общества.

На этом фоне популистские политические силы, проповедующие лозунги протекционизма, изоляционизма и национального возрождения, остро критикующие старый политический центр, добились предпочтения избирателей. В их числе Д. Трамп, Б. Джонсон, М. Сальвини, Ж. Больсонару, Н. Модди, В. Урбан, Р.Т. Эрдоган — только некоторые имена лидеров новой волны.

Изменение внутривнутриполитического ландшафта привело к ревизии всей системы глобального управления в надежде ослабить социальные дисбалансы, вернуть социальную сплочённость. США стали лидером отказа не только от многосторонних торговых-инвестиционных соглашений, инициатором санкционных войн, но и выхода из договоров об ограничении вооружений, отказа от климатических соглашений. В 2001–2019 гг. США вышли или отказались от 15 важнейших институтов глобального управления. В их числе: по контролю над вооружениями — Договор по ПРО, ДРСМД, СВПД; по климату: Киотский протокол и Парижское соглашение; по миро-

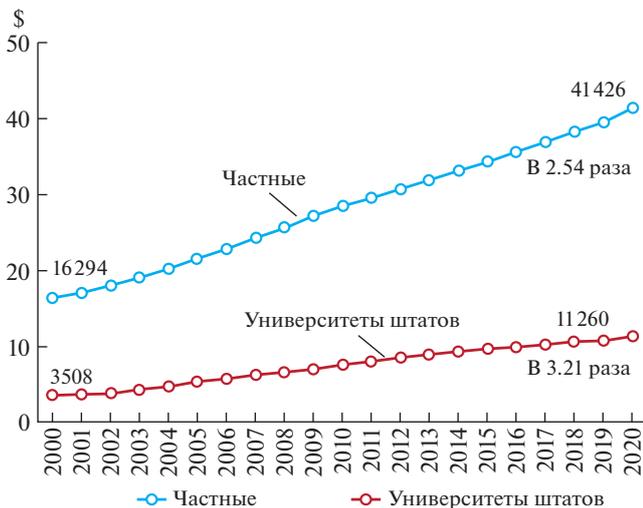

Рис. 5. Динамика стоимости обучения в университетах США, 2000–2020 гг.

Индекс потребительских цен вырос за эти годы в 1.54 раза

Источник: расчёт ИМЭМО на основе данных U.S. News Best Colleges.

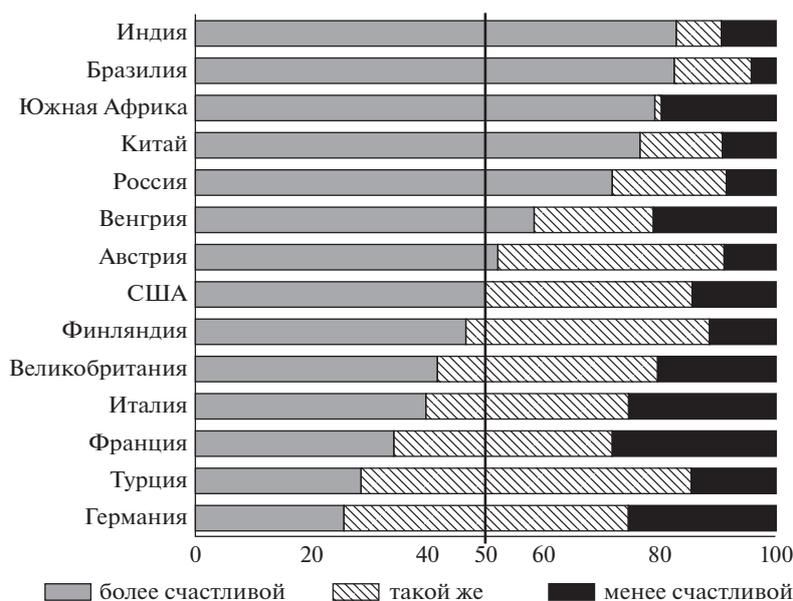

Рис. 6. Ответы на вопрос социологов “Когда вы думаете о своих детях или о своих будущих детях, как по-вашему, их жизнь будет более или менее счастливой, чем ваша?” продемонстрировали разный уровень оптимизма на этот счёт в разных странах
 Источник: Governance for Happiness. Global Survey Results conducted by Schoen Consulting, October 2019.

вой экономике: ВТО, ТТП, ТТИП; по правам человека: Совет по правам человека ООН, ЮНЕСКО, саммит Арктического совета и др. На счету нынешней администрации США — ликвидация 10 основополагающих международных соглашений и институтов.

США используют исключение из правил ВТО, мотивированное соображениями национальной безопасности для введения санкционных мер и тарифов настолько часто и широко, что превратили его в новую норму своей торговой политики. А 10 декабря 2019 г. США вообще заблокировали деятельность ВТО, не утвердив судей в апелляционную инстанцию по разрешению споров².

Столь масштабная ревизия мирового порядка и в такие короткие сроки раньше была характерна только для послевоенных периодов. Нынешняя администрация США не скрывает намерения разрушить полицентричное мировое устройство. Похоже, что 45-й президент вообще против любой архитектуры и за политический и экономический дарвинизм, за максимально жёсткую геополитическую конкуренцию. По принципу: “это в зоопарке надо было жить по правилам, а в джунглях самый сильный зверь — США”. Америка готова преследовать свои национальные интересы,

² На полях замечу, что при прочтении американских стратегических документов — “Стратегии национальной безопасности”, “Стратегии национальной обороны” и других к их авторам возникает вопрос — кто ревизионист? [13, 14].

бороться или договариваться с любыми конкурентами без особого внимания к их идеологии. “Послушных защитим, но соразмерно вкладу каждого” — будь то страны НАТО, Израиль или Япония.

Каковы предварительные экономические результаты “трампономики”? По прогнозу МВФ [15], среднегодовые темпы прироста в 2016–2020 гг. составят: по миру — 3,6%, по развитым странам — 2,1%, по США — 2,5%. Таким образом, американская экономика, отставая от темпов роста мировой, существенно опережает не только темпы роста экономик развитых стран, но и демонстрирует более высокую динамику, чем во время второго президентского срока Б. Обамы (2,3%) [15]. Рост рынка акций (индекс S&P 500) в 2019 г. поставил рекорд XXI в. При этом также рекордно низкой (с 1969 г.) остаётся безработица (3,5%, декабрь 2019 г.) [16]. Однако нельзя не замечать и отложенных опасных трендов и симптомов. Трамп увеличил, темпом в 2 раза превышающем рост ВВП, федеральный долг на 4,7 трлн долл. до 2029 г. в основном за счёт сокращения налогов и увеличения федеральных, в том числе оборонных расходов. Смогут ли мировые финансовые рынки продолжать абсорбировать увеличение долга Федерального казначейства? Этот вопрос остаётся открытым. Также сильно вырос разрыв между динамикой капитализации американского бизнеса и совокупной прибылью американских компаний. Такой дисбаланс обычно

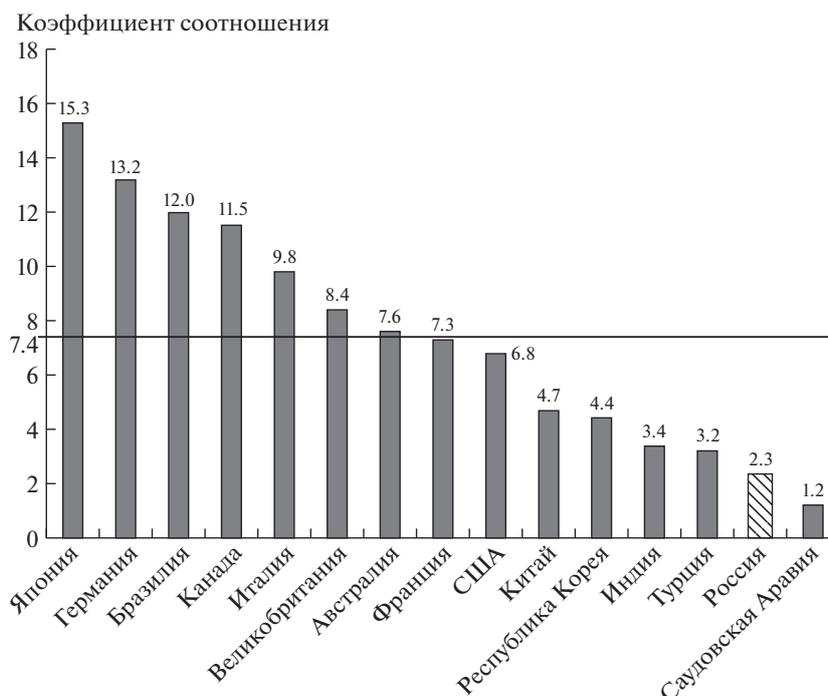

Рис. 7. Соотношение расходов на здравоохранение и образование к военному бюджету
 Источники: расчёты на основе статистики Всемирного банка, ОЭСР, СИПРИ.

ликвидируется экономическим кризисом. Когда это произойдёт? Станет ли пандемия коронавируса спусковым крючком глобальной рецессии или будет глубокой, но кратковременной коррекцией рынков?

Факты говорят о том, что вероятность глобальной рецессии в 2020–2021 гг. остаётся высокой. Неопределённости, ожидаемые неизвестные — точно нарастают. Однако их причины скорее политические, чем экономические: торговая война США–Китай, Брекзит, устранение одного из руководителей Ирана и блокада этой страны, нарастание противоречий по линии США–ЕС. И в этом новизна ситуации. Существуют и контртенденции.

- Во-первых, объём мировой экономики превысил в 2019 г. 85 трлн долл. На этом фоне даже рецессия в Германии (4.5% мирового ВВП) не столкнёт глобальную экономику, распределённую между многими странами, в кризис. Кроме того, скоординированное и превентивное снижение ставок центробанками ведущих стран уже ослабило рецессионный тренд.

- Во-вторых, администрация Трампа прилагает усилия, чтобы отодвинуть наступление рецессии за ноябрь 2020 г. — период президентских выборов, поэтому ищутся развязки в торговле с Китаем.

РОССИЯ: ВЫЗОВ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ И КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Вызов экономическому росту актуален для России. Сегодня фокус экономической политики должен смещаться от макроэкономики, где достигнуты сильные показатели, к микроэкономике и развитию “человеческого капитала”, утверждению мотивации на развитие. Вероятность глобальной рецессии в 2020–2021 гг. остаётся, что заставляет сохранять контрциклическую “подушку” макрофинансовой стабильности. При этом уроки СССР заставляют постоянно держать в фокусе внимания и *невоенные параметры безопасности*. А эти параметры уже близки к пределам.

На рисунке 7 представлен расчёт по 15 странам — лидерам мировых оборонных расходов. Приведено соотношение федеральных социальных расходов на здравоохранение и образование (без науки и культуры) и оборонных. Одновременность санкций и новая гонка вооружений могут создать тяжёлый мультипликативный эффект для экономики и жизненного уровня. Проведённый в ИМЭМО анализ антииранских санкций демонстрирует, что они оказывают кумулятивный негативный эффект на 10-летнем горизонте. В случае России их действие может проявиться как раз к 2024 г.

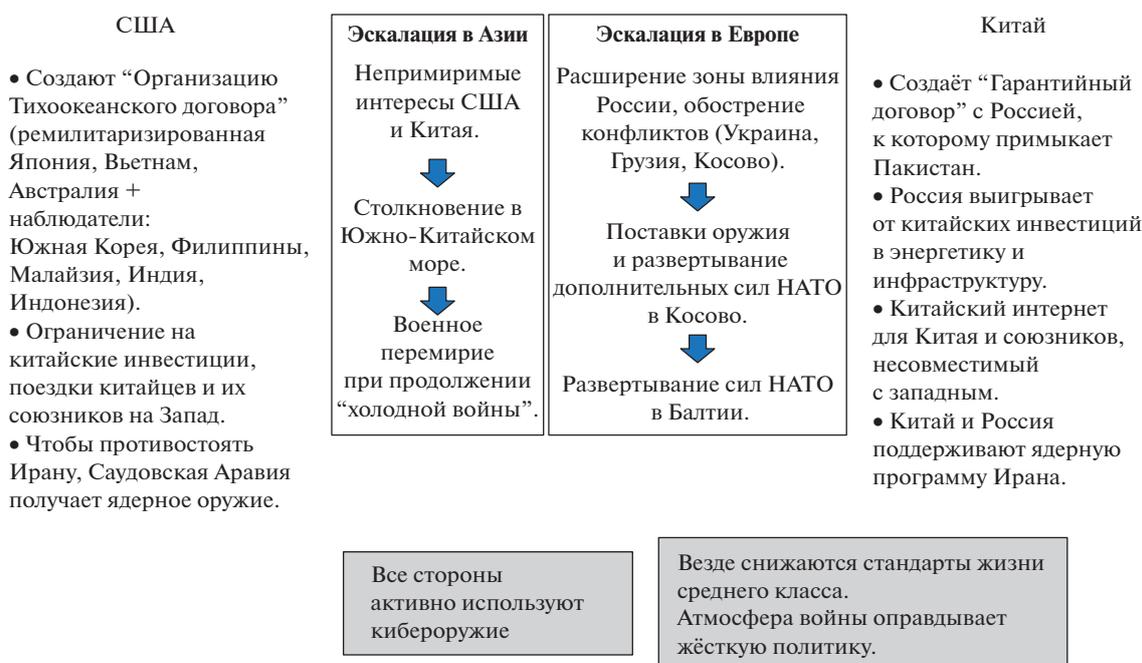

Рис. 8. “Новая биполярность”. Прокси-войны двух лагерей как путь к большой войне
 Источник: составлено по М. Бэрроуз. Глобальные риски 2035.

Вызов стратегической стабильности. Сокращение мер доверия в случае непродления Договора СНВ-3 (срок окончания его действия – 5 февраля 2021 г.) приведёт к утрате транспарентности и предсказуемости. За время существования СНВ-3 стороны провели 313 инспекций и 18 тыс. обменов информацией [17]. Никакие национальные средства разведки не смогут компенсировать эту потерю. Кроме того, ликвидация СНВ будет приглашением к расширению ядерного клуба до 14 стран в обозримой перспективе. К “девятке” могут прибавиться Япония, Южная Корея, Иран, Саудовская Аравия, Турция. Виден и следующий эшелон “желающих”.

В случае развертывания баллистических ракет средней дальности в Польше, Румынии и даже Балтии они смогут долетать до Урала и даже дальше. Гиперзвуковые боеголовки под новые аналоги “Першинг-2” с коротким подлётным временем и маневрирующими траекториями, а также новые наземные крылатые ракеты могут частично ослабить эффективность средств реализации российской концепции ответно-встречного удара. Это заставит нас: а) с большими затратами повышать живучесть ударных ядерных сил и их информационных систем; б) развернуть аналогичные системы средней дальности там, где они могут накрыть территорию США; в) принять концепцию упреждающего ядерного удара. Если стратегию упреждающего удара воспримут и США (а намёки на это есть уже в Обзоре ядерной политики 2018 г.), тогда резко понизится порог применения ядерного оружия.

Одновременно разрушение Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и риск размещения американских ракет в Европе потребуют ответных мер, что вызовет новое ухудшение отношений со странами ЕС. На это же нацелены и проекты создания ПРО США/НАТО в восточноевропейских странах. *В расширении раскола между Россией и ЕС страным образом и по разным причинам близки интересы США, Польши, стран Балтии.*

РОССИЯ И НОВАЯ БИПОЛЯРНОСТЬ

Россия влияет и одновременно адаптируется и к изменению баланса сил во внешнем мире, и к технологическим вызовам – двум критическим факторам текущей трансформации мирового порядка. *Его центральное противоречие: попытка США вернуть полицентричную архитектуру мирового порядка к однополярности.* Причём Трамп выступает за первенство Америки как таковое, а не за ответственное лидерство, которое предполагает бремя и, конечно, издержки. Наиболее вероятный выход из этого противоречия – формирование новой биполярности, биполярности XXI века: *США, Япония + НАТО – Россия, Китай + страны ОДКБ.*

В Стратегическом прогнозе ИМЭМО до 2035 г. [18] мы рассматривали этот сценарий как один из четырёх. Сегодня, спустя 5 лет, его вероятность оцениваю выше 50%. Эту же точку зрения высказал недавно М. Бэрроуз, авторитетный американский прогнозист, в опубликованном в сентябре 2019 г. прогнозе “Глобальные риски 2035” (рис. 8).

По сути дела, мы уже живём в ситуации мягкой биполярности. Её формула по отношению с Китаем: *“никогда против друг друга — не всегда вместе”*.

Риски и вызовы новой биполярности. В левой части “уравнения” США, Япония + НАТО — Россия, Китай + страны ОДКБ лидерство очевидно. Оно фиксируется, в том числе, 75-летним присутствием вооружённых сил США на территории двух их крупнейших союзников: Японии и ФРГ. В правой части уравнения лидерство дискуссионно. На среднесрочную перспективу КНР увеличит текущий 8-кратный разрыв с Россией по ВВП и технологическое лидерство. В большинстве оборонных технологий мы сохраняем мировое первенство. Например, в ПВО/ПРО, в системе предупреждения о ракетном нападении (СПРН), о помощи Китаю в создании которой сообщил В.В. Путин в сентябре 2019 г. Кстати, все китайские СМИ, как по команде, пропустили эту важную информацию.

Пекин не может не учитывать, что только две страны могут за 30 мин не только уничтожить друг друга, но и Китай. Это будет создавать ограничения тренду на его доминирование. Но только до тех пор, пока Китай не достигнет стратегического паритета с Россией и США или пока между Россией и КНР не будет заключен стратегический союз. То есть до тех пор, пока мягкая биполярность не перейдет в жёсткую. Думаю, что Пекин будет к этому стремиться. Особенно, к середине века, в случае продвижения КНР к глобальному лидерству, цели, провозглашённой на XIX съезде КПК в 2017 г. Да и США своей политикой фактически двойного сдерживания подталкивают Москву и Пекин к стратегическому союзу. Напомню, против нас действуют 79 раундов американских санкций.

Каковы китайские интерпретации сценария новой биполярности? На проведённой в Пекине в конце 2019 г. влиятельным экономическим журналом “Цайцзин” конференции отмечалось, что напряжённость в отношениях Китай — США сохранится в 2020 г. и может продлиться ещё 3–5 лет [19]. Другие китайские источники позволяют утверждать, что ближайшие 10 лет (и это минимальный срок) сотрудничества с США по хай-теку не будет. На смену США приходит Европа, сегодня до 70% новых технологий поступает в Китай из Германии. Возможная модель: “один мир — две пока технологические экосистемы”³. На создание автономной китайской цифровой экосистемы направлена директива ЦК КПК (2019 г.), получившая сокращённое название “3-5-2”. Она ориентирует государственные ведомства и операторов критических инфраструктурных систем на

замену 30% иностранного компьютерного оборудования в 2020 г., 50% — в 2021 г. и 20% — в 2022 г. Это весьма амбициозная задача. Скажем, китайские компьютеры “Леново” используют микрочипы “Интел” и дисководы “Самсунг”. Но если с “железом” относительно просто, то с программным продуктом сложнее. Большинство поставщиков создают программы под операционные системы Windows (Microsoft) и macOS (Apple). Китайская операционная система Kylin OS имеет гораздо более узкий спектр поставщиков [20]. Альтернативная США цифровая экосистема могла бы включать Китай, Россию и ЕС — такую точку зрения представил на состоявшейся в ИМЭМО международной конференции EMERTECH-2019 профессор Жун Кэ из Университета Цинхуа. Китайские стратеги подчёркивают, что отношения между участниками “второй экосистемы” должны быть равноправными и гармоничными — ведь именно это обещает лозунг “сообщества судьбы человечества”, зафиксированный в Конституции КНР и уставе КПК. Однако реальное лидерство и координирующую роль в этой экосистеме они отводят Китаю: причина в том, что после украинского кризиса Россия посорилась с Европой, а Пекин дружен с обеими вершинами этого “технологического треугольника”.

Некоторые возможные контуры российских внешнеполитических подходов в 20-е годы XXI века. В случае нарастания биполярного тренда Вашингтон будет стремиться втянуть в свою орбиту Бразилию, ЮАР, Южную Корею, Индонезию и Мексику. Естественно, они будут пытаться усидеть “на горе”. Представляется, что отношения с ними стоит активизировать. И здесь Пекин — естественный союзник. *Но ключевая проблема — на чьей стороне Индия?* По второму треку мы уже несколько лет ведём трехсторонние консультации в формате ИМЭМО — Обсервер Фаундейшн — Центр Вудро Вильсона. Как остроумно ответил американцам один индийский участник этих консультаций, “если вы будете запрещать нам покупать российское оружие — в политическом классе Индии начнётся шизофрения”. Но американцы наращивают усилия по реформатированию и экспертного, и политического сообщества Индии. Их нарратив, который неплохо “заходит” в Индии, — “Россия — сателлит Китая”. Наше внешнеполитическое планирование не может проходить мимо этих американских усилий.

Очевидно, что не в интересах России и Евросоюза играть вторую скрипку в биполярном мире. Похоже, в ЕС только президент Франции и канцлер ФРГ начинают осознавать эту угрозу. Нас ждёт достаточно долгий период трудных отношений с США и ЕС, а в перспективе, не исключено, и с Китаем.

³ Пока Китай не ликвидирует свои слабые места.

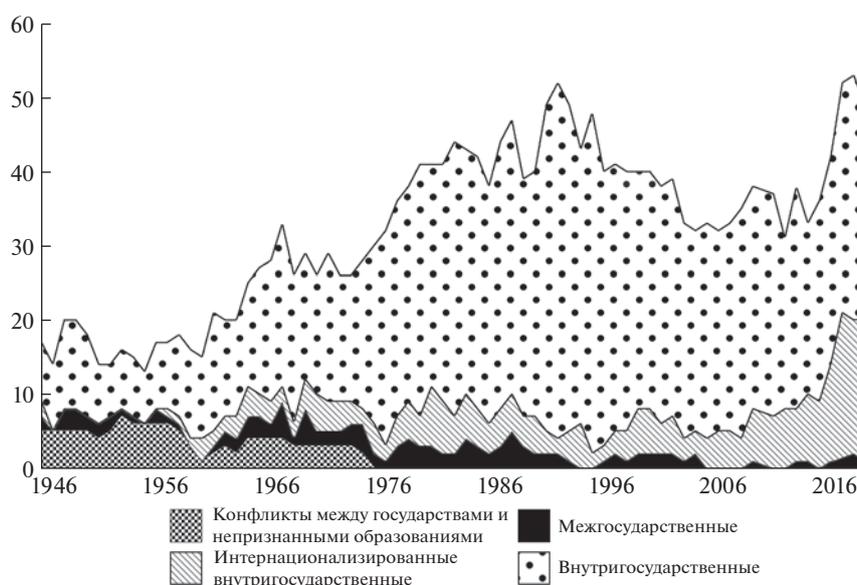

Рис. 9. Количество вооружённых конфликтов с участием государств

Источник: Uppsala Conflict Data Program

России предстоит новая роль — ведущей “балансирующей” державы. Модель политики с “изменяющейся геометрией партнёрств” уже успешно опробована на Ближнем Востоке: в Сирии и Ливии. Такой многовекторный подход получает признание. Согласно опросам 20 тыс. экспертов, по итогам 2019 г. Россия, как и по итогам 2018 г., занимает вторую строчку в рейтинге совокупной мощи и международного влияния [21]. Эту нарабатанную практику взаимодействия с широким спектром международных партнёров следует всемерно поддерживать. Именно этот подход может удержать полицентричный мир от сползания к жёсткой биполярности.

Полагаю, в отношениях с евроатлантическими странами стоит максимально акцентировать сближение с Китаем, посылая при этом сигналы Пекину о необходимости корректного соблюдения российских интересов, как минимум, в постсоветских странах. И одновременно работать по поиску компромиссов и развязок, прежде всего с ЕС.

* * *

В ведущих центрах силы нет сложившегося понимания, не сформулирован внятный и желаемый образ будущего мирового порядка. Концепции “Сделаем Америку снова великой” и “Один пояс, один путь” имеют отчётливый фокус на узко национальные интересы. Похоже, что все ведущие игроки, в том числе Россия, стремятся отстаивать свои интересы, но не жаждут ответственной глобальной роли. Такое стремление и объективная готовность сохраняются, пожалуй,

пока у части американского истеблишмента. Но элита США сегодня глубоко расколота.

Россия может предложить этот дизайн исходя из многообразия национальных социально-политических моделей. Как известно, разнообразие снижает энтропию. Идеологическая унификация стран по принципу “мировой системы социализма” либо “либерального мирового порядка” провалилась. Это не повод разочаровываться в тех или иных идеалах, но нельзя не признать тот факт, что гетерогенность в очередной раз оказалась устойчивее гомогенности.

Пока же полицентризм без мультилатерализма, то есть без глобального управления, ломает нормы, регулирующие мироустройство. Мир стал более опасным и с военно-политической, и с финансово-экономической, технологической и климатической сторон. Недаром “Бюллетень учёных-атомщиков” перевёл часы Судного дня на 20 секунд вперёд [22].

Рисунок 9 наглядно показывает резкое увеличение интернационализированных внутрисударственных конфликтов в XXI в., спустя 75 лет после окончания Второй мировой войны. Поэтому, конечно, нужна работа по снижению текущих рисков дестабилизации.

В более долгосрочном плане важен поиск нового дизайна мирового порядка. *Предлагаю формулу “многостороннее ответственное лидерство” (Multilateral responsible leadership).* Назову её константы.

- Универсализация применения принципов международного права, отказ от двойных стан-

дартов в выборе внешнеполитических приоритетов;

- Отказ от стратегий *экспорта собственных моделей развития* в третьи страны;

- Обеспечение права на *распространение правдивой информации*, признание информационных войн опасной прелюдией к эскалации межгосударственных конфликтов и насилия.

С моей точки зрения, эта формула выглядит предпочтительнее других вполне реалистических сценариев: новой биполярности, хаотичных “джунглей” Трампа, или перспективы однополярности во главе с Китаем. Это контуры четырёх сценариев мирового порядка, которые мы закладываем в свой очередной стратегический прогноз до 2040 г.

“Многостороннее ответственное лидерство” концептуально не противоречит подходу ЕС к укреплению “мультилатерализма, основанного на правилах”, где ООН называется краеугольным камнем [23]. В этом документе вызывает возражение, пожалуй, только старая тема, касающаяся “обязанности защищать” (responsibility to protect), которая дискредитировала себя в Ираке, Ливии, Сирии.

Очевидно, мировое развитие подошло к рубежу, когда императивным становится настройка старых и конструирование новых институтов и норм инклюзивного мирового развития.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность коллегам из ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН: Ф.Г. Войтоловскому, А.Г. Арбатову, И.В. Данилину, В.Ю. Журавлёвой, С.В. Жукову, Г.И. Мачавариани, С.В. Уткину, А.П. Гучановой за обсуждения и помощь в процессе подготовки доклада.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kemp S.* Digital 2019: Global Internet Use Accelerates, We are social, January 2019. <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates> (дата обращения: 25.10.2019).
2. Digital Economy Report 2019. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva: United Nations, 2019.
3. *Bailey A., Chalendar A., Wallenstein J., Reeves M.* The New Freelancers. Tapping Talent in the Gig Economy. Boston Consulting Group, BCG Henderson Institute, January 2019. <https://www.bcg.com/publications/2019/new-freelancers-tapping-talent-gig-economy.aspx> (дата обращения 28.10.2019).
4. *Байков Н.М., Гринкевич Р.Н.* Прогноз развития отраслей ТЭК в мире до 2035 г. М.: ИМЭМО РАН, 2012.
5. China's crude oil demand seen peaking at 705 mln T around 2030 – CNPC research, Reuters, December 5, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/china-energy-forecast-cnpc-idAFL4N28F1YW> (дата обращения 10.12.2019).
6. Проект энергостратегии Российской Федерации на период до 2035 г. (редакция от 18.12.2019).
7. *Miliband D.* The New arrogance of power: Global politics in the age of impunity, Fulbright Lecture, June 2019.
8. *Stern S.* Will autocratic leadership styles spill over into business? // Financial Times. 2020. January 06.
9. *Luce E.* How money laundering is poisoning American democracy // Financial Times. 2019. November 28.
10. *Kristof N.D., WuDunn S.* Tightrope: Americans reaching for hope. New York: Alfred A. Knopf, 2020.
11. Quarterly Report on Household Debt and Credit. 2019:Q2. Released August 2019. Federal Reserve Bank of New York. Research and Statistics Group.
12. *Rashid T.* People Like Us by Hashi Mohamed review – room at the top? Not now? // The Times. 2020. January 11.
13. National Security Strategy of the US 2017. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
14. National Defense Strategy of the US 2018. DoD. <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
15. World Economic Outlook: Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers. International Monetary Fund, October 2019.
16. U.S. Bureau of Labor Statistics. <https://www.bls.gov>
17. *Вяткин Я.* Ликвидация договора СНВ-3: кто в выигрыше? // Военное обозрение. 2020. 20 декабря.
18. Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. А.А. Дынкина. ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Магистр, 2017.
19. Чжун Мэй гуаньси: бои юй поцзюй. Китайско-американские отношения: игра и прорыв. Цзиньжи Чжунго. 2019-11-15. http://www.chinaday.com.cn/zw2018/ss/201911/t20191115_800185194.html (дата обращения 18.12.2019).
20. *Yang Y., Liu N.* Beijing orders state offices to replace foreign PCs and software? // Financial Times. 2019. December 9.
21. 2019 Best Countries Rankings. Power subranking // U.S.News & World Report. 2019.
22. Bulletin of the Atomic Scientists. <https://thebulletin.org/>
23. EU action to strengthen rules-based multilateralism-Council conclusions, Council of the European Union. Brussels, 17 June 2019.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

САМОСОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2020 г. А. В. Смирнов

Институт философии РАН, Москва, Россия

E-mail: asmirnov@iph.ras.ru

Поступила в редакцию 19.11.2019 г.

После доработки 02.02.2020 г.

Принята к публикации 04.02.2020 г.

История свидетельствует: успешные, долговременные цивилизационные проекты осуществлялись тогда, когда удавалось найти удачное сопряжение трёх уровней идентичности: местного (этноязыковая общность), регионального (группа родственных культур и языков, имеющая общие корни) и всемирного (человечество). Ключевую роль играет второй уровень, который обеспечивает органичное взаимное обогащение национальных (местных) культур и через который носители местной этноязыковой общности осознают свою причастность человечеству. Фактическая нерешённость вопроса о втором уровне идентичности для России со всей остротой ставит проблему несформированности устойчивого национального самосознания. Рассмотрены три варианта ответа на вопрос о втором уровне идентичности: славянский (Данилевский), европейский (Достоевский), Россия-Евразия (классическое евразийство). Автором доклада показано, что никакой из частных вариантов культурно-цивилизационной идентичности в современной России не может служить инвариантом всероссийской идентичности, что ставит вопрос о необходимости их собирания (а не приведения к единству) на основе разработанной в русской мысли категории “всечеловеческое”.

Ключевые слова: всечеловеческое, общечеловеческое, культура, цивилизация, Данилевский, Достоевский, классическое евразийство.

DOI: 10.31857/S0869587320030238

В XX веке наша страна пережила два гигантских катаклизма, две революции – 1917 и 1991 гг. В XX в. наша страна носила три разных названия. Три разных социально-экономических и политических строя соответствуют этим трём периодам. Оба потрясения, 1917 и 1991 гг., сопровождалась войнами, внешними и внутренними, которые несли угрозу существованию страны.

Я назвал три уровня событий, которые видны на поверхности. Это – силовой, политический и

социально-экономический. Все они должны изучаться, и изучаются методами специальных наук.

Однако мой доклад будет посвящён другому уровню – культурно-цивилизационному. Именно на этом уровне происходят глубинные изменения, незаметные поверхностному взгляду и требующие особых, философских методов изучения. Это – именно те изменения, которые выливаются время от времени в мгновенные катастрофические события в общественной жизни. И именно этот уровень связан непосредственно с вопросом о самосознании нашего общества.

Этот вопрос, если выразить его простым языком, звучит так: зачем существует Россия на карте мира? Это во-первых. И во-вторых, на каком основании мы говорим о себе – “мы”? Что делает нас – “нами”, общностью, а не просто собранием индивидов, конгломератом отдельных личностей, народностей, этнокультурных образований?

Сегодняшний момент в жизни нашей страны – особый с двух точек зрения, внутренней и внешней. Прошлый век со всей ясностью показал не-

СМИРНОВ Андрей Вадимович – академик РАН, директор Института философии РАН.

решённость вопроса о культурно-цивилизационной принадлежности России. Но эта внутренняя неопределённость многократно усиливается внешними факторами.

Мы являемся свидетелями перекройки культурно-цивилизационной карты мира. Последние пять веков были эпохой безусловного культурного господства Европы. Однако это время близится к концу. Наиболее чуткие умы, поэты и философы Европы, выразили это умонастроение более ста лет назад. «Мы труп везём с собою в трюме» — так Генрик Ибсен в 1875 г. сравнил Европу с кораблём с мёртвой душой¹. В 1918 г. «Закат Европы» Освальда Шпенглера [2]² дал философское обоснование этого взгляда. В 2020 г. исполнится сто лет с момента выхода в свет книги нашего гениального соотечественника, филолога с мировым именем и основателя классического евразийства Николая Сергеевича Трубецкого «Европа и человечество». В этой книге, незаслуженно замалчиваемой, в том числе и в отечественной науке, впервые был поставлен вопрос не просто о неоправданности, но о категорической недопустимости европоцентризма. Сегодня все говорят об «Ориентализме» Эдварда Саида, вышедшем в 1978 г. [4], забывая, что те же вопросы с гораздо более глубокой теоретической проработкой были поставлены более чем за полвека до него нашим соотечественником.

Так вот, то, на что указывали поэты и философы век назад, сегодня осознано и проговорено политиками. Не российскими — западными. Президент Франции Эммануэль Макрон заявил в августе 2019 г., что век гегемонии Запада подошёл к концу³. Громадные культурно-цивилизационные «материки» — Китай, Индия, исламский мир, — которые прежде с позиций европоцентризма высокомерно относили к «периферии» мирового развития, выходят на мировую арену в качестве полноценных игроков. Это — новые центры культурно-цивилизационного притяжения, каждый

¹ Заключительная строка стихотворения 1875 г. «Письмо в стихах»: «Боюсь, мы труп везем с собою в трюме!» [1, с. 589].

² Книга впервые опубликована на немецком в 1918 г.

³ «Эпоха доминирования стран Запада подходит к своему завершению из-за глобальных геополитических изменений, заявил президент Франции Эммануэль Макрон, выступая перед послами республики. Трансляция мероприятия велась на странице Елисейского дворца в твиттере. «Мы видим конец западной гегемонии в мире. Обстоятельства меняются», — отметил французский лидер. По его словам, сегодня на мировой арене укрепляются «новые державы». «Китай выдвинулся в первые ряды, а Россия добивается большего успеха в своей стратегии», — подчеркнул Макрон» [5].

из которых опирается на собственный цивилизационный проект.

В этих условиях вопрос о культурно-цивилизационной недоопределённости России приобретает особую остроту. Прорубленное 300 лет назад «окно» в Европу, похоже, так и не превратилось в «открытую дверь». Россия по-прежнему фактически рассматривается Европой как неевропейская держава. Тот же Макрон высказал мнение о том, что Европа должна предложить России некую «стратегическую опцию», чтобы Россия не стала «младшим союзником Китая». И дело не в этом высказывании, хотя оно достаточно показательное. Дело в том, что вопрос о культурно-цивилизационном самоопределении России решать надо *нам самим*, и решать его не эмоционально, не ссылаясь на некий «выбор» (которых в нашей истории можно насчитать немало, причём эти выборы не всегда совместимы друг с другом: православный, европейский, социалистический — а сегодня какой?) и не на основе признаков языкового или этнического родства, но с опорой на фундаментальные законы, проявившие себя в историческом развитии. Об этом я скажу несколько слов.

В самосознании общества ясно выделяются три уровня идентичности. Первый — низший, или локальный. Мы осознаём себя, используя этнические названия, называя себя по имени этноса или языка: французы, англичане, немцы, русские и т.д.

Мы также осознаём себя как принадлежащих человечеству. Это — третий, высший уровень самосознания общества. Но между первым и третьим, низшим и высшим обычно располагается промежуточный, второй уровень идентичности. Именно он обеспечивает культурно-цивилизационную устойчивость общества и его успешное развитие.

Что это за второй уровень? Здесь нет никакого секрета. Таким срединным уровнем идентичности служит, к примеру, европейский для входящих в европейский культурно-цивилизационный ареал народов. Словосочетания вроде «европейская история», «европейская литература», «европейская философия» и так далее не являются пустыми. Европейская идентичность — источник творческого обогащения и обмена. Без такого среднего уровня идентичности национальная культура европейских народов вырождается в провинциализм.

То же самое следует сказать о Китае, Индии и исламском мире, но я не буду на этом останавливаться за недостатком времени. Вывод понятен: *успешные и устойчивые цивилизационные проекты осуществлялись тогда, когда был удачно найден срединный, второй уровень идентичности*. Тогда самосознание общества выстраивается в органич-

ной связи и взаимозависимости всех трёх уровней идентичности. Три разных понимания “мы”: “мы” — этнос, “мы” — сверхэтническая общность и “мы” — человечество — увязаны друг с другом. Это служит залогом самопонимания и самоуважения общества, его мировоззренческого и этического здоровья, органичного целеполагания и в конечном счёте — уверенности в собственной судьбе и в своём будущем. Это органичное “мы” обеспечивает то, что Руссо назвал “общественным договором”, то есть пониманием необходимости и негласным согласием разных слоёв общества жертвовать частью своих корыстных интересов ради общего блага. Всёго этого катастрофически не хватает нам в сегодняшней России, где можно с полным основанием говорить о кризисе общественного самосознания.

В этой связи встаёт вопрос: что является — и является ли что-то — таким вторым, срединным уровнем идентичности для России?

Как представляется, этот вопрос не решён, во всяком случае — не решён как-то определённо. Можно выделить три ответа на него, которые давались отечественными мыслителями.

Николай Яковлевич Данилевский, предложивший в своей работе “Россия и Европа” [7]⁴ 1871 г. теорию культурно-исторических типов, говорил о славянском культурно-историческом типе как могущем возникнуть в будущем. Данилевский прекрасно понимал, насколько проблематично так называемое “славянское единство”, он не был славянофилом и считал славянофильство таким же заблуждением, как и западничество. Для него будущий славянский культурно-исторический тип был необходим как второй, срединный уровень идентичности. Вряд ли сегодня это решение, которое было проблематичным и для самого Данилевского, может рассматриваться как действительный проект.

Фёдор Михайлович Достоевский в своей знаменитой “Пушкинской речи”⁵ 1880 г. мечтал о том времени, когда в России будет преодолено взаимное непонимание и неприязнь между западниками и славянофилами. Тогда наступит время всеобщего, всечеловеческого братства, которое представлялось Достоевскому как укоренённое в христианстве. Тогда, писал он, “мы все обнимемся и запоём новую песнь” [9, с. 224]. Эти слова могут показаться наивными. Но давайте спросим себя: не такое ли ожидание всеобщего примирения с Европой, не ожидание ли “братских объятий” владело умами нашей интеллигенции в конце 1980-х—начале 1990-х? Разве не казалось тогда многим, что стоит лишь “сбросить”

коммунизм — и всё само собой наладится, Россия вернётся, как тогда любили говорить, “в семью цивилизованных народов”, и мы — прямо по Достоевскому — “запоём новую песнь” вместе с Европой? Жизнь показала утопичность этих ожиданий.

Третье решение было предложено в классическом евразийстве (1921—начало 1930-х гг., не включая Льва Николаевича Гумилёва). Срединным уровнем идентичности для России служит — она сама. Именно поэтому классические евразийцы использовали формулу Россия-Евразия. Они считали, что в ходе длительного исторического развития народы России выработали массу общих черт, они обогащали друг друга и друг у друга заимствовали не только политические и культурные черты, но и черты национального характера и даже языкового строя. Показательна работа Романа Осиповича Яacobсона “О евразийском языковом союзе” 1931 г. [10].

В свете этого евразийская активность сегодняшней России приобретает особый смысл. Различные формы экономических, политических, оборонных союзов направлены на то, чтобы укрепить и обустроить евразийское пространство, ясно обозначив присутствие на нём нашей страны. Но если силовой, политический и социально-экономический уровни достаточно ясны, работа по этим направлениям ведётся, то этого нельзя сказать о самом глубоком, культурно-цивилизационном уровне. Как он может мыслиться, каково его место в структуре самосознания российского общества и какую роль он может сыграть в усилении внутренней и внешней политики нашей страны?

В условиях очевидного идейного и идеологического вакуума после 1991 г. в России наметилась и набирает силу крайне тревожная тенденция: сращивание этнического и религиозного в процессе поиска национальной идентичности. В общественном сознании складываются устойчивые отождествления вроде русский=православный, татарин=мусульманин, еврей=иудей, бурят=буддист и т.д. Нарастанию этой тенденции способствует целый ряд факторов, в том числе активность религиозных деятелей, продвигающих политику клерикализации различных сторон жизни общества. Если позволить этой тенденции закрепиться и укорениться, Россия окажется фактически разорвана между несколькими разнонаправленными и разноцентрированными культурно-цивилизационными проектами. Этому ни в коем случае нельзя дать случиться. Вместе с тем отрицать или тем более запрещать конфессиональную самоидентификацию недопустимо. Каков же выход?

Все названные культурно-цивилизационные потоки, вкупе с представителями традиционных

⁴ Первая публикация книги — 1871 г.

⁵ Произнесена на заседании Общества любителей русской словесности 8 июня 1880 г. [8, с. 136–149].

верований народов России, а также теми, кто свободен от религии, могут быть только *собранны*, их нельзя привести к какому-то виду *единства*, если мыслить единство по типу родового, как это обычно делают. В то же время никакая из отдельных идентичностей, никакой из отдельных культурно-цивилизационных потоков не может претендовать на роль “всероссийской идентичности”. Это значит, что российская идентичность не может формироваться через придание общеобязательного статуса какому-либо одному варианту из названных типов *внутрироссийской* идентичности. Нам критически необходимо внеконфессиональное, гуманитарное культурное пространство, построенное на принципах рациональности, которое позволит *собрать все культурные потоки современной России* ради их свободного развития и свободного общения.

В отечественной мысли ещё в начале XIX в. была выдвинута и тщательно проработана категория “всечеловеческое”. Были очень ясно показаны её преимущества в сравнении с категорией “общечеловеческое”. “Всечеловеческое” заявляет нередуцируемость собственной, внутренней логики каждой из культур, составляющих человечество. В отличие от этого, “общечеловеческое” задаёт единый шаблон для всех, от которого нельзя отклоняться и следование которому считается обязательным. Но ведь именно стратегия “общечеловеческого” осуществляется сегодня в рамках так называемой “глобализации”, которая продвигает европейский культурно-цивилизационный проект в качестве безальтернативного и требует редуцировать все формы организации культурной и общественной жизни неевропейских обществ к этой общеобязательной общечеловеческой модели.

В этих условиях совершенно очевидны преимущества модели устройства общества и культуры, опирающейся на категорию “всечеловеческое”. Многие политики сетуют на якобы отсутствие в России “национальной идеи”. Думаю, такая идея есть – в том смысле, что она проявила себя в реальной истории России, где многими веками представители различных культурно-цивилизационных потоков жили вместе. Она есть и в том смысле, что была предложена и разработана отечественными мыслителями. Наконец, она есть и в том смысле, что сегодня как никогда актуальна и востребована как во внутреннем, так и во внешнеполитическом аспекте. Это – идея “всечеловеческого” в очерченном выше её понимании.

Что касается внутреннего измерения, то идея всечеловеческого способна стать действенным средством гармонизации общественного самосознания, органично собрать все культурно-цивилизационные потоки современной России на об-

щегуманитарном внеконфессиональном культурном пространстве, обосновать наше общее “мы”. Тем самым будет достигнута гармонизация общественного сознания России на всех трёх названных уровнях идентичности: локальной, сверхэтнической и общемировой. На внешнеполитическом направлении идея всечеловеческого способна стать основанием мягкой силы России, закладывая надёжный фундамент наших действий и сотрудничества с партнёрами на евразийском и общемировом пространстве в экономической, политической и силовой областях. Концепции, разработанные на основе категории “всечеловеческое”, способны стать действенным ответом на известные теории типа теории столкновения цивилизаций и пр.

Культурно-цивилизационный уровень – глубокий уровень самоорганизации общества, отвечающий за формирование его самосознания. Именно он определяет мировоззренческое и нравственное здоровье общества, обеспечивает увязывание интересов его различных слоёв, понимание общности цели и оправданности общей судьбы, обеспечивает идейный фундамент внешней политики. Во всех этих областях Россия сегодня испытывает серьёзный дефицит идей и фундаментальной проработки. Все названные проблемы нуждаются в глубоком философском осмыслении, они не могут быть решены усилиями только отдельных наук. Философская проработка вопросов самосознания российского общества должна лежать в основе выработки любого документа, определяющего стратегию развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ибсен Г.* Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 4. М.: Искусство, 1958.
2. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1–2. М.: Мысль, 1998.
3. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920.
4. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.
5. <https://ria.ru/20190827/1557952804.html>
6. <https://www.interfax.ru/world/674164>
7. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1895.
8. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Гл. 2. Пушкин (очерк) // Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984.
9. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя на 1880 год // Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984.
10. *Якобсон Р.О.* К характеристике евразийского языкового союза. Париж: Издание евразийцев, 1931.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

МЕНТАЛИТЕТ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СТРАН

© 2020 г. Д. В. Ушаков

Институт психологии РАН, Москва, Россия

E-mail: dv.usakov@gmail.com

Поступила в редакцию 22.01.2020 г.

После доработки 22.01.2020 г.

Принята к публикации 29.01.2020 г.

По мнению автора доклада, при формировании экономической и социальной политики государства необходимо учитывать особенности менталитета населения, поскольку, как показывают исследования, разделяемые людьми ценности, их мотивации, интеллект влияют на социально-экономические достижения стран. В докладе обосновывается, что соответствие социальных институтов национальному менталитету выступает необходимым условием их успешного функционирования и продуктивного решения встающих перед обществом социальных и экономических задач. Принципиально важно, что менталитет населения – достаточно устойчивое образование, которое транслируется из поколения в поколение.

Ключевые слова: социогуманитарное знание, менталитет, решение социально-экономических задач, культурная трансляция опыта.

DOI: 10.31857/S086958732003024X

Исследования в области социогуманитарных наук постепенно расширяют круг моделей, схем и подходов, которые используются в научно обоснованном управлении экономикой и обществом. Так, если в конце XX в. успешность развития стран оценивалась главным образом с точки зрения показателей экономической эффективности, в первую очередь размера ВВП, то в начале наступившего столетия сложилась тенденция к увеличению набора целевых показателей развития общества. Например, Комиссия по измерению экономической деятельности и социального прогресса под руководством нобелевских лауреатов

Дж. Стиглица и А. Сена, а также Ж.-П. Фитусси, созданная в 2008 г. тогдашним президентом Франции Н. Саркози, высказала опасения по поводу адекватности показателей экономической эффективности в качестве доминирующих ориентиров и целей политики стран. Комиссия утверждает, что “пришло время сместить акцент... с измерения экономического производства на измерение благосостояния¹ людей”, и предлагает принимать во внимание задачи устойчивого развития [1, с. 18].

Постепенно в недрах социогуманитарных исследований вызревают также подходы к расширению круга известных инструментов экономической и социальной политики. Опыт последних десятилетий свидетельствует, что успех в использовании этих инструментов в большой мере определяется культурными особенностями населения, принятыми моделями экономического и социального поведения людей, которые существенно различаются от страны к стране. То, что приводит к экономическому чуду в одних странах, оказывается

УШАКОВ Дмитрий Викторович – академик РАН, директор Института психологии РАН.

¹ В английском оригинале использовано слово *well-being*, которое точнее было бы перевести как благополучие, что, скорее, отражает не столько материальное, сколько психологическое состояние людей.

безрезультатным в других. Так, итоги реформ 1990-х годов в России утвердили многих аналитиков в мысли, что заимствование и пересаживание на отечественную почву успешных западных экономических и социальных институтов не дало ожидаемого эффекта, в том числе вследствие недостаточного учёта особенностей характерного для россиян мировосприятия. А пример Японии, Китая и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии показывает, что западные подходы не являются необходимым условием экономического успеха, возможны иные пути, соответствующие культурным особенностям народов и предполагающие создание специфических институциональных форм, адекватных менталитету конкретной нации.

В контексте расширения репертуара подходов к социально-экономическому развитию фундаментальная наука в большинстве случаев играет роль первопроходца, который осваивает неизвестные территории и составляет их первичные карты, служащие ориентиром для последующих практических решений. В отношении проблемы менталитета дело обстоит похожим образом, однако тут есть своя специфика. Нельзя сказать, что практика государственного управления игнорировала роль присущих населению представлений о жизни. Можно привести весьма колоритные примеры, скажем, бритьё боярских бород при Петре I. Ведь стремление обновить внешний облик людей становилось средством изменения образа мыслей тех или иных слоёв общества. В XX столетии в обиход вошёл такой мощный канал воздействия на умы, как средства массовой информации. И всё же проблема менталитета традиционно рассматривалась как периферийная в том смысле, что она не выступала в качестве ключевого фактора социально-экономических достижений стран. Здесь можно говорить о двух обстоятельствах, определивших недооценку менталитета.

Во-первых, взаимосвязь социально-экономического процветания социума с менталитетом того или иного народа — междисциплинарная проблема: её изучение предполагает анализ связи между характеристиками, относящимися к человеку, с переменными, описывающими общество. Между тем если в XIX в. ещё не произошло размежевание социогуманитарных дисциплин и почти все крупные мыслители оставляли свой след как в социальных науках, так и в психологии, то XX столетие отмечено мощным движением к *дифференциации и профессионализации* социогуманитарного знания, которые были сопряжены с расширением эмпирических исследований. Это позволило добиться больших успехов — создать точные модели социальных явлений и процессов, открыть новые области эмпирических исследований, развить объяснительные и предсказатель-

ные возможности науки. Однако подобный рост привёл к образованию концептуальных разрывов в некогда тесно взаимосвязанном социогуманитарном знании. Безусловно, социологический, исторический или экономический анализ всегда опирается на некое понимание психологии человека, но самый простой, а потому предпочтительный теоретический подход состоит в том, чтобы схематизировать поведение человека да ещё и представить его в виде константы, независимой от социально-культурных условий. Однако суть проблемы менталитета заключается как раз в том, чтобы показать, *как меняется ход общественных процессов вследствие изменения поведения людей.*

Во-вторых, сказывается западоцентризм современной социогуманитарной науки и предписаний управленческой практики, которые воспринимаются как эталонные. В контексте западной цивилизации вариации менталитета хотя и имеют место, но они не столь велики, чтобы возникла необходимость в принципиально разных моделях для описания общества. Кроме того, на Западе формирование социальных институтов происходило на основе и параллельно с эволюцией менталитета, что приводило к их незаметной взаимной адаптации. Именно поэтому в западной управленческой практике проблема менталитета не приобретает большой остроты и остаётся малозаметной для науки, которая обслуживает интересы данного общества.

Таким образом, освоение проблемы менталитета социогуманитарным знанием и адекватное отношение к ней в управленческой практике требует фундаментальной научной проработки. Каким же багажом мы сегодня располагаем с точки зрения понимания этой проблемы?

Кросскультурные исследования психологических факторов социально-экономических достижений. По мере проведения исследований в разных странах и появления кросскультурных сопоставлений стали накапливаться строгие данные, указывающие на роль менталитета как важнейшего фактора социально-экономического развития. Было показано, что такие характеристики населения, как ценности, мотивация, интеллект, помимо, а иногда и вопреки экономическим, финансовым, географическим и прочим обстоятельствам, существенно влияют на социально-экономический рост.

Так, группы Д. Мак-Клелланда в США, а затем Х. Хекхаузена в Германии, используя контент-анализ текстов, показали, что *мотивация достижения* в различные исторические периоды *меняется*. Оказалось, что формирование высокой мотивации достижения предшествует эпохам экономического подъёма. Аналогичные по смыслу результаты получены относительно изменения числа патентов в США, которое следует за усиле-

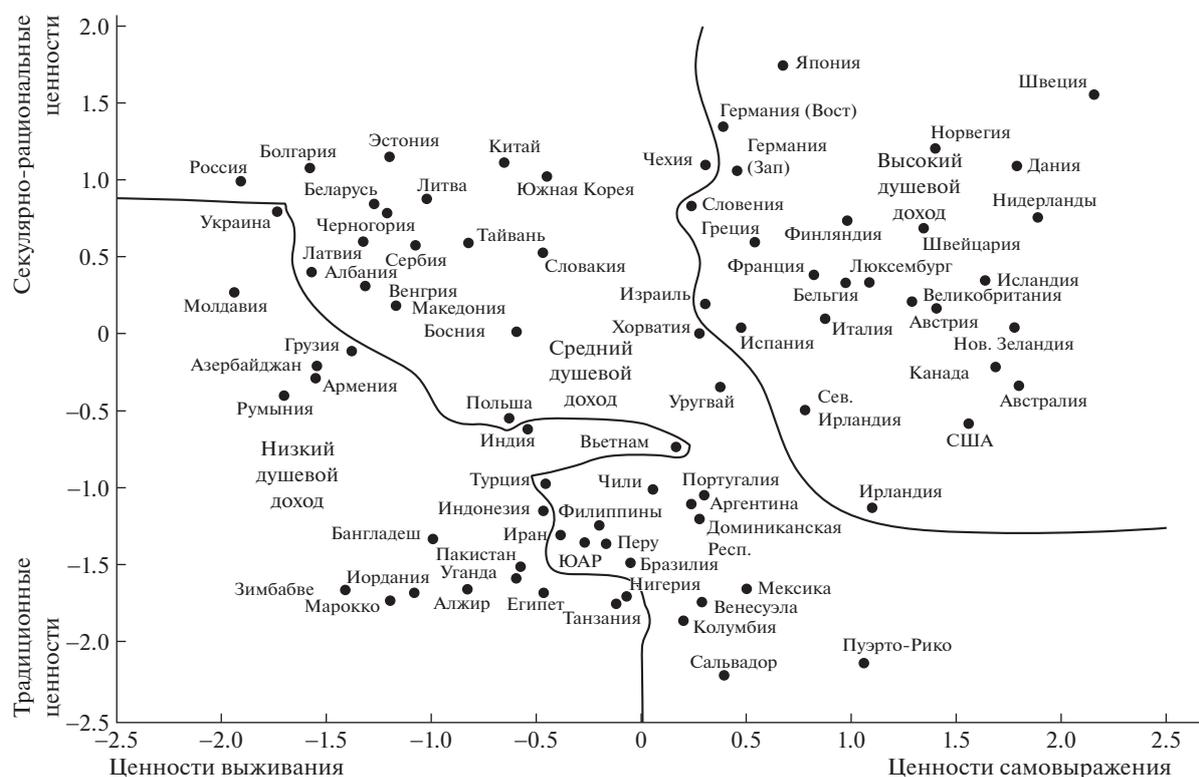

Рис. 1. Карта культурных ценностей и доходы населения

нием мотивации достижения, возрастая до последних десятилетий XIX в., а затем снижаясь.

Три крупных международных проекта кросс-культурного исследования ценностей позволили сделать общий вывод: ценности, принимаемые населением страны, в большой мере коррелируют с экономическими и социальными достижениями. Ценности связаны с такими показателями, как ВВП, коррупция, имущественное расслоение и применение насилия во внутренней политике. Этот ряд легко продолжить. Корреляция во многих случаях превосходит уровень 0.7, то есть оказывается высокой. На рисунке 1 приведена культурная карта мира, полученная в результате международного исследования ценностей К. Инглхарта. Хорошо видно, что страны с высоким, средним и низким уровнем душевого дохода занимают различные места в культурном пространстве. Ценности, таким образом, оказываются тесно связанными с доходами населения.

Кроме того, обнаружилась корреляция между средним уровнем интеллекта населения разных стран мира и доходом на душу населения в этих странах. Национальный интеллект положительно соотносится и с такими показателями, как средняя продолжительность жизни, состояние здравоохранения в стране, развитие демократических институтов, число патентов и научных достижений, количество олимпийских наград, отрица-

тельно — с уровнем рождаемости и коррупции, распространённостью СПИДа и туберкулёза.

Каким образом менталитет влияет на социальные и экономические достижения стран? Приведённые данные, как это ни удивительно, достаточно сложно поддаются концептуализации. Дело в том, что они включают переменные, изучаемые разными науками: с одной стороны — психологические, с другой — социально-экономические. Мы предложили подход к объяснению эмпирических результатов с точки зрения понятия *решения задач*. Посеять хлеб, выточить деталь на станке, спроектировать техническое устройство, управлять коллективом или вести переговоры — всё это задачи, которые приходится решать людям и от которых зависят достижения общества. Социально-экономическая жизнь ставит индивидов, живущих в конкретное историческое время в каком-либо обществе, перед определённым набором типических задач, успешность решения которых обеспечивает большее или меньшее социальное и экономическое преуспевание. При этом следует различать индивидуальный и групповой уровни решения задач.

Индивидуальный уровень. Вариативность индивидуальных различий в производительности умственного труда людей выше, чем вариативность индивидуальных различий в отношении труда физического. Поставленный в Советском Союзе

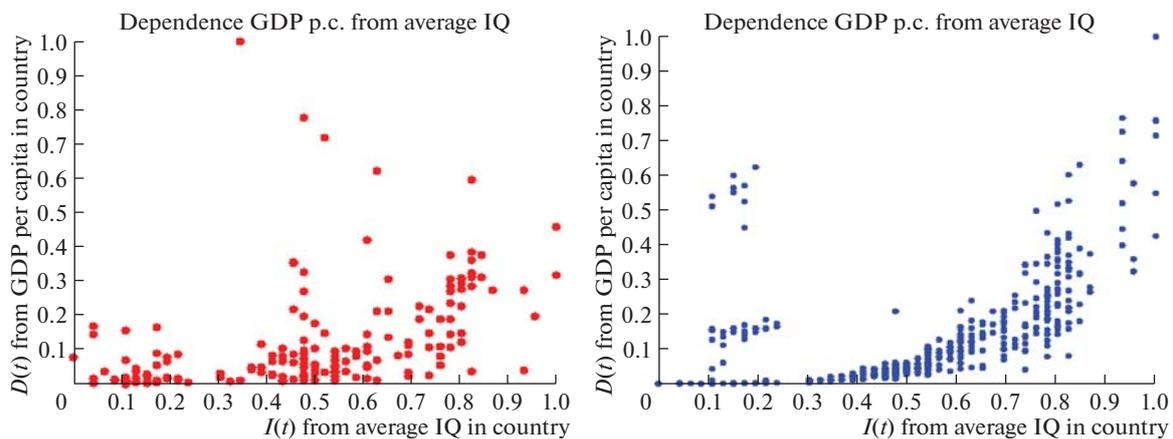

Рис. 2. Сравнение результатов, полученных с помощью модели (справа), и данных Линна–Ванханена. По горизонтали – средний интеллект страны, по вертикали – внутренний национальный продукт

эксперимент, получивший название стахановского движения, показал, что наиболее физически сильные и при этом достаточно умелые рабочие могут превзойти среднего человека по производительности тяжёлого физического труда не более чем в 2–3 раза. В сфере же интеллектуальной и духовной вариативность результативности столь велика, что численность отстает перед индивидуальностью. Согласно закону Прайса, половина всех произведений в данной конкретной области создаётся группой, численность которой равна корню квадратному из общего числа членов данного сообщества. Например, если классический музыкальный репертуар включает произведения примерно 250 композиторов, то половина этого репертуара принадлежит корню квадратному из 250, то есть полтора десятка лучших оказываются в среднем примерно в 15 раз продуктивнее остальных двухсот с лишним тоже очень талантливых композиторов.

В то же время творческий интеллектуальный труд – наиболее важный источник прогресса общества. Именно интеллектуальные инновации преобразуют экономику и социальную жизнь. А значит, продуктивная деятельность небольшого числа высокоодарённых творцов вносит огромный вклад в развитие общества.

Эффективность умственного труда отдельно взятого человека, как показывают психологические исследования, зависит от *когнитивных* (интеллект, способности) и *мотивационных* (мотивация достижения, атрибуция успеха и т.д.) факторов. Мотивационные факторы важнее в интеллектуальном труде низкой и средней сложности, более монотонном и требующем большого упорства. Когнитивные факторы выступают на первый план в сложном интеллектуальном труде. Популяционная дифференциация в когнитивных способностях и мотивации может сказываться на разли-

чиях групп по производительности интеллектуального труда.

Понятие решения задач позволяет моделировать ряд закономерностей в этой сфере. Во-первых, моделированию подлежит сама *связь когнитивных способностей с результатами труда*, в том числе её нелинейный характер. Принцип объяснения характера этой связи заключается в частоте, с которой в популяции встречается способность к решению задач: чем сложнее задача, тем меньше людей, способных к её решению, и, следовательно, дороже продукт. Получающаяся исходя из этих соображений теоретическая кривая похожа на эмпирическую кривую связи между способностями населения и экономическими достижениями социума.

Во-вторых, моделированию подлежат *отклонения от кривой связи между когнитивными способностями и экономическими достижениями*. Эти отклонения тем больше, чем выше совокупный интеллект отдельных стран. В рамках предложенной нами модели общество, выбирая для решения те или иные задачи, создаёт или не создаёт условия для полноценной реализации человеческих способностей. Для данной совокупности способностей людей может существовать *оптимальный набор задач*, который позволяет максимизировать результаты труда. В том случае, если общество ставит перед людьми подходящий набор задач, оно достигает хороших экономических результатов: микроскоп не полезнее молотка, если задача заключается в забивании гвоздей. Для того чтобы извлечь преимущество из владения микроскопом, следует заниматься решением тех задач, для которых он предназначен. Экономическое развитие с этой точки зрения определяется не человеческими способностями как таковыми, а выбором именно тех задач, которые востребуют когнитивный потенциал общества.

Рис. 3. Показатели грамотности крестьянского населения Московской губернии в 1897 г. и тестирования по русскому языку (в форме ЕГЭ и ГИА) в 2012–2013 гг. в районах Московской области

Эти принципы были заложены в математическую модель, позволяющую генерировать результаты, сходные с теми, что обнаружили Р. Линн и Т. Ванханен [2]. Проверка модели показала, что она не только позволяет связать психологические и экономические переменные, но и с большой точностью соответствует эмпирическим данным (рис. 2). Модель воспроизводит результаты Р. Линна и Т. Ванханена в таких чертах, как нелинейность связи интеллекта с экономическими достижениями и рост дисперсии достижений по мере роста интеллекта. Интересно, что модель позволяет объяснить феномен “нефтяного проклятия”: при наличии в стране большого объёма натуральных ресурсов бизнес меньше заинтересован в постановке сложных задач, поскольку вложения в область с большой природной рентой оказываются выгоднее.

Групповой уровень. Индивидуальный уровень решения задач – не более чем абстракция. В экономике труд всех людей тесно переплетён, причём взаимодействие может приводить как к взаимному усилению, так и к созданию помех. Подводя итоги своей египетской компании, Наполеон говорил, что два мамелюка (египетских рыцаря) сильнее трёх французов, но 100 французов не побегут перед 100 мамелюками, у 300 французов будет преимущество перед 300 мамелюками, а 1000 французов наверняка побьют 1500 мамелюков [3, с. 27]. Этот пример показателен: в общем случае решение задач большими группами людей определяется не только мастерством индивидов, но и *характером их взаимодействия*. Маме-

люки превосходили французских военных на уровне индивидуального решения военных задач, но проигрывали им на уровне группового решения. Взаимодействие людей может вести к синергии и усилению возможностей коллективов по сравнению с суммой индивидов. В то же время уровень больших групп может приводить и к колоссальным потерям производительности общественных сил, что находит своё отражение, например, в экономическом понятии транзакционных издержек.

Уровень больших социальных групп характеризуется тем, что число людей, вовлечённых в решение задач, их ролей и функций настолько велико, что не может быть удержано в сознании каждым из участников. В результате возникает необходимость организовывать и контролировать взаимодействие через *общие правила*, которые, устойчиво воспроизводясь, формируют социальные институты.

Казалось бы, обеспечиваемое за счёт контроля строгое выполнение разумных правил должно приводить к синергии. Однако для этого нужно, чтобы правила были органически приняты всеми участниками процесса. Навязать институциональные правила извне не удаётся – об этом свидетельствует в том числе и российский опыт 1990-х годов: в ответ на навязывание институтов общество сформировало собственные институты, неформальные, но определявшие реальное протекание процессов. Социальные институты не могут быть простым воплощением реформаторского проекта, они всегда отражают *психологическое состояние общества*. Попытка внедрения институтов, выросших на чужой почве, может наталкиваться на отторжение или искажение предписываемых правил поведения, если они противоречат психологическим особенностям данного социума. Здесь вступают в силу ценностные системы, которые составляют своего рода психологическое обеспечение принятия и функционирования социальных институтов. Ценности населения оказывают влияние на социально-экономические достижения стран в основном именно через институциональный фактор.

Следуя указанной логике, удаётся проследить пути влияния различных психологических характеристик населения на успешность индивидуального и группового решения социально-экономических задач, что определяет различия на уровне социально-экономических достижений стран. Но не может ли быть так, что менталитет формируется автоматически вслед за определёнными экономическими отношениями и, используя марксистскую терминологию, базис определяет надстройку? Реальность показывает, что это не совсем так, и даже марксисты были вынужде-

ны признать относительную независимость базиса от надстройки.

Устойчивость менталитета. Менталитет (надстройка) обнаруживает удивительную независимость от базиса и устойчивость: через временные промежутки, превышающие столетия, у потомков можно обнаружить черты их предков. Возьмём пример из работ нашей лаборатории. В одном из исследований сравнивалась грамотность крестьянского населения Московской губернии в 1897 г. и результаты ЕГЭ и ГИА по русскому языку в 2012–2013 гг. в Московской области. Результаты приведены на рисунке 3.

Географическое распределение грамотности конца XIX в. оказалось похоже на распределение образовательных достижений в XXI в.: районы с большей грамотностью сохранили более высокие достижения по русскому языку и наоборот. Корреляция двух измерений, проведённых с промежутком более чем в 100 лет, за который страна из царской превратилась в социалистическую, а потом в капиталистическую, составила $r = 0.58$. Позднее аналогичная закономерность — связь грамотности населения в XIX в. с показателями образовательных тестов в XXI в. — была подтверждена для регионов России [4]. Это не единственный пример, причём менталитет воспроизводится не только по географическому принципу, но даже и после миграции групп населения. Так, ценность независимости у жителей современных Соединённых Штатов Америки связана с годом отмены крепостного права в стране происхождения их предков [5].

Процессы формирования менталитета. Менталитет достаточно устойчив, что, однако, не значит, что он не подвержен изменениям. Трансформации происходят постоянно, и те особенности менталитета, которые на небольших временных промежутках выглядят константами, тоже когда-то были результатом изменения.

Логично предположить, что формирование особенностей менталитета групп людей связано с внешними условиями их жизни, в частности трудовой деятельности. В последние годы эта гипотеза была подтверждена некоторыми данными. Так, в кросскультурной сфере интерес исследователей привлекает проблема дихотомии коллективизма–индивидуализма и холистического–аналитического мышления. Представители Юго-Восточной Азии более склонны к коллективизму и холистическому мышлению, в то время как европейцы — к индивидуализму и аналитическому мышлению. Аналитическое мышление основано на выделении небольшого числа закономерностей и формальном выводе из них, в то время как в рамках холистического подхода во внимание принимается большее число аспектов, значимость каждого из которых как бы “взвешивает-

ся”. Можно ли вывести эти различия из исторических особенностей трудовой деятельности различных групп населения?

В одном исследовании, опубликованном в журнале “Science”, была предложена гипотеза о том, что коллективизм и холистическое мышление исторически связаны с производством риса, которое предполагает взаимодействие достаточно больших групп людей. Для проверки гипотезы авторы воспользовались различием между регионами Китая: исторически севернее р. Янцзы преимущественно выращивалось пшено, а южнее — рис. Удалось показать, что относительная большая пропорция выращивания риса по сравнению с пшеном в родном регионе китайца является значимым положительным предиктором коллективизма и холизма и отрицательным — вероятности развода и числа изобретений.

Ещё одно заинтересовавшее исследователей различие связано с так называемой *культурой гордости* (culture of honor), характеризующей, как полагают, юг США по сравнению с севером. Представители этой культуры, особенно мужчины, стремятся поддерживать репутацию людей, не переносящих обиды. Действительно, у южан по сравнению с северянами в ситуации оскорбления отмечается существенно большее повышение в крови уровня кортизола (гормона, принимающего участие в стрессовых реакциях), а президенты США из южных штатов по сравнению с северянами вдвое чаще пытались решать конфликты вооружённым путём, были более склонны затягивать их и втрое чаще заканчивали их в свою пользу.

По мнению автора этой гипотезы Р. Нисбетта, подобные различия могут быть исторически обусловлены преобладанием в южных штатах скотоводства по сравнению с земледелием: скот, в отличие от хлебного поля, можно легко угнать, поэтому репутация хозяина как способного дать отпор агрессору оказывается важной составляющей успешного хозяйствования в этих условиях.

В связи со сказанным можно вспомнить гипотезу обусловленности некоторых черт российского менталитета, обсуждавшуюся ещё В.О. Ключевским. Так, склонность к фаталистическому взгляду на мир, по мнению нашего знаменитого историка, может порождаться неустойчивым земледелием, при котором от внешних обстоятельств (погоды) зависит больше, чем от собственных усилий: величина урожая в России может изменяться от года к году в 6–7 раз, в то время как в Европе в 1.5–2 раза [6]. При этом короткая продолжительность сельскохозяйственного сезона на требует недолгого предельного напряжения сил, за которым следует снижение активности в течение длительного холодного сезона. Эти рассуждения, однако, не имеют научного подтвер-

ждения и могут рассматриваться лишь как гипотетические.

Трансляция менталитета. Трансляция моделей поведения из поколения в поколение происходит в основном за счёт культурных механизмов, в том числе благодаря неосознанной передаче установок в семье. Механизмы такой передачи хорошо изучены в психологии. Один из них связан с положительным и отрицательным подкреплением соответственно поощряемого и порицаемого поведения, другой — со стремлением детей следовать образцам, демонстрируемым их родителями. Эти каналы межпоколенческой трансляции несвободны от помех и сбоев, тем не менее благодаря им поведение старших поколений в значительной степени воспроизводится младшими.

В то же время нельзя исключить и действие *генетических механизмов* передачи опыта от поколения к поколению. Такая отрасль науки, как генетика поведения, свидетельствует о значимом вкладе генетических факторов в психологические характеристики людей. Методы генетики поведения основаны на оценке психологических свойств родственников — моно- и дизиготных близнецов, сиблингов, родителей и детей и т.д. Силу генетических влияний можно оценить по тому, насколько более похожими по тем или иным психологическим свойствам оказываются люди, находящиеся в родственных связях.

Исследования в области генетики поведения позволяют говорить о существенном влиянии генетических факторов на психологические особенности людей. Так, наследуемость объясняет от 50 до 80% дисперсии показателей интеллекта. Высока доля генетической обусловленности и базовых характеристик личности, таких как интроверсия—экстраверсия, психотизм, совестливость и т.д.

Традиционно в отечественной науке было принято считать, что на каком-то этапе антропогенеза естественный отбор прекращается, биологическая природа человека замирает в своём развитии и дальнейшие изменения происходят за счёт воздействия культурных факторов, общественных отношений. Однако *высокая наследуемость* ряда свойств людей заставляет по-новому взглянуть на эту проблему. Если в каких-то культурах некоторые психологические свойства членов популяции оказываются связанными с числом их жизнеспособных потомков, то это означает, что в этих культурах естественный отбор продолжает действовать и соответствующие поведенческие особенности популяции передаются на генетическом уровне.

Однако можно ли предположить, что в рисоводческих сообществах большее количество потомков оставляли люди с синтетическим мышлением, а в сообществах скотоводов — способные к

агрессивному отпору? Пока что нет твёрдых фактических оснований для подобных утверждений. Однако мы располагаем фактами о связи фертильности с некоторыми психологическими качествами людей в наше время. Например, в ряде исследований установлено, что уровень образования и интеллект в современных странах Запада связаны с числом потомков, причём и для мужчин, и для женщин эта связь, к сожалению, отрицательная. Таким образом, на протяжении XX в. должно было происходить снижение, правда, весьма незначительное, генетического интеллекта в Европе и Северной Америке, хотя показатели тестов интеллекта (вероятно, из-за изменений условий жизни и системы образования) всё это время росли.

В то же время ситуация не всегда складывалась таким образом. Некоторые исследователи предполагают, что перелом произошёл в середине XIX в. вследствие общего изменения демографических процессов. Во всяком случае данные палеогенетики позволяют предположить, что на протяжении последнего тысячелетия показатели обучаемости населения Европы имели тенденцию к росту. Исторически богатство было важным фактором, влияющим на количество потомков. Так, изучение размеров завещанных средств и состава наследников в средневековой Англии показало, что представители привилегированных классов оставляли большее число потомков, что должно было привести к постепенному увеличению характерных для этих классов генетических признаков в общем генофонде населения.

Размер состояния, влияющий на число потомков, в свою очередь определялся некоторыми психологическими свойствами, причём эта зависимость опосредована специфическими условиями жизни в данном обществе. В одних случаях это мог быть интеллект, в других — агрессивность, в третьих — синтетическое мышление и т.д. В каких-то популяциях эти характеристики могли закрепляться на генетическом уровне.

Во всех случаях менталитет населения представляет собой достаточно устойчивую систему, которая способна сохранять свои черты на протяжении столетий. Это обстоятельство не позволяет игнорировать проблему менталитета, признать её малосущественной и надеяться, что модели поведения людей с течением времени сами собой изменятся в нужную сторону, начнут соответствовать желательному, например, что коррупция и преступность снизятся, а демократичность взаимодействия, напротив, возрастёт.

Менталитет и научное управление обществом. Учёт особенностей менталитета особенно важен в условиях российской действительности, поскольку в нашей стране на протяжении XX в. два раза происходили радикальные институциональ-

ные реформы, а значит, не было возможностей для согласованного и гармоничного развития социальных институтов и менталитета нации.

Влияние умонастроений населения на социально-экономическую жизнь общества и феномен устойчивости менталитета необходимо принимать во внимание при выстраивании *стратегии управления социально-экономическим развитием*. Таких стратегий может быть несколько. Одна из них заключается в том, чтобы проектировать институты с учётом специфики менталитета и опираться на его сильные стороны. Подобный подход с успехом реализовывался во второй половине XX в. Японией, Южной Кореей, Китаем и некоторыми другими азиатскими странами. Организация японских предприятий и японской политической системы далека от западных образцов, она строится исходя из особенностей азиатского коллективистского менталитета. При этом эффективность японских, североамериканских и западноевропейских стратегий развития оказалась сопоставимой. В нашей стране осознанная политика по созданию адекватных менталитету социальных институтов предполагает серьёзную научную работу, включающую как эмпирические исследования способов поведения людей в различных ситуациях, так и моделирование функционирования тех или иных социальных институтов в этих условиях.

Другая стратегия заключается в том, чтобы приближать менталитет к тому состоянию, которое способствует функционированию заданных эталонных институтов. В этом контексте необходимо как минимум отслеживать влияние государственных решений на менталитет нации. Это влияние может быть очень сильным, что хорошо иллюстрирует изменение ценностей в дворянской среде в конце XVIII—начале XIX в. Трансформация менталитета в тот период была столь значительной, что, если верить А.С. Грибоедову, нравы недавнего прошлого в какой-то момент стали казаться удивительными: “Свежо предание, а верится с трудом”. Старые образцы поведения стали невозможными для нового поколения, которое отвергло поддобирастный стиль поведения с вышестоящими, вытеснив его высокоразвитым чувством чести. Не стоит, конечно, идеализировать и чрезмерно обобщать поведение социальных групп, среди которых всегда сохраняется некоторый диапазон норм, но несомненно, что сдвиг произошёл боль-

шой. Эти изменения возникли не на пустом месте: жизнь дворянства преобразовалась в результате государственных решений, центральным из которых стал Манифест Петра III 1762 г., жаловавший вольности дворянству. Право нести или не нести по своему выбору государственную службу послужило выработке новых способов поведения поколений “непоротых дворян”, более независимых от власти, более дороживших своей репутацией.

Сегодня влияние государственных решений на менталитет населения стало комплексным, многоуровневым, взаимосвязанным. Поэтому ещё сложнее, чем в прошлом, проследить за последствиями государственных решений для массовой психологии — для этого требуются научные модели. Однако решения принимаются постоянно, а их психологическая сторона никем не оценивается. В то же время учёт особенностей национального менталитета представляет собой важную тенденцию развития социогуманитарных наук в последние годы.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-30035).

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: НИИ СП, 2010.
2. *Ushakov D., Kulivets S.* Modeling relationship between cognitive abilities and economic achievements // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. Т. 13. № 4. С. 636–648.
3. *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства с древнейших времён до наших дней. Т. 1. М.—Л.: Государственное издательство военной литературы, 1927.
4. *Ushakov D., Grigoriev A., Valueva E., Zirenko M., Lynn R.* Differences in educational attainment, socio-economic variables and geographical location across 79 provinces of the Russian Federation // *Intelligence*. 2016. V. 58. P. 14–17.
5. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.
6. *Гольц Г.А.* Культура и экономика: поиск взаимодействия // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 23–35.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

© 2020 г. М. К. Горшков

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия

E-mail: m_gorshkov@isras.ru

Поступила в редакцию 16.12.2019 г.

После доработки 16.12.2019 г.

Принята к публикации 16.01.2020 г.

В докладе представлены результаты комплексной социологической диагностики текущего состояния и динамики пореформенного российского общества и социальных последствий постсоветских трансформаций, начало которым было положено без малого 30 лет назад. Эмпирическую основу работы составляют данные многочисленных общенациональных социологических исследований, реализованных Институтом социологии ФНИСЦ РАН на судьбоносных этапах реформирования социума, в том числе итоги девяти волн общероссийского мониторингового проекта РНФ “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах” (2014–2018) и их сопоставительный анализ. Социальная структура современного российского общества рассматривается с точки зрения стратификации респондентов по доходу, в модели которой население страны делится на три базовые группы. Наиболее массовая из них – медианная, демонстрирующая усреднённый стандарт жизни сегодняшней России. В качестве вызова государственной социально-экономической политике фиксируется наличие в стране значительной по численности страты малообеспеченных, к которым относятся уязвимые и нижние слои медианной группы населения.

Анализируется динамика массовых представлений россиян о причинах бедности и богатства в пореформенном российском обществе. Оценка уровня и качества жизни различных групп населения даётся с учётом показателей объективного и субъективного благополучия/неблагополучия, основанных на восприятии россиянами текущей социальной реальности. Делается вывод, согласно которому социальные результаты и последствия почти трёх десятилетий постсоветских трансформаций доказывают неадекватность модели рыночных реформ, заимствованной из арсенала западной теоретической мысли, что проявляется, в частности, в предельном занижении роли государственного участия в решении ключевых социально-экономических и социокультурных задач. Отсюда следует необходимость поиска ответа на вопрос, как повысить качество государственного участия в обществе в целом и в экономике в частности. Доказывается, что определяющим фактором обратного влияния на функционирование и развитие экономики выступают социальные отношения, и это актуализирует использование в управленческом процессе неэкономических, макросоциальных показателей, характеризующих социальное состояние общества в условиях конкретно-исторического периода его функционирования и развития. Анализ произошедших в российском социуме социальных изменений сопровождается формулировкой ряда постулатов.

Ключевые слова: российское общество, постсоветские трансформации, социальная структура, стратификация по доходам, малообеспеченность, бедность и богатство в пореформенной России, неравенство, справедливость, объективное благополучие, субъективное благополучие, массовое сознание, неэкономические факторы, постулат.

DOI: 10.31857/S0869587320030068

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ФНИСЦ РАН.

Фундаментальные проблемы развития современной России рассматриваются на разных уровнях организации жизнедеятельности общества, в различных дисциплинарных форматах и контекстах. Если вести речь об обращении при анализе трансформационных процессов к ресурсу социологической науки, то он, безусловно, должен использоваться в целях изучения и оценки социальных последствий постсоветских реформ. Такой подход достаточно очевиден, поскольку всё “социальное” как имманентно присущее лю-

бому виду человеческой деятельности, все виды и формы социальных взаимодействий людей, функционирования социальных институтов и есть целевой многомерный и многоаспектный объект теоретико-прикладной социологической науки¹.

Прежде чем обратиться к имеющимся работам изучения социального в период постсоветских реформ и выделить главное в его собственно социологическом анализе, необходимо подчеркнуть, что это главное заключено в определении самого предмета социологического анализа социального.

Как известно, понятие социального имеет несколько трактовок. В одном случае социальное, как понимал его К. Маркс, выступает стороной общественной жизни, которая раскрывает природу отношений людей друг к другу, к условиям и факторам их повседневного бытия, социуму в целом, а также к собственному положению и роли в нём. В другом, а именно в контексте совокупности всех видов общественных отношений, понятие социального оказывается тождественным понятию общественного, то есть весьма близким к трактовке общества в целом, причём во взаимодействии его сторон, различных свойств и особенностей складывающихся общественных отношений. И это в ряде случаев приводит к фактическому уравниванию понятий “социального” и “общественного”, а кто-то предпочитает рассматривать социальное в широкой (имеющей отношение к обществу в целом) и узкой (относящейся лишь к социальной сфере жизнедеятельности общества, обеспечивающей воспроизводство человеческого капитала) трактовках.

В целях преодоления данного противоречия в западной социологии, ориентированной на эмпирическое толкование социального, был введён термин “социетальный”. Этим термином, который прижился и в отечественной социологической науке, пользуются в тех случаях, когда даётся характеристика общества в целом — как системы сложившихся общественных отношений [6].

На что же, с учётом упомянутых понятийных хитросплетений, сочетающих и дифференцирующих общее и особенное в трактовке социального, должны ориентироваться социологическая наука, да и сам подход к социологическому измерению социального и интерпретации его результатов? На уровне теоретической социологии вполне оправданным представляется использование по-

нятия социального в контексте социетального. На уровне же эмпирических исследований, применения для измерения социального совокупности адекватных показателей требуется обращение к анализу способов, практик и результатов совместной деятельности индивидов и социальных групп; их интересов и смысложизненных ценностей, определяющих их взаимодействие, регулируемое государственными и общественными институтами и проявляющееся в массовых формах жизнедеятельности людей.

К сожалению, доступные широким слоям населения показатели социологического измерения социальных явлений и процессов, как правило, ограничиваются выявлением массовых суждений и оценок, а потому сама социологическая наука в умах многих наших сограждан воспринимается достаточно однобоко — исключительно как опросы общественного мнения. Вместе с тем ключевые показатели анализа социального включают в себя гораздо более широкий спектр его проявлений во времени и пространстве и неизбежно затрагивают помимо мнений и настроений знания и убеждения людей, их смысложизненные ориентации и установки, ценностные предпочтения, волевые побуждения, готовность следовать тем или иным социальным практикам и многое другое. Если же апеллировать к общественному мнению, то в исследовательском контексте оно может выступать не только как объект, но и как метод социологического анализа социальной реальности, так как через изучение конкретных мнений субъектов о тех или иных фактах, событиях, явлениях и процессах действительности выявляется и оценочно-ценностное отношение (его устойчивость, глубина, распространённость), которое они проявляют к объекту мнения разной для них важности, ценности, перспективной значимости.

Объём журнальной публикации не позволяет представить и тем более детально раскрыть даже наиболее важные в социологическом плане характеристики современного российского общества, произошедшие с ним за почти треть столетия трансформации и их социальные последствия. Поэтому прибегнем к постулатам — положениям (или допущениям), принимаемым в силу определённых соображений без доказательств, но, как правило, с обоснованием, служащим доводом в пользу их принятия. Отметим при этом, что в социологическом постулировании сокрыт особый смысл, поскольку истинно очевидное дополняется здесь репрезентативными социологическими данными.

Рассуждая о наиболее значимых изменениях, которые не только кардинально преобразили внешний облик пореформенного российского общества, но и опосредуют сегодня его сущност-

¹ Данный подход использован учёными Института социологии ФНИСЦ РАН в 2014–2018 гг. в ходе реализации многолетнего проекта РНФ “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах”. Результаты проекта представлены в пятитомной серии монографий [1–5].

Таблица 1. Основные слои российского общества по показателем его доходной стратификации, октябрь 2018 г., %

Слои	Доходы относительно медианы
Состоятельные	От 4 медиан* и более
Обеспеченные	От 2 до 4 медиан включительно
Среднедоходные	От 1.25 медианы до 2 медиан включительно
Медианная группа	От 0.75 до 1.25 медианы включительно
Уязвимые	От 0.5 до 0.75 медианы включительно
Бедные	От 0.25 до 0.5 медианы включительно
Глубокая бедность	До 0.25 медианы включительно

* Медиана – 15000 руб.

ные основания, обратимся прежде всего к анализу социальной структуры – несущей конструкции социума, определяющей устойчивость и движущие силы его развития наряду с назревающими в нём потребностями перемен.

Постулат первый. *За период постсоветских трансформаций российское общество установилось как качественно новая социально-экономическая, политическая и духовно-нравственная реальность. В её основе – кардинальное изменение социальной структуры общества.*

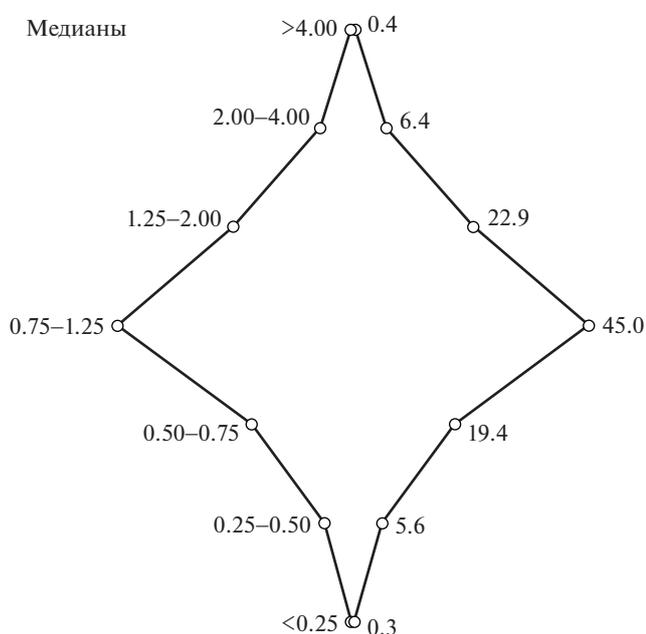

Рис. 1. Модель доходной стратификации российского общества, построенная на основе страновой медианы, октябрь 2018 г., %

Социальная конструкция общества анализируется в социологии с разных точек зрения. В настоящее время наиболее актуальной представляется *доходная стратификация*, позволяющая понять, какие слои населения страдают от экономического кризиса в первую очередь, и имеющая принципиальное значение для разработки адекватных целей социальной, налоговой, инвестиционной и иных направлений государственной политики. Обращение к этому показателю позволяет ответить на вопрос, сложилась ли в России за 30-летие кардинальных преобразований устойчивая модель доходной стратификации и каков вектор её дальнейшего изменения.

В методическом плане модель доходной стратификации строится на основе двух подходов – *абсолютного* (предполагающего, что границы между доходными группами задаются априорно, как некая сумма денежных средств) и *относительного* (исходящего из того, что основой доходной стратификации выступает медиана распределения доходов, отражающая существующий в конкретном социуме “усреднённый” стандарт жизни). Обращаясь к широко востребованному среди социологов относительному подходу, который позволяет дифференцировать людей, не способных поддерживать принятый в обществе уровень жизни, и тех, у кого этот уровень значительно выше стандартного, учитывая данные официальной статистики, а также результаты мониторинговых исследований ФНИСЦ РАН, ведущие специалисты последнего выделяют *семь основных доходных групп*, представленных в современной России [7] (табл. 1).

Не стоит удивляться низкому в денежном выражении показателю медианной группы, поскольку, по данным Росстата, в апреле 2019 г. половина россиян зарабатывала менее 35 тыс. руб. в месяц [8]. При этом медиана доходов не менялась в России уже несколько лет. Не изменилась она и в период кризиса 2014–2016 гг., и в посткризисные годы, хотя средние доходы наших сограждан за это время несколько выросли. Это означает, что основная масса российского населения имеет доходы практически те же, что и до последнего кризиса.

В целом модель доходной стратификации российского социума довольно симметрична относительно медианы (рис. 1). Это даёт основание утверждать, что *в настоящее время российское общество является обществом среднедоходных слоёв*, а фактически население страны делится на три группы. *Первая* объединяет россиян разного уровня бедности и составляет чуть более четверти наших сограждан. *Вторая*, она же собственно медианная, – наиболее массовая и охватывает 45% российского населения, а её представители демонстрируют усреднённый стандарт жизни со-

временной России. Третья группа объединяет около 30% относительно благополучных в материальном смысле россиян, доходы которых заметно выше страновой медианы распределения доходов.

Постулат второй. *Серьёзным вызовом государственной социально-экономической политике является наличие в стране не только большой доли бедных, но и значительной по своей численности страны малообеспеченных, к которым относятся уязвимые и нижние слои медианной группы населения.* При первых же признаках новых кризисных ситуаций последние могут сползти в бедность, поскольку не имеют никакого запаса прочности в плане как наличного имущества, так и сбережений.

При замедленном росте текущих доходов положение малообеспеченных по реально значимым для поддержания уровня жизни параметрам в последние годы ухудшилось, а использование ими необходимых для пополнения человеческого капитала социальных (особенно платных) услуг сократилось. Доходы малообеспеченных россиян тратятся в основном на питание, одежду и приобретение недорогих товаров длительного пользования, а их экономическое поведение отличается пассивностью. Они изначально находятся в худших стартовых условиях: вырастают в менее образованных семьях, среди них выше доля тех, кто прошёл первичную социализацию в малых городах и сёлах. В результате уровень их образования оказывается ниже, чем у представителей благополучных слоёв, но даже при формально одинаковом уровне образования они располагают меньшим человеческим капиталом. Меньше у малообеспеченных и возможностей дополнительной занятости, которая могла бы улучшить их положение за счёт собственных усилий. Всё это способствует развитию у данной группы россиян пессимистических умонастроений и не стимулирует её представителей к активным действиям.

В целом малообеспеченные слои концентрируются сегодня в так называемой “малой России” с её узким и депрессивным рынком труда, вынуждающим соглашаться на любую работу и зарплату, где развитый человеческий капитал пока не востребован в массовом масштабе. Альтернатив у данных типов поселений в нынешней социальной реальности нет.

Результаты многолетних социологических наблюдений ФНИСЦ РАН позволяют оценить текущее состояние и динамику массовых представлений россиян о причинах бедности и богатства в пореформенном российском обществе. Понятно, что в современной России как богатые, так и бедные не изолированы от остального общества и, образно говоря, варятся в общем котле. Примечательно, что только у 35% наших сограждан среди

их ближайшего окружения нет представителей богатых слоёв. Учитывая, что речь идёт о полярных группах общества, столь развитая система контактов между ними свидетельствует о незавершённости формирования жёстких границ между различными социальными слоями и напоминает ситуацию начала 2000-х годов [9].

За период 2003–2019 гг. бедные и богатые слои российского населения стали более артикулированными и обрели явные характерологические признаки. Так, бедность коррелирует с плохой материальной обеспеченностью, низким уровнем образования, проживанием в городской провинции, а также пожилым возрастом. Что же касается богатых слоёв населения, то они формируются за счёт сильных социально-демографических групп, то есть хорошо материально обеспеченных, высокообразованных, проживающих в мегаполисах, а также более молодых россиян.

Основные причины бедности кроются, по мнению наших сограждан, в макроэкономических процессах. Иными словами, их источник — “плохая” политика, проводимая государством (подобное видение ситуации фиксировалось ещё в 2003 г.). В то же время определённую роль играют и личностные характеристики бедных (табл. 2). При этом ключевые фигуры процессов общественного расслоения — сами бедные и состоятельные — занимают диаметрально противоположные позиции: первые убеждены, что истоки бедности заключены в экономической ситуации в стране, усугубляемой неблагоприятными жизненными обстоятельствами, вторые усматривают корень проблемы в личностных качествах бедных.

Большинство россиян толерантны в отношении представителей богатых слоёв населения. Во многом это объясняется массовыми представлениями о причинах их материального благополучия. Наличие связей, деловая хватка, упорный труд, умение использовать все шансы и немного везения — вот пять базовых, с точки зрения основной массы опрошенных, слагаемых успеха богатых ныне сограждан. Причём с течением времени рейтинг истоков материального благополучия трансформируется в сторону большего внимания личным трудовым усилиям. Вместе с тем при всей позитивности указанного набора причин в него всё ещё не входит фактор высокого и качественного образования, а значит, понимание его важности с точки зрения социальной мобильности не сформировано, недостаточной остаётся и отдача этого компонента человеческого капитала (табл. 3).

В целом можно констатировать следующее:

- во-первых, в восприятии россиян бедность продолжает связываться с макроэкономическими проблемами, ответственность за решение которых несёт государство;

Таблица 2. Динамика представлений россиян о причинах бедности людей из их ближайшего окружения, 2003–2019 гг., % от имеющих бедных в своём окружении

Причина	2003	2013	2015	2019
Длительная безработица	41	41	31	39
Алкоголизм, наркомания	35	39	39	36
Болезнь, инвалидность	37	40	35	34
Невыплата зарплаты на предприятии, задержка пенсий	47	19	23	28
Недостаточность государственных пособий в рамках соцобеспечения	37	32	25	27
Семейные неурядицы, несчастья	25	31	29	24
Лень, неприспособленность к жизни	23	23	31	24
Нежелание менять привычный образ жизни	19	18	18	22
Проживание в бедном регионе (районе, городе, местности)	17	17	13	21
Плохое образование, низкая квалификация	23	21	19	17
Отсутствие поддержки со стороны родственников, друзей, знакомых, одиночество	20	20	15	16
Низкий уровень жизни родителей	21	19	13	13
Наличие большого числа иждивенцев	17	20	10	13
Им просто не везёт	14	13	10	8
Они мигранты, беженцы	6	4	5	4

Примечание: респонденты могли дать не более пяти ответов; ранжировано по данным 2019 г.; серым выделены позиции, в оценке которых разница показателей в 2003 и 2019 гг. составила не менее 5 процентных пунктов; жирным шрифтом выделены пять наиболее важных причин бедности в каждом отдельном опросе.

Таблица 3. Динамика представлений россиян о причинах благополучия богатых слоёв населения, 2003–2019 гг., % от имеющих богатых в своём окружении

Причина	2003	2015	2019
Наличие полезных и нужных связей	67	52	53
Наличие деловой хватки	68	60	45
Они много и упорно работают	31	29	40
Умение использовать выпавший шанс	44	27	35
Везение	35	35	30
Наличие ранее накопленных сбережений	30	27	27
Высокий уровень образования и квалификации	26	34	23
Возможность брать взятки	21	12	14
Непорядочность, нечестность	17	8	10
Наличие связей в криминальных кругах	16	8	8

Примечание: респонденты могли дать не более пяти ответов; ранжировано по данным 2019 г.; жирным шрифтом выделены три наиболее важные причины благополучия богатых в каждом отдельном опросе.

• во-вторых, отношение наших сограждан к богатству постепенно становится более позитивным и приближается к философии *self-made man*. Однако завершению этого процесса мешают низкая отдача на человеческий капитал и несформированность в связи с этим необходимых в современном обществе трудовых и образовательных ориентаций.

Обращение к стратификации российского общества по доходам позволяет получить картину объективного благополучия и объективного неблаго-

получия разных слоёв наших сограждан. Однако в последние годы в среде отечественных обществоведов всё чаще говорят о важности и необходимости оценки качества жизни через измерение субъективного благополучия населения.

Отсюда постулат третий. *Нельзя получить полную картину качества жизни людей, ориентируясь только на объективные экономические показатели доходов, расходов и потребления. Важнейшей и неотъемлемой характеристикой качества жизни яв-*

ляются показатели субъективного благополучия и субъективного неблагополучия.

Правомерность данного постулата объясняется тем, что удовлетворённость жизнью формируется исходя не только из экономических, но и ряда других – культурных, социально-психологических, физических – аспектов, а также под влиянием тех рисков и ограничений, с которыми сталкиваются индивиды и домохозяйства. Как показывают многолетние исследования, один и тот же уровень доходов может опосредовать разное личностное восприятие качества жизни.

Поскольку отечественные реформы пришлось на трудные в плане экономических условий годы, оценки субъективного благополучия наших граждан стали приобретать не меньшее значение, чем объективные показатели их уровня жизни. Именно поэтому возникают весьма актуальные вопросы, требующие ответов с эмпирическим подтверждением: как население воспринимает социальную действительность? какие основные проблемы выделяет? как в условиях текущей повседневности оценивает степень удовлетворённости различными аспектами собственной жизни? Соответствующая информация позволяет определить долю субъективно благополучного и субъективно неблагополучного российского населения, соотношение этих групп в преддверии 30-летнего рубежа социальных трансформаций в стране.

В целях выделения групп субъективно благополучных и неблагополучных россиян учёные ФНИСЦ РАН используют кластерный анализ, учитывающий 19 показателей, связанных с удовлетворённостью либо неудовлетворённостью различными аспектами жизни. *Первый кластер* можно назвать субъективно благополучным: половине из всех аспектов жизни, подлежащих социологическому измерению, входящие в него респонденты ставят оценку “хорошо”. Из рисунка 2 следует, что он объединяет почти четверть наших сограждан. *Второй кластер* – субъективно неблагополучных россиян – отличается наиболее низким уровнем положительных и высокой долей негативных оценок, но с доминированием оценок удовлетворительных. Данный кластер охватывает 35% населения. Наконец, *третий кластер* можно назвать промежуточным: он характеризуется преобладанием положительных оценок, но главным образом по базовым аспектам повседневной жизни, и объединяет 41% наших сограждан. Исходя из полученных данных, можно констатировать: субъективное благополучие россиян выражается в высоких оценках их удовлетворённости практически всеми основными аспектами собственной жизни, а субъективное неблагополучие – в ярко выраженной неудовлетворённости своим материальным положением, доступностью

Рис. 2. Доля субъективно благополучных и неблагополучных россиян, октябрь 2018 г., %

качественной медицинской помощи и возможностями отдыха в отпускной период.

Примечательно, что субъективно благополучные россияне – жизненные диалектики. Они оценивают ситуацию в стране не только в сугубо позитивном контексте, фиксируя в ней и ряд серьёзных проблем. Вместе с тем, в отличие от субъективно неблагополучных респондентов, они чаще отмечают положительные тенденции развития страны: наличие шансов для осуществления карьеры и роста заработка, возможностей для продвижения в профессиональной сфере, реализации жизненных планов и т.п., которыми они сами, видимо, смогли воспользоваться. Поэтому даже с учётом признания явных болевых точек российского социума, которые отмечают практически все опрошенные (рост цен, отсутствие социальной защищённости, коррупция, избыточное неравенство, снижение качества организации здравоохранения), мнения представителей субъективно благополучной части россиян о перспективах России оказываются более позитивными.

Несмотря на количественные различия в доле полярных кластеров, их качественный состав характеризуется преобладанием представителей медианной доходной группы – доминирующей в стране группы населения. По сути, это означает, что одинаковый уровень доходов может по-разному соотноситься с пространством жизненных шансов людей, что приводит к различиям в оценках ими степени своего субъективного благополучия. В конечном счёте оно оказывается в большей степени связано с оценкой собственного материального положения, чем с уровнем доходов как таковым.

Локализация территориальных зон субъективного благополучия и субъективного неблагополучия не совпадает. Например, с точки зрения

пространственного распределения выделяются мегаполисы: в них в полтора раза выше доля представителей субъективно благополучного кластера и настолько же ниже доля субъективно неблагополучного. Иначе выглядит ситуация в посёлках городского типа: здесь доля представителей субъективно неблагополучного кластера превышает долю представителей благополучного в 3 раза.

В целом же субъективное благополучие характерно для более молодых представителей российского среднего класса, проживающих в крупных городах, в то время как в группу субъективно неблагополучных входят пожилые россияне и представители рабочего класса, в том числе и так называемый “новый” рабочий класс, объединяющий работников рутинного, не требующего высокой квалификации труда, особенно в сельской местности.

Постулат четвёртый. *Наиболее резкое массовое недовольство россиян связано с чрезмерной глубиной неравенства в распределении собственности и доходов. При этом решающую роль в оценках наших сограждан играют не столько их личные интересы, сколько общие представления о справедливости, являющиеся социокультурной нормой, характерной для российского общества.*

Можно констатировать, что в современной России массовые реакции на социальное неравенство исходят из базовых ценностно-мировоззренческих позиций россиян, приобретая характер недовольства сложившимися в стране за годы реформ социально-экономическими отношениями, в том числе распределением собственности и доходов. Протест с индивидуального уровня переходит на макроуровень, превращаясь из недовольства собственным положением в недовольство новой системой общественных отношений в целом.

Проблема легитимизации социального неравенства в современной России и преодоления недовольства сложившейся в стране ситуацией связана не столько с уровнем заработной платы бюджетников или пенсий, сколько с потребностью в изменении правил игры, необходимостью учёта представлений о справедливости — краеугольных для российского национального самосознания. Основанием легитимности различий в получаемых благах выступает, по мнению россиян, труд, справедливое распределение по труду, а не близость к власти или умение заполучить бюджетные привилегии.

Одно из важнейших проявлений социального неравенства в повседневной жизни наших сограждан — это владение недвижимостью. По данным исследований, около 60% населения России не имеют одновременно ни недвижимости (помимо жилья, в котором проживают), ни сбережений (при этом каждый второй из них обременён

разного рода долгами). Отсюда следует, что большинство россиян не располагают практически никакими экономическими ресурсами, а уровень их жизни определяется в основном особенностями текущих доходов и расходов.

Вместе с тем социальное неравенство в пореформенной России не сводится исключительно к неравенству доходов, но проявляется в разном качестве отдельных аспектов жизни — здоровья, социально-психологического состояния, возможностей самореализации, степени доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, а также восприятия жизни в целом.

Анализ многолетних рядов данных свидетельствует, что трудности и неудачи повседневной жизни таят в себе угрозу обособленности, изолированности от других людей. Это очень тревожная тенденция, идущая вразрез с представлениями о том, что россияне непременно справятся с любой ситуацией за счёт исторически сложившейся традиции взаимопомощи, особенно очевидной в провинции. Установлен социологический факт: *ресурс социального капитала, социального взаимодействия играет огромную роль в формировании и воспроизводстве неравенства.* Однако большинство сложившихся каналов социальных связей носит неформальный характер, в чём и проявляется явное недовольство значительной доли россиян формальным институтам.

Несмотря на огромную роль неформальных социальных связей в практическом выживании, около 20% населения России полностью их лишены. Если вдуматься, это огромная цифра, поскольку за ней стоят одиночество и изолированность почти двух десятков миллионов российских граждан, не получающих со стороны ближайшего окружения даже простой психологической поддержки. Поэтому правы те эксперты, которые призывают признать одной из основных задач социальной политики не только материальную помощь нуждающимся, но и выравнивание сильно дифференцированных социальных шансов различных групп населения, в том числе и в межрегиональном пространстве современной России.

Постулат пятый. *Социальные результаты четверти века российских трансформаций доказали неадекватность постсоветским реалиям той модели рыночных реформ, которая была заимствована (особенно в 1990-е годы) из арсенала западной теоретической мысли и, в сущности, предельно занижала роль государственного участия в решении ключевых социально-экономических и социокультурных задач.*

Подчеркнём, что указанная неадекватность подтверждается не только крайне негативными социальными последствиями 1990-х годов, но и последствиями глобального экономического кризиса 2009–2010 гг., положившего начало пе-

реосмыслению неолиберальных воззрений, в том числе и на Западе: “Главный урок посткоммунистической трансформации определённо заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку” [10, с. 14].

Место и роль государства в экономической и социальной сферах являются для российских граждан своего рода несущей конструкцией мировосприятия. Формирование в последние годы общественного запроса на перемены оказалось связано именно с установкой на активизацию государственного участия в решении задач преодоления глубокого и неоправданного экономическими причинами имущественного расслоения населения, масштабной утечки капиталов и умов за рубеж, несправедливой оплаты труда работников многих профессий, обеспечения достойного уровня развития культуры, науки, образования, здравоохранения. Тем самым для большинства россиян вопрос вопросов состоит не в том, сколько — много или мало — должно быть государства в обществе в целом и в экономике в частности, а в обеспечении качества государственного участия в управлении экономической, социальной и культурной сферами.

Означает ли это, что большинство российских граждан выступают за возврат к государственности всего и вся? Нет, не означает. Как показывают исследования, у них отсутствует антагонизм к рыночной экономике как таковой. Не воспринимается ими та её модель, которая сложилась в России за годы реформ. Причём не только потому, что многие считают себя проигравшими в процессе её утверждения, но и потому, что действующая модель рынка, с точки зрения россиян, наносит ущерб интересам государства и общества. Полагая, что все отрасли стратегического характера (электроэнергетика, добывающие отрасли, транспорт и т.п.) должны оставаться в руках государства, в ряде других отраслей, особенно связанных с удовлетворением повседневных потребностей людей, большинство населения допускает доминирование смешанной экономики. Прежде всего это относится к строительству и эксплуатации жилья, средствам массовой информации, дорожному строительству, финансовой сфере, пищевой промышленности.

Таким образом, хотя доминирование частного сектора не допускается россиянами ни в одной сфере, однако даже в старшей возрастной когорте большинство выступает за смешанную экономику, где государственный сектор сосуществует с частным в ряде отраслей нестратегического характера под контролем государства, призванного

Таблица 4. Динамика отношения россиян к частной собственности, 1990–2019 гг., %

Характер отношения	1990	2005	2019
Положительное	45	52	41
Нейтральное	29	24	36
Отрицательное	24	16	11
Затруднились ответить	2	8	12

согласовывать интересы частного сектора с интересами общества в целом. По сути, это напоминает модель НЭПа 20-х годов прошлого века, которая, видимо, дала в своё время колоссальный экономический эффект благодаря тому, что во многом соответствовала социокультурным и психологическим особенностям народа.

Согласно исследованиям ФНИСЦ РАН, представления о желаемом типе социально-экономического устройства страны, как и представления о роли государства в экономике в целом и в её конкретных отраслях, разделяются большинством россиян во всех демографических и социально-профессиональных группах. Более того, подобные представления остаются весьма устойчивыми, хотя по отдельным аспектам могут видоизменяться под влиянием нового опыта. А это означает, что в ближайшие годы не следует ожидать существенного изменения позиций наших сограждан в данном вопросе.

Следует особо подчеркнуть: россияне не фетишизируют нынешнее российское государство, напротив, относятся к нему весьма критически. Легитимны и одобряемы ими только такие государственные институты, которые ставят на первое место не интересы государственного аппарата, бюрократии, а интересы главной общности, определяемой понятием “народ”.

Как показывают исследования, для большей части наших сограждан не характерен антагонизм в отношении частной собственности [11, 12], о чём свидетельствуют данные таблицы 4. В то же время нельзя не заметить довольно существенную и несколько увеличившуюся долю населения, настроенного нейтрально, а также заметно пополнившиеся ряды тех, кто затрудняется в своих оценках. Но нельзя не заметить, что доля россиян, выражающих негативное отношение к частной собственности, сократилась за последние 30 лет более чем вдвое.

В таблице 4 приведены обобщённые данные по населению в возрасте 18 лет и старше. Если же говорить о молодёжи, она настроена в отношении частной собственности более оптимистично. Однако, как свидетельствует покогорный анализ, по мере взросления эта установка постепенно сменяется нейтральным восприятием данного института. Кроме того, в середине 2000-х годов

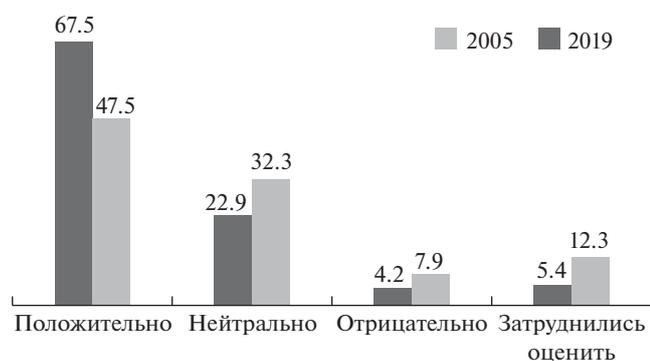

Рис. 3. Динамика отношения к институту частной собственности россиян, кому в 2005 г. было менее 25 лет, а в 2019 г. — 31–40 лет, 2005–2019 гг., %

молодые россияне были настроены в отношении него гораздо позитивнее, чем в настоящее время. Всё это не позволяет рассчитывать с течением времени на улучшение отношения россиян к частной собственности как одному из ключевых институтов обществ рыночного типа (рис. 3).

На этом фоне растёт запрос населения на централизованное регулирование экономики государством. Число сторонников такого подхода в настоящее время превышает треть, что примерно в полтора раза больше, чем в середине 2000-х годов. Вместе с тем подобная позиция и сегодня не поддерживается большинством россиян. В целом можно сказать, что сейчас у наших сограждан отсутствуют чёткие представления о том, в чём должна состоять роль государства в экономике. Скорее, в этой области царят “разброд и шатания”. Видимо, в общественном сознании формируется некая новая модель, характерной особенностью которой должна стать активизация государства в сфере экономических отношений.

За процессом массового переосмысления государственного участия в экономике стоит разочарование россиян в рыночных механизмах, в способности экономической системы к саморегулированию и саморазвитию без активного вмешательства государственных институтов. Следствием подобных изменений выступает резкое сокращение числа тех, кто считает, что России нужна такая модель государства, которая расширит экономические и политические возможности граждан за счёт усиления частного сектора экономики. А значит, в настоящее время население страны связывает свои ожидания относительно подъёма и процветания социально-экономической сферы общества в большей мере не с частным, а с государственным сектором.

Постулат шестой. *Несмотря на радикальную трансформацию всей системы общественных отношений, социокультурные основания, определяющие общий склад сознания российских граждан, из-*

меняются достаточно плавно, эволюционно, а структура российского социума продолжает обеспечивать надёжную трансляцию базовых ценностных ориентаций.

Как показывают многолетние исследования ФНИСЦ РАН, смысложизненные установки, которые выделяются среди доминант массового сознания, характеризуют типичного россиянина как человека, готового к неожиданным поворотам судьбы, обладающего хорошими адаптационными способностями, склонного к автономности, усматривающего своё призвание не только в приумножении благ, но и в жизни в атмосфере уважения, свободы и достоинства.

Основные слои населения отличаются выраженными достигательными установками, в особенности в той их части, которая обеспечивает наиболее типичную для россиян идеальную модель жизни. Подобная модель может быть описана следующей формулой: “*любимая работа, счастливая семья, хорошие друзья, чистая совесть и уровень жизни не хуже, чем у других*”. Эта модель включает, кроме того, достойное образование, интересную и престижную работу, хорошие отношения между супругами.

Для большинства россиян не характерна приверженность таким ценностям, как власть, известность, желание попасть в статусный круг или иметь собственный бизнес. Однако динамика ценностей наших сограждан за последние 15 лет говорит о том, что постепенно эти ориентации набирают всё большее число сторонников, а такая базовая для многих российских граждан сфера их жизни, как работа постепенно утрачивает своё значение в качестве важной формы творческой самореализации и способа общения, приобретающая всё более инструментальный характер (работа как способ заработка).

Ещё один важный социологический факт, имеющий отношение к шестому постулату. Если в 1990-е годы около половины респондентов (47%) продолжали идентифицировать себя с “советским народом” и только немногим более трети (38%) — с гражданами России, то уже к 2013–2015 гг. представление “*мы — граждане России*” стало восприниматься как русскими, так и людьми других национальностей практически в равной степени, а гражданская идентичность оказалась характерной для более чем 80% населения страны [13].

Следует особо отметить, что при сопоставлении гражданской и этнической идентичности выявляется знаковый показатель: *именно государственность, русский язык и общая территория являются основаниями устойчивой совмещённости идентичности этнической и гражданской.*

Постулат седьмой. *Социальное — определяющий фактор, мощный драйвер обратного влияния на функционирование и развитие экономики. Это влияние реализуется через экономически активную часть населения, воздействие неэкономических факторов на экономический рост.*

В последние годы данная тенденция выражается в росте доли самодостаточных россиян, активизации в кризисных условиях самоиницилирующих массовых практик экономического поведения разных групп населения, направленных на поддержание своих домохозяйств. Тем самым развитие экономики происходит не изолированно от процессов, протекающих в других сферах общественной жизни, прежде всего социальной и социокультурной, а в тесной связи с ними. А по-сему любые модели экономического роста, исходящие исключительно из количественной стороны развития экономической системы, характеризующейся расширением её масштабов, следует считать крайне ограниченными и неэффективными.

Экономическая практика и её анализ с применением социологической диагностики показывают: экономические и неэкономические факторы экономического развития обладают определённой асинхронностью в масштабах и глубине действия в разных фазах экономического цикла. В период экономического роста роль и значение экономических факторов возрастают, в то время как влияние неэкономических факторов оказывается ограниченным. В периоды же экономического спада, наоборот, роль неэкономической составляющей усиливается.

Признавая значимость социально-культурных факторов экономического роста, следует согласиться и с необходимостью использования в управленческом процессе наряду с макроэкономическими показателями и *макронеэкономических показателей*. Речь идёт о показателях, которые характеризуют социальное состояние общества в условиях конкретно-исторического периода его функционирования и развития. Такого типа показатели целесообразно именовать *макросоциальными*, отражающими через социологическую диагностику состояния общества вклад его макросоциального ресурса в поступательное экономическое развитие. В их число должны входить показатели не только объективного, но и субъективного благополучия и неблагополучия населения.

Определение совокупности адекватных макросоциальных показателей состояния и развития современного российского общества актуализирует мониторинговое изучение и осмысление пореформенных процессов. Социологическая диагностика свидетельствует: *никогда российское общество не было так дифференцировано, сегментировано и разнородно, как в настоящее*

время, причём практически по всем ключевым основаниям, включая:

- уровень материальной обеспеченности;
- группы интересов;
- мировоззренческие и идейно-политические ориентации;
- ценностные и смысложизненные установки;
- психоэмоциональное состояние;
- позиционирование себя вне личностного и семейного пространства;
- культурные предпочтения;
- образ жизни и отношение к национально-историческим традициям и др.

Плюс это или минус с точки зрения поступательного развития общества? С диалектических позиций, безусловно, плюс, поскольку разнообразие является одним из источников и движущих сил развития. Другой вопрос, как подобная фрагментация общества должна учитываться при разработке управленческих решений, совершенствовании государственных и общественных институтов, в какой мере она принимается во внимание в настоящее время?

В заключение сформулируем общий вывод. За последние два десятилетия пореформенная Россия не просто встала на ноги — она самоопределилась и активно самоутверждается. Российская Федерация приобрела собственную субъектность, причём не только на внешнеполитической арене, но и как страна с самостоятельной судьбой, собственными планами на будущее.

Всё это говорит о собирании в нынешней России, в дополнение к финансово-экономическому, огромного социального и психологического ресурса для осуществления модернизационного прорыва, в котором крайне нуждается российское общество. И если система государственного управления не имеет права упустить этот исторический шанс, призвана всемерно использовать имеющийся потенциал, то для социологов как социальных аналитиков мониторинговое и комплексное отслеживание эффективного использования ресурсных составляющих модернизации современной России — дело профессиональной чести и гражданской ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Изд-во “Весь Мир”, 2015.
2. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Изд-во “Весь Мир”, 2015.
3. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Изд-во “Весь Мир”, 2016.

4. Российское общество и вызовы времени. Книга четвёртая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Изд-во “Весь Мир”, 2016.
5. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Изд-во “Весь Мир”, 2017.
6. *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
7. *Тихонова Н.В., Лежнина Ю.П., Мареева С.В. и др.* Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
8. Половина россиян зарабатывают менее $\text{R}35$ тыс. в месяц: Росстат представил статистику зарплатного неравенства в России / Информационное агентство “РосБизнесКонсалтинг”. <https://www.rbc.ru/economics/18/07/2019/5d3039e39a79476266abb143> (дата обращения 06.08.2019).
9. Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004.
10. *Богомолов О.Т.* Неолиберализм — тормоз модернизации. Российский опыт // Экономические стратегии. 2011. Т. 13. № 5(91). С. 12–17.
11. Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Ю. Чепуренко. М.: Наука, 2006.
12. И вновь на перепутье? Постсоветским трансформациям 30 лет... / Под общ. ред. академика РАН М.К. Горшкова и члена-корреспондента РАН Г.А. Тосуняна. М.: Новые печатные технологии, 2019.
13. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ

© 2020 г. Б. Н. Порфирьев

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

E-mail: b_porfiriev@mail.ru

Поступила в редакцию 25.11.2019 г.

После доработки 24.01.2020 г.

Принята к публикации 25.01.2020 г.

Рассматривается динамика развития экономики России в 2013–первой половине 2019 г. Дается оценка потенциала экономического роста в перспективе до 2024 г. — он оценивается величиной среднегодового темпа роста ВВП в 4%. Основными драйверами роста являются отложенный из-за снижения уровня доходов спрос населения на товары длительного пользования, а также инвестиции в основной и человеческий капитал, существующий уровень и доля в ВВП которых не отвечают требованиям вхождения России к 2024 г. в пятерку ведущих стран мира. Отмечается, что существуют резервы мощностей, повышения интенсивности использования трудовых ресурсов, а также финансирования НИОКР и технологического обновления производства для ускорения динамики и повышения качества экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе. Кратко рассматриваются внутренние и внешние ограничители и риски социально-экономического развития. Подчеркивается ключевая роль науки как инструмента снижения рисков и эффективной экономической политики в целом.

Ключевые слова: экономический рост, инвестиции, основной капитал, человеческий капитал, риски развития, наука, НИОКР.

DOI: 10.31857/S0869587320030159

В спектре фундаментальных проблем развития современного российского общества центральное место занимают те, которые касаются качества и уровня жизни людей. Необходимое условие их решения — устойчивый рост доходов граждан и максимальное сокращение уровня бедности. Интегральным показателем роста доходов выступают темпы увеличения ВВП — он представляет собой не что иное, как сумму доходов, полученных обществом за указанный период, и служит главным индикатором роста национальной экономики.

Поэтому перспективы экономического роста, темпы роста ВВП в значительной степени (хотя и не полностью) определяют прогресс в решении задач повышения качества и уровня жизни людей, а, следовательно, и всего комплекса фундаментальных проблем современного российского общества.

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Перспективы экономического роста в существенной мере определяются текущим состоянием экономики и экономической политики, выступающего в качестве точки отсчёта, а также ресурсного потенциала и одновременно источника ограничений (рисков) будущего развития. Что касается точки отсчёта, нынешнюю ситуацию следует квалифицировать как затяжную стагнацию. Рост ВВП в среднем в год за период 2013–2018 гг. — всего 0.4%, что в 7 раз ниже среднемирового показателя; промышленности — 0.6%; кроме того, сокращение прироста инвестиций, розничного товарооборота, экспорта и импорта (табл. 1).

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич — академик РАН, директор ИНП РАН.

Таблица 1. Динамика социально-экономического развития России в 2013–2019 гг.

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Всего за 2013–2018 гг.	1-е полугодие 2019 г. (в % к 1-му полугодью 2018 г.)
Валовой внутренний продукт	1.3	0.6	–2.8	–0.2	1.5	2.3	2.6	0.7
Промышленность	0.4	1.7	–3.4	1.1	1.0	2.9	3.6	–2.6
Строительство	0.1	–2.3	–4.8	–4.3	–1.4	5.3	–7.2	–0.1
Транспорт (грузооборот)	0.6	–0.1	0.3	1.8	5.4	2.9	11.2	1.7
Сельское хозяйство	5.8	3.5	2.6	4.8	2.4	–0.6	19.8	1.2
Инвестиции	0.8	–1.5	–10.1	–0.9	4.4	4.3	–3.4	0.6
Экспорт	–2.1	–4.8	–31.3	–17.5	24.8	25.8	–17.1	–3.9
Импорт	1.6	–9.8	–37.3	–0.8	25.3	4.7	–25.3	–3.0
Розничный товарооборот	3.9	2.7	–10.0	–4.6	1.2	2.6	–4.9	1.7
Платные услуги	2.0	1.0	–1.1	–0.3	0.2	2.5	4.0	1.2
Ввод жилья	7.2	18.2	1.4	–6.0	–2.1	–4.9	18.2	3.7
Реальные доходы на душу населения	4.8	–0.5	–4.1	–5.5	–1.2	–0.2	–6.9	–1.3
Инфляция (рост потребительских цен)	6.5	9.1	15.0	5.8	2.5	3.8	50.3	5.1

Источник: Росстат.

Главное в сложившейся ситуации – это, *во-первых*, сокращение реальных располагаемых доходов населения в 2013–2018 гг. на 10%, в том числе доходов среднего класса – притом, что количество трудоспособного населения сократилось почти на 5 млн человек. Что касается 2019 г., по оценке Президента России В.В. Путина, сегодня заработные платы в России растут и в номинальном, и в реальном выражении, однако при этом располагаемые доходы граждан практически стоят на месте. Безусловно, нужно изменить сложившуюся ситуацию. Это важнейшее направление работы правительства, но результаты здесь пока весьма скромные [1]. *Во-вторых*, рост уровня бедности – по итогам II квартала 2019 г. число бедных составило около 19 млн человек, или 13% населения страны – и обесценение сбережений остальной части населения из-за двукратной девальвации рубля. В связи с этим закономерно, что, согласно результатам опроса в октябре 2019 г., большинство россиян считают рост цен и бедность (59 и 42% респондентов, соответственно) наиболее острыми проблемами, стоящими перед современным обществом [2].

Такая ситуация крайне неблагоприятна с точки зрения будущей динамики экономического роста, учитывая, что выход из стагнации намного сложнее

и протяженнее во времени, чем из кризиса. По оценкам ИМП РАН, при сохранении указанных выше трендов, прежде всего сохраняющихся скромных темпов роста инвестиций в основной и особенно в человеческий капитал – в консолидированном бюджете РФ на 2020–2022 гг. среднегодовые расходы на образование и здравоохранение запланированы на уровне 3.7 и 2.9% ВВП, соответственно, что значительно ниже, чем в странах Большой семёрки¹, – среднегодовые темпы роста ВВП не превысят 2% в 2019–2021 гг. По официальным оценкам (ЦБ, Счётная палата) и оценкам аналитиков (Всемирный банк, ИМП РАН), в 2019 г. рост ВВП составил не более 1% [4].

В результате Россия к 2024 г. может не только не войти в пятёрку ведущих экономик мира, но и опуститься на 7-е место (рис. 1); не добиться решения задач обеспечения устойчивого и ощутимого роста располагаемых денежных доходов граждан, суще-

¹ В Великобритании в 2018–2019 финансовом году фактические расходы на образование и здравоохранение составили, соответственно, 4.2 и 7.2% ВВП; во Франции такие расходы на 2020 г. запланированы на уровне 4.7 и 8.0% ВВП; в США на 2020–2022 гг. обязательные среднегодовые расходы на здравоохранение запланированы на уровне 10.1% ВВП [3, с. 9].

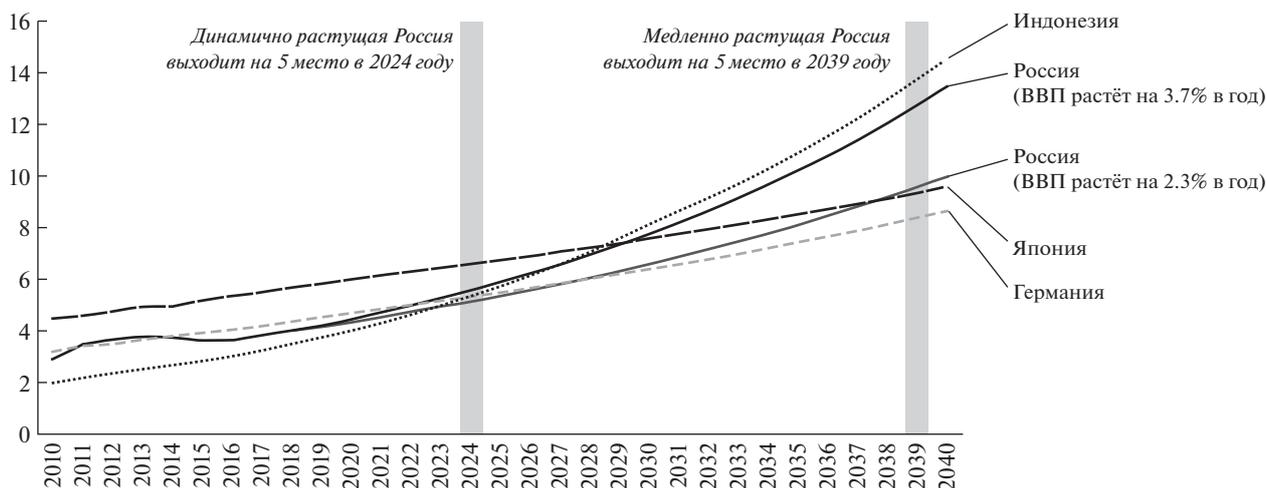

Рис. 1. ВВП по ППС, трлн долл.
 Источник: оценки ИНП РАН.

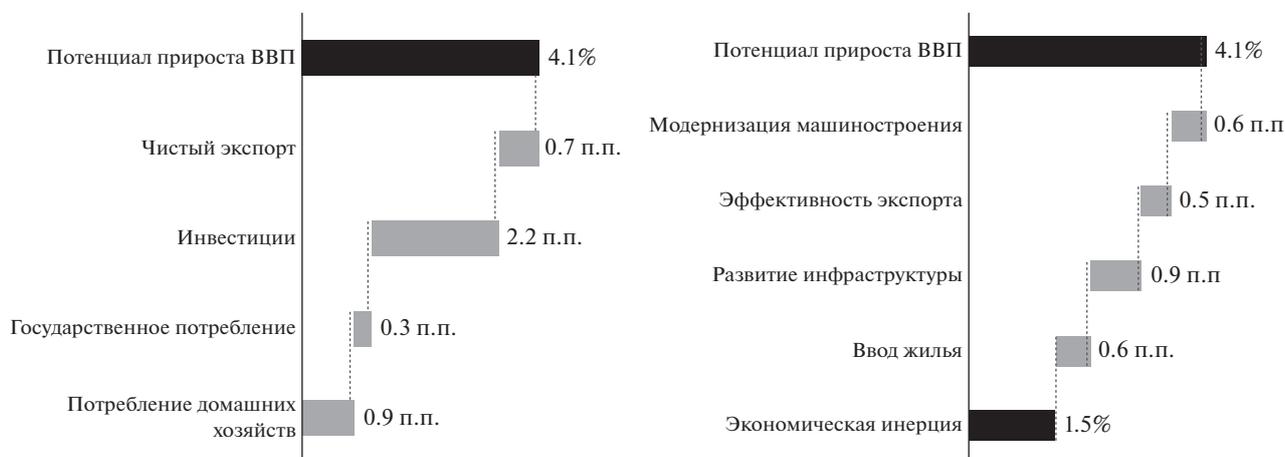

Рис. 2. Потенциал экономического роста в России до 2025 г.
 Источник: ИНП РАН.

ственного ускорения снижения уровня бедности² и модернизации экономики, которые предусмотрены президентскими посланием и майским Указом Президента России 2018 г. и выполнение которых требует до 2024 г. темпов роста ВВП в 3.7%.

ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ И ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В то же время перспективы роста, имея в виду не только динамику, но и качественные изменения российской экономики, несомненно, есть.

² В базовом сценарии прогноза Минэкономразвития РФ темп роста располагаемых денежных доходов граждан определен в 2.3% в 2022 г. против нулевого показателя 2019 г., а темпы снижения уровня бедности – в 11.7, 10.8 и 9.4% в 2020, 2021 и 2022 гг., соответственно, против 13.3% в 2018 г. и 12.7% во втором квартале 2019 г.

По расчётам ИНП РАН, потенциал роста ВВП в период 2019–2025 гг. составляет 4.1% в среднем в год (рис. 2).

Такая динамика экономического роста полностью обеспечивает выполнение требований превышения среднемирового показателя темпов роста ВВП и вхождения России в пятёрку ведущих экономик мира. Более того, при таких темпах роста отечественной экономики потеряют актуальность финансовые санкции против России, отмену которых частные западные инвесторы будут активно лоббировать без специальных усилий российской дипломатии, поскольку быстро растущая экономика – наилучший индикатор благоприятного инвестиционного климата. Заметим, что и в долгосрочной перспективе, по оценкам ИНП РАН, потенциал экономического роста остаётся весьма существенным. Хотя среднегодо-

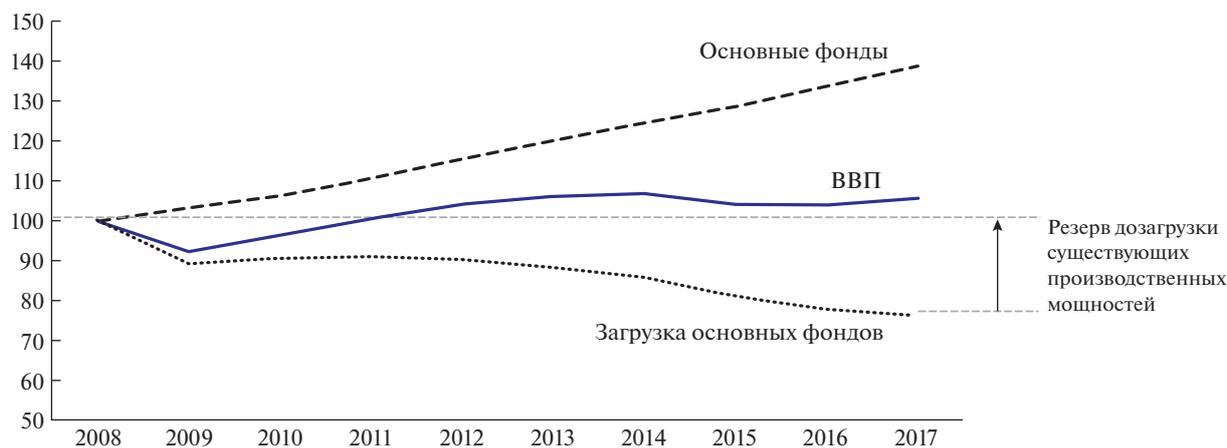

Рис. 3. Динамика показателей ВВП и основных фондов относительно 2008 г. Показатели 2008 г. приняты за 100%
 Источник: ИНП РАН.

вые темпы роста ВВП после 2025 г. снизятся в среднем до 3.2%, тем не менее за 2019–2040 гг. они втрое превзойдут показатель 2019 г. (для сравнения — в Китае потенциал долгосрочного роста ВВП сегодня оценивается в 6.2%, что практически равно его текущему значению) [5].

Потенциал роста ВВП определяется рядом факторов. В числе факторов производства, с учётом отдачи в среднесрочной перспективе, — инвестиции в развитие инфраструктуры, строительство жилья, модернизацию обрабатывающих производств и повышение эффективности экспорта. А с учётом отдачи в долгосрочной перспективе, решения задач структурно-технологической модернизации экономики нельзя принижать значения другого фактора — форсированных, до 10% прироста в год, инвестиций в человеческий капитал, в экономику знаний. По оценке академика РАН А.Г. Аганбегяна, в развитие человеческого капитала ежегодно нужно вкладывать 1.5 трлн руб., увеличив к 2025 г. эти вложения до 4 трлн руб. и подняв их долю в ВВП с нынешних 13 до 23% [6]. Со стороны спроса потенциал роста ВВП определяется форсированными инвестициями в основной капитал и потребление домашних хозяйств (см. рис. 2).

Что касается потребления домашних хозяйств, сегодня оно обеспечивает до половины роста ВВП. Основным драйвером экономической динамики в период 2019–2025 гг. выступает отложенный, прежде всего из-за снижения доходов, потребительский спрос, в первую очередь на товары длительного пользования. Только в 2018 г. и только по легковым автомобилям отложенный спрос достигал почти 2.5 млн единиц.

Одна из ключевых мер реализации указанного спроса, прежде всего на отечественную продукцию, — повышение доходов отдельных социаль-

ных групп, ориентированных на закупку именно такой продукции. Как доказывает опыт, в частности, единовременного небольшого увеличения заработной платы в бюджетном секторе и повышения пенсий в 2017–2018 гг., эта мера практически не увеличивает инфляцию, но добавляет к динамике роста ВВП до 1 п.п. По расчётам ИНП РАН, в условиях 2019 г. увеличение потребления домашних хозяйств на 1000 руб. (по 500 руб. — за счёт роста заработной платы в бюджетном секторе и за счёт дополнительных пенсионных выплат) означало прирост выпуска отечественных товаров и услуг на 800 руб., или 80%-е покрытие дополнительного спроса.

Доля инвестиций в основной капитал в ВВП пока низка и составляет менее 18%, но для требуемого роста эффективности производства должна быть доведена до 25%, что пока даётся с трудом. В то же время расчёты показывают, что имеется резерв загрузки производственных мощностей, существенная часть которых — технологически современные предприятия. По оценке ИНП РАН, при среднегодовом росте ВВП в 4%, даже если мощности не будут наращиваться в период 2019–2025 г., высокий уровень их загрузки, характерный для предкризисного 2008 г., но снизившийся к 2017 г. из-за экономического спада 2009 г. и стагнации 2013–2016 гг. почти на четверть, будет достигнут не ранее 2024 г. (рис. 3).

Солидный резерв экономического роста кроется в инвестициях в кардинальное технологическое перевооружение производства, среди которых особо выделим вложения, во-первых, в модернизацию обрабатывающих производств, во-вторых, в модернизацию ТЭК. Инвестиции в обновление обрабатывающих производств позволят существенно повысить производительность труда занятых на этих предприятиях, среди которых работники с низким уровнем квалификации, мини-

мальной заработной платой и, соответственно, низкой интенсивностью труда составляют примерно пятую часть. По сути дела, это означает, что интенсивно занятые на таких производствах работают в режиме четырёхдневной рабочей недели, перспективы перехода к которой обсуждают в правительстве и Государственной думе. При таких резервах роста производительности труда качественные изменения в использовании трудовых ресурсов могут обеспечить ощутимое смягчение отрицательного влияния на динамику ВВП демографического фактора и дефицита указанных ресурсов, который к 2030 г. может достигнуть 3 млн человек [7].

Что касается необходимости инвестиций в модернизацию ТЭК, то его значимость для устойчивого развития российской экономики сегодня и на обозримую перспективу трудно переоценить прежде всего как источника доходов от экспорта углеводородов – потребность мировой экономики в них в ближайшие 15–20 лет будет расти. В связи с этим вызывают, как минимум, недоумение известные теории о ресурсном проклятии, которые обычно в ходу у экономистов тех стран, где имеется дефицит природных ресурсов. Кроме того, особо выделим значимость ТЭК как крупнейшего потребителя высокотехнологичной продукции отечественного производства. Между тем в связи с принадлежностью к сырьевой сфере ТЭК нередко относят к средне- и даже низкотехнологичному производству, хотя многие сегменты современного мирового нефтегазового сектора отличаются высокой наукоёмкостью и высокими темпами цифровизации, к которым стремится и отечественный ТЭК. Как подчеркнул Д.И. Менделеев, “без светоча науки и с нефтью будут потёмки”. Наконец, в контексте анализа перспектив экономического роста подчеркнём важнейшую роль ТЭК в качестве одного из ключевых источников финансирования модернизации производства и импортозамещения в широком спектре секторов экономики. В целом, по оценкам ИНП РАН, снижение зависимости от импорта благодаря реализации инвестиционных программ нефтегазового комплекса способно увеличить темпы роста ВВП в 2020–2024 гг. не менее чем на 0.2 п.п.; а рост добычи и экспорта энергоресурсов – добавить к указанному росту ещё 0.8 п.п., тем самым обеспечив дополнительный вклад ТЭК до 1 п.п. роста ВВП в год в период до 2030 г.

Технологическое перевооружение производства, включая модернизацию обрабатывающих производств и ТЭК, а также структурные изменения в экономике, необходимые для обеспечения устойчивой динамики и нового качества экономического роста, невозможны без развития фундаментальной и прикладной науки и их адекватного финансирования. По расчётам ИНП РАН,

переход в долгосрочной перспективе к устойчивым темпам роста ВВП на уровне 3.2–3.5% потребует поддержания на уровне 3.5–4% ВВП совокупных расходов на НИОКР, включая внутренние затраты на исследование и разработки и затраты на импорт высокотехнологичной продукции и технологий, в которых воплощены НИОКР партнёров России. При этом наиболее эффективным – по критериям обеспечения замкнутости контура оборонных производств и сохранения научно-технологического лидерства на постсоветском пространстве – распределением является приблизительно равное соотношение указанных групп затрат.

В связи с этим необходимо уже в ближайшие 3–5 лет обеспечить рост затрат на отечественные исследования и разработки, как минимум, на 0.5–0.75% ВВП – с нынешних 1.1% до 1.6–1.85% ВВП, что означает увеличение совокупных расходов государства и бизнеса на отечественные НИОКР не менее чем на 1.5 трлн руб. (в ценах 2019 г.). Результативность указанных вложений значительно возрастёт, если их бремя государство и бизнес будут нести на паритетных основах. Возможно, наибольшие перспективы таких сбалансированных вложений – в прорывных областях (искусственный интеллект и др.).

В рассматриваемом контексте подчеркнём роль финансовых ресурсов в целом как важнейшей составляющей потенциала экономического роста на перспективу. Уникальность текущей ситуации заключается в отсутствии на макроэкономическом уровне сколько-нибудь значимого дефицита таких ресурсов, которые включают прежде всего активы банков (более 90 трлн руб.), позволяющие увеличить инвестиционные кредиты госбанков в 3–5 раз. Кроме того, золотовалютные резервы (порядка 500 млрд долл.), из которых не менее половины можно использовать на возвратных условиях для инвестиций; сбережения населения (порядка 40 трлн руб.) и ряд других источников – их вполне достаточно для ускорения и поддержания устойчивого экономического роста. Для доступного и эффективного использования этих ресурсов бизнесом необходим ряд условий и стимулов, в том числе смягчение налоговой политики, дальнейшее снижение ключевой ставки ЦБ с сегодняшнего уровня 6.5% до, очевидно, 4%; смещение акцента в кредитовании от экономических агентов к их инвестиционным проектам, используя как можно шире институт проектного финансирования.

Крупные инвестиционные проекты в среднесрочной перспективе, очевидно, должны составить пул федеральных проектов, в свою очередь являющихся ключевыми компонентами национальных проектов. Национальные проекты нужно чётко и своевременно выполнять, однако эф-

фективность их осуществления в 2019 г. (порядка 60%) оставляет желать лучшего. В то же время сами эти проекты не являются самодостаточными для полноценной реализации потенциала экономического роста. По расчётам ИНП РАН, даже их исполнение в полном объёме к 2024 г. может обеспечить не более 0.8% вклада в темп роста ВВП.

Это закономерно, учитывая, что нацпроекты играют, образно говоря, роль своего рода стенов в действующей системе управления развитием экономики и не могут (и не должны) заменить эффективные меры регулярной экономической политики, включая бюджетно-налоговую и денежно-кредитную сферы, а также – подчеркнём особо – её пространственную составляющую. Не вызывает сомнений стратегическая (в том числе геополитическая и геоэкономическая) значимость инвестиционных проектов в Арктике и на Дальнем Востоке. Вместе с тем, с точки зрения макроэкономической динамики, без реализации крупных инвестиционных проектов, формирования точек роста в традиционных промышленных регионах (Сибирь, Урал, Поволжье) обеспечить темпы роста ВВП выше 2% в год в среднесрочной перспективе вряд ли возможно. Кроме того, с точки зрения интересов устойчивого экономического роста, приоритетами инвестирования служат крупные инфраструктурные проекты, повышающие связанность экономического пространства страны, снижающие издержки производителей и реализуемые в рамках комплексного плана развития магистральной инфраструктуры, предусмотренного майским (2018 г.) Указом Президента России.

РОЛЬ НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В СНИЖЕНИИ РИСКОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СРЕДНЕ- И ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Реализация указанного потенциала экономического роста сопряжена с рядом существенных ограничений и рисков, в том числе в сфере экономической политики. Ограничения внутреннего характера связаны, в первую очередь, с тормозящим экономическую динамику и структурно-технологическую модернизацию эффектом избыточно жёсткой денежно-кредитной и бюджетной политики (включая бюджетное правило и таргетирование инфляции). Ограничения и риски внешнего характера сопряжены прежде всего с финансовыми и технологическими санкциями западных государств, кумулятивный негативный эффект которых может с наибольшей силой проявиться в середине 2020-х годов; а также растущей неопределённостью развития мировой экономики в обозримом будущем. Последнее каче-

ственно увеличивает значимость управления риском и прогнозирования как инструментов экономической политики в средне- и долгосрочной перспективе.

Что касается управления рисками средне- и долгосрочного экономического развития – усиливается требование к экономической политике по комплексному учёту и оценке рисков, а также разработке эффективных мер по их снижению, включая отказ от ошибочных решений. Последнее никоим образом не означает уклонения от принятия решений под предлогом связанного с ним риска ошибки – приёма, характерного для многих лиц, ответственных за текущую экономическую политику на федеральном и региональном уровнях, но с готовностью перекалывающих ответственность на руководителя государства. Риск бездействия, особенно в условиях стагнации, превосходит риск ошибочного решения, который можно и нужно минимизировать путем комплексной экспертизы проекта (закона, инвестиций и т.д.).

Такая экспертиза позволит не только отфильтровать неэффективные проекты, но и обосновать тиражирование успешных проектов, отличающихся наибольшим мультипликативным эффектом роста выпуска продукции, создания новых, прежде всего высокопроизводительных, рабочих мест и увеличения интенсивности (тесноты) межрегионального взаимодействия и укрепления связанности территории страны. Академик РАН В.В. Ивантер выделяет три сферы, в которых удалось, при всех противоречиях, добиться успехов: 1) сельское хозяйство, благодаря ему удалось обеспечить продовольственную независимость и выйти в крупные мировые экспортёры; 2) ОПК, возродившийся и создающий самые современные вооружения, также являющийся крупным экспортёром, причём высокотехнологичной продукции; 3) мегапроекты, включая подготовку Сочи и Казани к зимней олимпиаде и универсиаде, соответственно; подготовка Владивостока и его окрестностей к саммиту АТЭС; чемпионат мира по футболу; строительство Керченского моста [8]. В рамках этих мегапроектов удалось не только успешно реализовать сами мероприятия, но и серьёзно улучшить ситуацию в ряде городов страны. Существуют реальные возможности тиражирования перечисленных достижений на другие сектора и производственные комплексы, что создаёт благоприятные предпосылки для экономического роста, особенно на долгосрочную перспективу.

И требование законодателя, и содержание процесса (имея в виду его междисциплинарный характер) предусматривают ключевую роль в организации и проведении указанной комплексной экспертизы Российской академии наук, распола-

Рис. 4. Прогнозные оценки улучшения качества жизни населения в России
 Источник: ИНП РАН.

гающей необходимой базой знаний, спектром и уровнем подготовки специалистов, включая экономистов. К этому нужно добавить и высокую степень доверия (49% опрошенных социологами) общества к РАН. За нею же законодательно закреплена другая ключевая функция поддержки принятия стратегических решений в области экономической политики – прогнозирование основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации. Это подразумевает не дублирование деятельности Минэкономразвития РФ по разработке кратко- и среднесрочного прогнозов социально-экономического развития России, а предшествующую ей (предпрогнозную) комплексную оценку сообществом учёных-экономистов потенциала, тенденций и ограничений долгосрочного развития российской экономики. С учётом или на основе этой оценки экспертов РАН должны формироваться упомянутые кратко- и среднесрочный прогнозы профильного министерства, формулироваться требования к экономической политике, определяться приоритеты в достижении целей развития.

ЦЕЛЬ – РЕАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ГРАЖДАН

России вполне по силам переломить тенденцию стагнации и выйти к 2024 г. на устойчивый экономический рост темпом порядка 4%, что составляет необходимое условие существенного улучшения качества жизни населения. Согласно расчётам ИНП РАН, по сравнению с 2018 г. располагаемые денежные доходы могут увеличиться в 2025 г. в 1.3 раза, в 2030 г. – в 1.5 раза; доля расходов на продовольствие в структуре доходов до-

мохозяйств – сократится, соответственно, до 24 и до 20% против 28.3% в 2018 г.; обеспеченность жильём возрастёт, соответственно, до 30 м² и до 33 м² на человека против 25.2 м² (рис. 4).

Реализация этих перспектив динамичного и устойчивого экономического роста связана, с одной стороны, с эффективным использованием имеющегося потенциала производственных мощностей, трудовых и финансовых ресурсов, с другой стороны, смягчением или сведением к минимуму текущих ограничений внутреннего и внешнего характера и рисков будущего развития. Это, в свою очередь, требует перехода от текущей политики макрофинансовой стабилизации, ориентированной на экономику благосостояния (*wealth being*) страны, к политике экономического роста и модернизации народного хозяйства, целью которой – реальное благополучие (*well-being*) её граждан, подъём и устойчивое поддержание уровня и качества жизни людей, достойных XXI в. В процессе такого перехода смещение центра тяжести и перераспределение ресурсов в пользу населения становится ключевым направлением изменения экономической политики сегодняшней России.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Доклад подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований РАН по приоритетным направлениям, определяемым Президиумом РАН № 20, п. 168.7, и Комплексного плана научных исследований “Научно-методическое сопровождение стратегического планирования социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности России на 2019–2021 гг.”, реализуемого по заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инвестиционный форум “Россия зовет!” <http://kremlin.ru/events/president/news/62073> (дата обращения 20.11. 2019).
2. Россияне назвали главные проблемы в стране. РБК. <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/5dc251ad9a794718e80ee246> (дата обращения: 10.11.2019).
3. Заключение Счётной палаты на проект ФЗ “О федеральном бюджете на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг.” (утверждено коллегией Счётной палаты Российской Федерации (протокол от 11 октября 2019 г. № 54К (1350)). М., 2019.
4. Аналитики ЦБ назвали предел роста ВВП России по итогам 2019 г. РБК. <https://www.rbc.ru/economics/06/11/2019/5dc2b8af9a79474727a8d57f?from=newsfeed> (дата обращения: 10.11.2019).
5. China’s median age will soon overtake America’s // *Economist*. 2019. V. 433. № 9167. P. 65–66.
6. *Аганбегян А.Г.* О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.
7. Телемост с участниками движения WorldSkills. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61953> (дата обращения: 10.11.2019).
8. *Ивантер В.В.* Экономика России: поводы для оптимизма и возможности для роста. <https://effor.ru/publication/ekonomika-rossii-povody-dlya-optimizma/> (дата обращения: 10.11.2019).

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ:
ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ

© 2020 г. В. В. Локосов

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия

E-mail: vvlokos@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.12.2019 г.

После доработки 11.12.2019 г.

Принята к публикации 25.12.2019 г.

В статье анализируются позитивные и негативные тенденции демографического развития современного российского общества. Представлены два основных подхода к интерпретации и оценке этих тенденций. Обосновывается, что демографический потенциал общества остаётся достаточным для преодоления депопуляции, сохраняется преемственность традиционных семейных ценностей. Несмотря на риски, связанные прежде всего с уменьшением численности населения и его старением, в среднесрочной перспективе на основе интеграции мер демографической, социально-экономической и социокультурной политики, использования воспроизводственных и миграционных резервов российское общество способно обеспечить демографический подъём.

Ключевые слова: демографическое развитие, депопуляция, социально-экономические риски, демографическая политика, традиционные семейные ценности, качественные характеристики населения.

DOI: 10.31857/S086958732003010X

Круг вопросов, изложенных более 250 лет назад М.В. Ломоносовым в трактате “О сохранении и размножении российского народа”, почти совпадает с демографической повесткой сегодняшнего дня. Со словами о том, что именно в народонаселении “состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей” [1, с. 384], трудно не согласиться.

В современной России значимость проблемы роста или убыли населения поднялась до уровня стратегического приоритета. Повышенное вни-

мание к этой теме обусловлено сокращением численности населения, которое за прошедшее столетие перенесло череду войн, лишений, радикальных изменений условий повседневной жизни, что прямым образом отразилось на демографических показателях. Вопрос стоит крайне остро: *коренное население страны может перейти в разряд невозобновляемых людских ресурсов.*

В опубликованной в 1906 г. работе Д.И. Менделеева “К познанию России” прогнозировался рост численности населения к 2000 г. до 594 млн человек. Вычтем из них 25% населения, которое проживало в те годы в Привислинских губерниях, на Украине, в Прибалтике, Средней Азии, Закавказье, сделаем поправку на снижение уровня рождаемости — останется около 280 млн человек, то есть в 2 раза больше, чем сегодняшнее население РФ. Исходя из этого, можно предположить, что разница в 140 млн человек и есть те потенциальные и реальные демографические потери, которые страна понесла в ходе столетних испытаний.

Постсоветская Россия впервые в своей истории в мирное время переживает длительный период депопуляции. Естественная убыль насе-

ЛОКОСОВ Вячеслав Вениаминович — доктор социологических наук, профессор, врио директора ИСЭПН РАН.

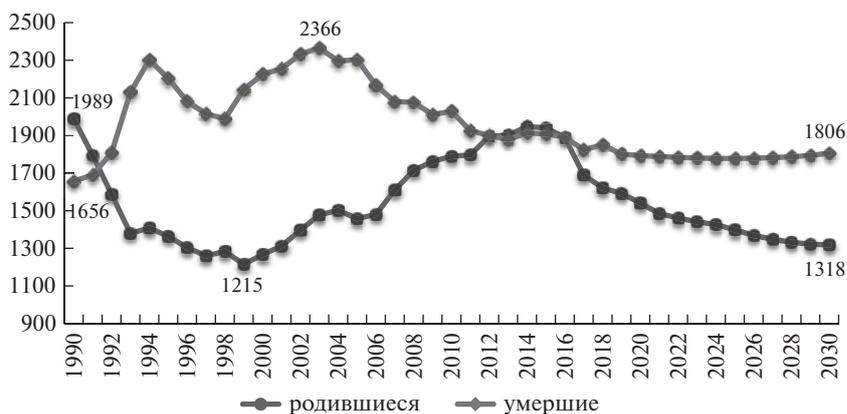

Рис. 1. Естественное движение населения России в 1990–2018 гг. и средний вариант прогноза до 2030 г., тыс. человек

Рис. 2. Естественное движение населения России с учётом и без учёта миграции в 1990–2018 гг. и средний вариант прогноза до 2030 г., тыс. человек

ния началась в 1992 г. и продолжается более двух десятилетий. Она достигла 14 млн человек, что сопоставимо по масштабам с потерями в Великой Отечественной войне (рис. 1).

Конфигурацию так называемого “русского креста” формировало одновременное резкое сокращение рождаемости и рост смертности. Показатели смертности мужчин в трудоспособном возрасте были близки к военным сводкам. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин в 1994 г. снизилась до 58 лет. Людские потери от убийств, самоубийств и отравлений алкоголем за период с 1991 по 2018 г. насчитывают более 3 млн человек.

Миграционные процессы на 60% компенсировали естественную убыль населения, но не изменили тенденцию сокращения его численности. Перерыв в депопуляции с учётом миграции длился восемь лет (2010–2017), без учёта миграции — всего три года (2013–2015) (рис. 2). По оценкам, в

2019 г. естественная убыль населения составит 250 тыс. человек.

“Демографическую яму” 1990-х годов оказалось трудно преодолеть. Большинство экспертов прогнозируют продолжение естественной убыли населения, по крайней мере, до 2030 г. Такой прогноз основан, в частности, на показателях численности женщин репродуктивного возраста: в 2018 г. она была наименьшей за последние 30 лет (рис. 3). Если численность женщин в возрасте 20–34 лет в 2017 г. составляла 16 млн, то в 2020 г. она уменьшится до 14 млн, в 2025 г. — до 12 млн и в 2030 г. — до 11 млн.

Характерная тенденция последних лет в России — повышение возраста матерей при рождении детей, что негативно отражается на динамике уровня рождаемости и репродуктивном здоровье. Среди семей с детьми, как и прежде, преобладают

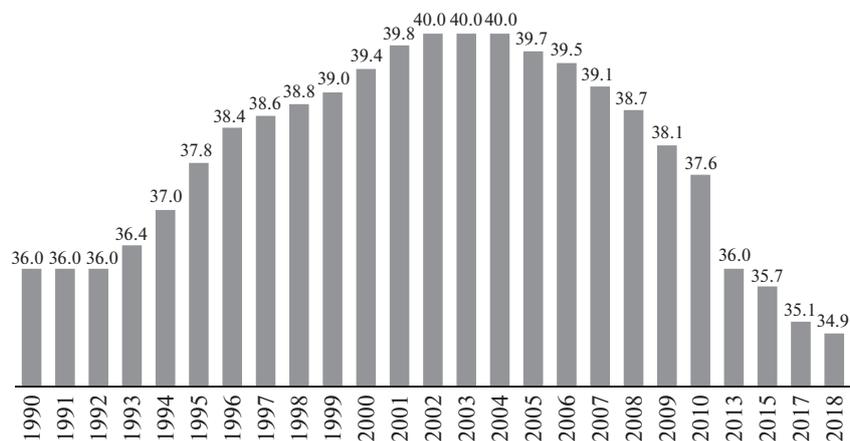

Рис. 3. Численность женского населения РФ репродуктивного возраста, млн человек

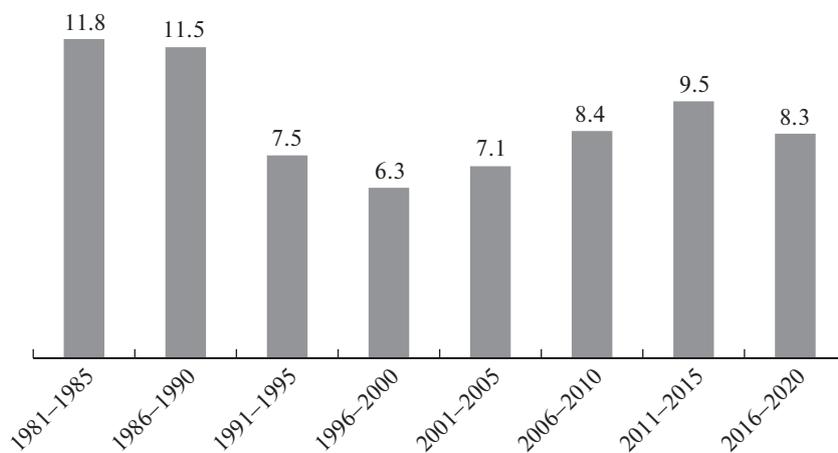

Рис. 4. Число родившихся в 1981–2020 гг., млн человек

однодетные семьи – почти 2/3 всех домохозяйств с детьми [2]. Количество детей в текущую пятилетку (2016–2020) сократится примерно до 8.3 млн человек (рис. 4).

Сокращение населения выглядит особенно тревожным, если учесть, что здоровье нового поколения хуже здоровья поколения предыдущего [3, с. 74–79]. Анализ результатов лонгитюдного исследования (1995–2010) здоровья и развития детей, проведённого Институтом социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) в Вологодской области, приводит к похожим выводам [4, с. 108]. Число абсолютно здоровых детей (I-я группа здоровья детей, не имеющих отклонений по всем избранным для оценки критериям) сократилась за 30 лет с 49 до 12% общей совокупности. Более чем у половины школьников есть хронические заболевания, за последние 10 лет частота нарушений здоровья детей увеличилась в 1.5 раза, хронических болезней – в 2 раза [5].

Снижается репродуктивное здоровье населения. По оценке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), если частота бесплодия превышает 15%, то эта проблема становится не только медицинской, но и социально-демографической. В нашей стране предельно критическое (пороговое) значение этого показателя пройдено в 2016 г. и достигло 17% [6].

В 2017 г. на диспансерном учёте состояло более 2 млн больных алкоголизмом, 1.9 млн с наркологическими расстройствами¹, 3.3 млн россиян имели проблемы с психическим здоровьем. По

¹ В 2018 г. пересмотрен диспансерный учёт больных алкоголизмом и наркоманиями. Признан утратившим силу Приказ Минздрава СССР от 12.09.1988 № 704 “О сроках диспансерного наблюдения больных алкоголизмом, наркоманиями и токсикоманиями” (Приказ № 704). Основание – Приказ Минздрава России от 13.12.2018 № 877. Этот приказ не содержит каких-либо оснований для недобровольного диспансерного наблюдения за лицами, страдающими алкоголизмом или наркоманиями. <https://kormed.ru/novosti/dispensernogo-ucheta-za-bolnymi-alkogolizmom-i-nar-komaniyami-bolshe-ne-budet/#hcq=hfPJSLr>

данном министра здравоохранения В.И. Скворцовой, до 70% смертей мужчин трудоспособного возраста связано с употреблением алкоголя [7]. По различным оценкам, доля россиян, употребляющих наркотические и сильнодействующие вещества, увеличилась к 2018 г. до 8% населения. Происходит омоложение всех форм социальных болезней, а наркомания на 80% является болезнью россиян в возрасте до 30 лет.

Стоимость жизни в России и в других странах растёт [8, с. 54–66], причём демографические процессы влияют на эту тенденцию. В сумме вследствие ухудшения здоровья российского населения и преждевременных смертей общество ежегодно лишается около 2.5 трлн руб. инвестиций в воспитание, образование и упущенных выгод от утраты работников. К этим социально-демографически обусловленным потерям следует добавить потери от ежегодного выезда на постоянное место жительства за рубеж 50–60 тыс. в основном молодых и квалифицированных граждан РФ.

Ещё одним фактором оценки демографического развития (помимо здоровья населения), следует считать наличие необходимых людских ресурсов для освоения территории страны. Минимальная территория, которая необходима для комфортного проживания одного человека, составляет 2 га земли. Из них 0.6 га должны использоваться для производства продовольствия; 0.2 га – для расселения людей и промышленного производства; 1.2 га оставаться нетронутыми с целью сохранения устойчивости биосферы [9, с. 46]. Исходя из этих расчётов, с экологической и иных точек зрения, Россия является единственной среди крупных индустриальных стран самодостаточной страной, которая может без ущерба для природы, уровня и качества жизни увеличить численность населения в 3 раза. Поэтому “потеря людских ресурсов независимо от характера и конкретных причин, особенно для России с её громадными территориями, оказывается не только внутривнутриполитической, но и геополитической проблемой” [10, с. 3].

Исходя из анализа тенденций демографического развития в перечень наиболее значимых социально-экономических рисков нужно включить следующие.

Во-первых, *сокращение численности лиц трудоспособного возраста*. Согласно среднему варианту прогноза Росстата, в 2018–2022 гг. этот показатель уменьшится на 3 млн человек и будет последовательно сокращаться вплоть до 2035 г. Доля населения, вышедшего из трудоспособного возраста, составлявшая в 2018 г. 25%, будет увеличиваться: в 2025 г. до 27%, 2030 г. – 28% и в 2035 г. – до 30%. Правда, этот прогноз надо пересматривать с учётом повышения пенсионного возраста.

Во-вторых, *дальнейшее старение населения*. Увеличение в населении доли пожилых, помимо повышения числа умерших, приведёт к усилению демографической нагрузки и, соответственно, росту расходов на социальные нужды. Смена возрастной структуры населения является системным вызовом безопасности России. Вместе с тем исследования Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН) показывают, что увеличение числа пожилых людей с сохранным ресурсным потенциалом, не ведёт автоматически к возрастанию иждивенческой нагрузки ни на семью, ни на социум в целом. В России доля пожилых людей с сохранным потенциалом, измеряемым уровнем здоровья, квалификацией, социальной поддержкой, мотивацией и другими показателями, составляет 10% (в экономически развитых странах – 20%) [11].

В-третьих, *возникновение ограничений для формирования контингентов для армии и других силовых структур*. В 2017 г. комплектацию силовых структур обеспечивало поколение родившихся в 1999 г., численность которого составила 48% к уровню 1987 г. Есть ещё одно обстоятельство, обуславливающее сокращение призывного потенциала: здоровье молодых людей ухудшается, в 2018 г., например, около 20% призывников оказались негодными к службе в армии [12].

В-четвёртых, *повышение вероятности изменения этнической структуры населения*. К сожалению, анализ этого риска затруднён, так как с 2007 г. прекращён сбор статистических данных с дифференциацией по этническим группам.

В-пятых, *осложнение геоэкономической ситуации, связанной с оттоком населения с территорий Сибири и Дальнего Востока*. К территориям, требующим повышенного внимания с точки зрения их демографических показателей, следует добавить субъекты старообжитой Европейской части страны – Центрального и Северо-Западного федеральных округов (кроме Москвы). За 30 лет большинство субъектов этих округов потеряли вследствие естественной убыли около 20% своего постоянного населения.

Самостоятельными объектами анализа в рамках изучения социально-экономических рисков выступают внутренняя дифференциация демографического развития по регионам страны, а также между городом и селом и внешняя “утечка умов”.

Статистические данные дают отчётливое представление о динамике демографического развития России, его тенденциях в ближайшей перспективе, социально-экономических рисках. Но при интерпретации демографических изменений остаётся ряд принципиальных разночтений. Выделяются два течения в толковании ключевых аспектов данной проблематики.

Главная линия разграничения лежит в отношении экспертов к изменениям, связанным с воспроизводством населения, миграцией и трансформацией традиционной семьи. Эти изменения можно рассматривать или как *естественные процессы*, объективные проявления очередного демографического перехода, или как *аномалии, кризис, искажение естественного хода вещей*. Выбор одного из этих подходов обуславливает большинство разногласий в экспертных оценках демографических процессов и управленческих мер в данной сфере. Сторонников первого подхода назовём демографами-скептиками, сторонников второго — демографами-прагматиками. Обозначим основные положения, по которым они ведут научные споры.

Демографы-скептики считают, что в целом процессы идут в объективно заданном направлении, в котором движутся большинство развитых стран мира. Сокращение населения следует считать закономерным явлением, даже выгодным с экономической точки зрения. Управлять демографическими процессами, по мнению демографов-скептиков, бессмысленно, причём это влечёт за собой неоправданные затраты. Регулировать следует прежде всего миграционные потоки, которые скорее поддаются воздействию извне, чем инертные процессы рождаемости и смертности. Следовательно, основную ставку надо делать на привлечение мигрантов. Мотивация к тому или иному демографическому поведению, полагают скептики, — личное, даже интимное дело каждого человека. Призывы к формированию такой мотивации якобы можно трактовать даже как нарушение прав человека.

Демографы-прагматики с таким подходом не согласны. Демографические изменения, с их точки зрения, определяются в том числе субъективными факторами, использованием методов социального конструирования. Своё мнение они аргументируют примерами успешной корректировки демографических процессов, в том числе эффективностью мер, предпринимаемых с 2006 г., которые привели к приостановке депопуляции в нашей стране. Демографы-прагматики чаще ориентированы на стимулирование рождаемости с использованием разнообразных мер поддержки семьи.

Сотрудникам ИСЭПН РАН ближе подход демографов-прагматиков [13]. На протяжении десятилетий в Институте разрабатывают методологическое обоснование и рекомендации по корректировке демографических процессов, ведётся работа по выявлению взаимосвязи депопуляции с низким уровнем и качеством жизни, избыточным неравенством, произвольностью расчётов прожиточного минимума, неэффективностью распределительных отношений. По данным ИСЭПН РАН, увеличение уровня относительной бедности при

рождении первого ребёнка составляет 8 процентных пункта, при рождении второго — 14 п.п., третьего — 21 п.п. [14]. По сравнению с бездетными, семьи с детьми в 2.5–3.7 раза чаще оказываются в стеснённых жилищных условиях.

Выход из ситуации многолетнего сокращения численности населения нашей страны возможен, по крайней мере, по пяти направлениям.

Первое — *укрепление социальной ответственности государства*. Если государство вернёт себе часть обязательств по отношению к системам здравоохранения и социальной защиты, это окажет положительное влияние на демографические процессы. За 30 лет доля собственных средств населения в финансировании здравоохранения (при получении медицинских услуг) увеличилась с 19 до более чем 40%, в то время как в соответствии с рекомендациями ВОЗ предельно критическое значение этого показателя не превышает 20%.

Второе — *повышение уровня и качества жизни населения*. Социологические исследования свидетельствуют, что главные препятствия для рождения детей в России — материальные и жилищные трудности [15]. По оценке Минтруда, около 80% семей, находящихся за чертой бедности, — это семьи с детьми. Современную черту бедности по её социальным последствиям можно сравнить с чертой оседлости столетней давности. Как показал опрос Левада-Центра (25.10.2019), среднее желаемое число детей (репродуктивные намерения) у жителей России составляет 2.6. В случае соблюдения статьи 2 Трудового кодекса РФ (зарплата должна обеспечивать достойный уровень жизни работника и его семьи) люди имели бы возможность за счёт собственных ресурсов реализовать свои репродуктивные намерения.

Третье — *возврат части населения к традиционным семейным ценностям, в том числе многодетности*. По данным Института социологии РАН, среди жизненных приоритетов россиян создание семьи, рождение детей занимает первое место [16, с. 119]. Более того, ряд исследований свидетельствует, что установка на рождение детей в большей мере зависит от субъективных ценностных ориентаций людей, чем от их оценки собственного уровня жизни [17, с. 36–41]. Российское население в большой мере ориентировано на сохранение традиционных ценностей, чему способствует выраженная примитивизация социальных отношений. В массовом сознании произошла своего рода консервация коллективистских социальных практик, что помогает сохранить преемственность этих ценностей.

Четвёртое — *привлечение в российскую экономику трудовых мигрантов*. По оценке экспертов, в странах ближнего зарубежья реальный миграционный потенциал составляет 4–5 млн человек русской и других титульных для России нацио-

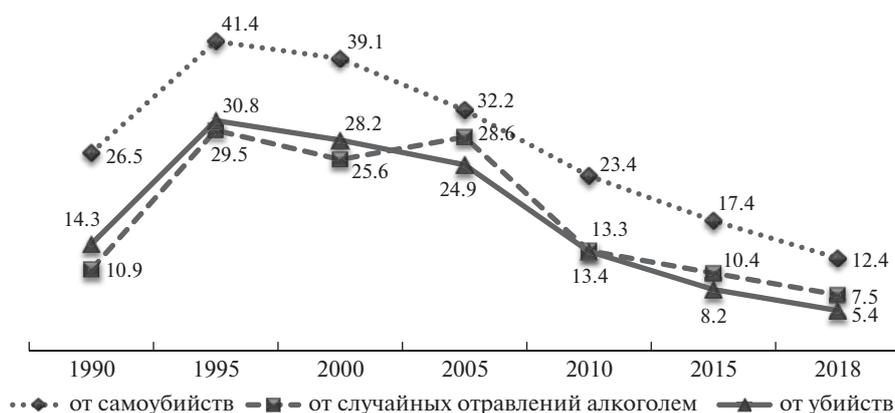

Рис. 5. Динамика числа умерших от убийств, самоубийств, алкогольных отравлений, на 100 000 человек

нальностей [18, с. 22]. Значительным миграционным потенциалом располагают и другие, в том числе соседние, страны. Однако опыт последних десятилетий заставляет осторожно относиться к, казалось бы, очевидным выгодам, которые приносит иммиграция.

Пятое — модернизация экономики на инновационной основе. Сегодня активно ведутся дискуссии о демографических последствиях перехода к цифровой экономике: о так называемых “лишних людях”, принципиально иной роли искусственного труда, о преодолении дефицита трудовых ресурсов и исчезновении потребности в традиционных профессиях. Иногда декларируется не просто роботизация тех или иных видов деятельности, но массовое вытеснение человека из трудовой сферы. Например, компания Momen tum Machines создала робота, который может радикально изменить индустрию быстрого питания² [19, р. 383]. Это принципиально новое отношение к труду, его производительности, человеческой деятельности в целом.

У российского общества есть хорошие возможности продвижения по всем пяти направлениям. Для этого требуется общественный консенсус и политическая воля.

Не умаляя значения проблемы количественного роста и убыли населения, не следует упускать из виду и проблему повышения его качественных характеристик, накопления и реализации человеческого потенциала. *Качество населения*, определяемое через показатели здоровья (понимаемое, согласно ВОЗ, как физическое, душевное и социальное здоровье), образования и

культуры, является главным стратегическим ресурсом развития современного общества, базовым критерием его эффективности. Происходит закономерное смещение доминанты общественного развития с экономической сферы в социально-экономическую и далее в социокультурную. В результате неэкономические факторы, включая социально-демографические, постепенно становятся ведущими в жизнедеятельности общества.

Акцент на укреплении человеческого потенциала справедливо делается в программных выступлениях Президента РФ В.В. Путина: “Именно образованные, творческие, физически и духовно здоровые люди, а не природные ресурсы или ядерное оружие, будут главной силой России этого и последующего веков” [20]. Примерно об этом же в 1922 г. писал классик отечественной социологии Питирим Сорокин: “Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития” [21, с. 7].

Несмотря на сложности демографического развития современной России, есть ряд факторов, тенденций, которые позволяют смотреть в будущее со сдержанным оптимизмом. Об этом, в частности, говорит принятие руководством страны начиная с 2006 г. многочисленных мер интенсивной демографической политики, включая введение так называемого материнского (семейного) капитала и реализацию национального проекта “Демография” (2019–2024). Нельзя не упомянуть некоторые положительные тенденции последних лет, в частности, укрепление социального здоровья населения. Намечилась тенденция к снижению смертности трудоспособного населения, показателей смертности от причин, связанных с девиантным поведением (рис. 5).

² Соучредитель этой компании А. Вардакостас заявил: “Наше устройство не предназначено для улучшения эффективности работы сотрудников. Мы хотим полностью отказаться от их услуг”. На сайте компании говорится, что их автомат “делает всё, что могут делать сотрудники, только лучше”.

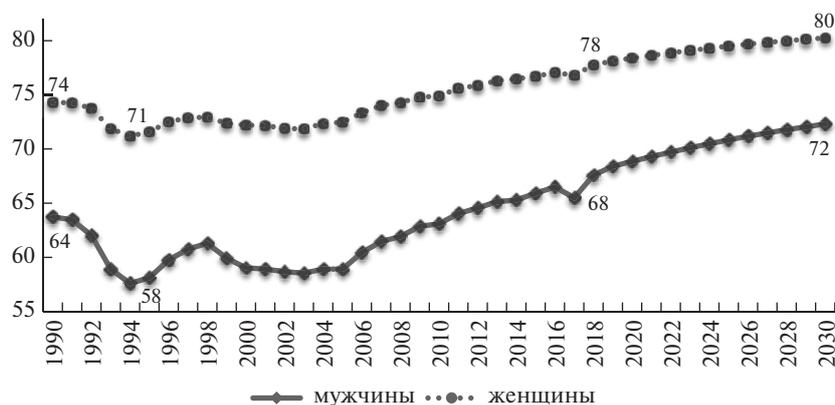

Рис. 6. Ожидаемая продолжительность жизни в России в 1990–2018 гг. и средний вариант прогноза до 2030 г., лет

Наблюдается уход от патерналистских ориентаций населения в пользу активистских. Вероятно, одним из эффективных ответов на социально-демографические риски, станет реализация партисипаторного подхода (формирования “общества участия”), его встраивания в контуры государственного управления и местного самоуправления с целью повышения качества жизни и качественных характеристик населения [22]. С одной стороны, в рыночных реалиях нельзя все надежды на решение социальных вопросов возлагать на государственную власть, с другой – проблемы повышения качества жизни, особенно борьба с бедностью, не могут решаться только за счёт людей. Именно соучастие граждан, их сообществ и власти становится важным условием роста уровня и качества жизни, усиления социального взаимодействия.

Здоровый образ жизни начинает входить в моду и стиль жизни россиян. Растущая популярность здорового образа жизни способствует увеличению ожидаемой продолжительности жизни (рис. 6), в то время как утрата здоровья сегодня зачастую ведёт человека на социальное дно.

Главная причина депопуляции российского общества не является результатом естественных причин, она тесно связана с негативными последствиями нелиберального этапа трансформации общества. *Депопуляция – один из способов адаптации населения к новым условиям жизни.* Улучшение этих условий может способствовать оптимизации многих показателей демографического развития.

Таким образом, в ближайшие годы цель демографического развития – максимальное использование воспроизводственных и миграционных резервов для преодоления процесса депопуляции. Каковы эти резервы и в какое время они могут быть наиболее эффективно использованы,

должны определять не отдельные лица, сколь бы высокий пост они ни занимали, а специально созданные рабочие группы, включающие учёных соответствующего профиля (специалистов в области рождаемости, смертности и миграции) и тех практических работников, которые воплощают в жизнь государственную демографическую политику. Эти группы должны опираться в своей работе на обширные статистические и эмпирические базы данных, формируемые в режиме мониторинга всех основных демографических показателей, включая показатели этнической принадлежности населения.

Скептическое, если не сказать фатальное отношение к демографическому развитию утрачивает своих сторонников. В среднесрочной перспективе на основе научного обоснования интеграции мер демографической, социально-экономической и социокультурной политики, использования воспроизводственных и миграционных резервов российское общество способно обеспечить демографический подъём.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. М., Л.: АН СССР, 1950–1983.
2. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm
3. Римаевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М.: ИСЭПН РАН, 2003.
4. Шабунова А.А., Морев М.В., Кондакова Н.А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.
5. В 2017 г. пресс-служба Роспотребнадзора: <https://ria.ru/20170913/1504653450.html>
6. <https://www.eg-online.ru/article/317486/>
7. <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3113528>

8. *Аганбегян А.* Сколько стоит жизнь человека в России? / *Экономическая политика.* 2014. № 1. С. 54–66.
9. *Шойгу С.К., Воробьёв Ю.Л., Владимиров В.Н.* Катастрофы и государство. М.: Энергоатомиздат, 1997.
10. Сбережение народа / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: Наука, 2007.
11. Старшее поколение и будущее / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: Экономическое образование, 2014.
12. <https://gia.ru/20180930/1529667967.html>
13. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / Под ред. В.В. Локосова. М.: Экон-Информ, 2015.
14. *Шевяков А.Ю., Кирута А.А.* Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009.
15. Семья и рождаемость. Аналитический отчёт по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 г. М.: Росстат, 2013.
16. Российское общество и вызовы времени. Книга четвёртая / Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2016.
17. *Архангельский В.Н.* Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение // *Уровень жизни населения регионов России.* 2011. № 8. С. 36–41.
18. Демографическое развитие России в XXI веке: достигнутые результаты и предстоящие трудности / Под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2017.
19. *Wade Roush.* Hamburgers, Coffee, Guitars, and Cars: A Report from Lemnos Labs. <https://robo-hunter.com/news/360-burgerov-v-chas-ot-robota> © robo-hunter.com
20. Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба “Валдай” 19.09.2013. <http://yablor.ru/blogs/vistuplenie-vv-putina-na-valdae/3038189>
21. *Сорокин П.* Современное состояние России. Прага, 1992. <https://www.pitirim.org/index.php/publications-pitirim-sorokin/from-pitirm-sorokin/161-current-state-of-russia/>
22. Партиципаторный подход в повышении качества жизни населения / Под ред. Н.М. Римашевской и Н.Н. Ивашиненко. Нижний Новгород, М.: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Р.И. Лобачевского, 2013.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИИ
В СОВРЕМЕННОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

© 2020 г. В. Н. Руденко

Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

E-mail: rudenkovn@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.01.2020 г.

После доработки 22.01.2020 г.

Принята к публикации 29.01.2020 г.

В статье, подготовленной по материалам доклада на научной сессии Общего собрания членов РАН 13 ноября 2019 г., анализируется глубинный конфликт между конституционализмом и демократией, выражающийся в недоверии конституционализма к народовластию. Показан элитарный характер современного представительного демократического правления, ставящий под сомнение ценности демократии. В то же время автор обращает внимание на два основных тренда, определяющих перспективы демократии в современном конституционализме: усилия правительств по обеспечению правовых основ открытости власти; создание и закрепление механизмов эффективного гражданского участия в осуществлении публичной власти на основе рационального коммуникативного дискурса. В этом контексте затрагиваются проблемы демократии в России.

Ключевые слова: демократия, конституционализм, элитарная демократия, открытость власти, гражданское участие, коммуникативный дискурс.

DOI: 10.31857/S0869587320030202

В разные исторические эпохи существовали конституции и свои представления о конституционализме. Зарождение современного конституционализма, а вместе с ним и представлений о современной демократии приходится на период Нового времени. Уже первые конституции, принятые в США, Польше и во Франции, заложили новые фундаментальные принципы и подходы к механизму организации и функционирования власти в государствах, отвергнувших абсолютизм.

Регулирование порядка организации и деятельности органов государственной власти в кон-

ституции предполагало прежде всего существенное ограничение их полномочий через систему разделения, сдержек и противовесов, направленных против произвольного усиления той или иной ветви власти. Всякий закон, принимаемый вопреки конституции, не считался легитимным, при этом организация власти предполагалась такой, чтобы любой гражданин, чьи права и законные интересы нарушены, мог отстаивать свою правоту в независимом и беспристрастном суде.

Первые и последующие конституции были основаны на идее народного суверенитета, поэтому содержали большой демократический потенциал. В недрах конституционного процесса зародился и развился принципиально новый тип демократического правления, суть которого афористично выразил 16-й президент США (1861–1865) Авраам Линкольн: “Демократия – это правление народа, осуществляемое народом и для народа” [1].

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ:
НЕДОВЕРИЕ ДЕМОСУ

В то же время слова Линкольна, ставшие афоризмом, описывали иной тип политической орга-

РУДЕНКО Виктор Николаевич – академик РАН, главный научный сотрудник ИФП УрО РАН.

низации общества, нежели прямую демократию античных Афин или городов-республик итальянского Средневековья, при которой в решении государственных дел должны были участвовать все граждане. В новых исторических условиях на смену абсолютизму пришло представительное правление, базирующееся на выборах и основанное на принципе мажоритарности. За более чем 200-летнюю историю демократическое представительное правление обрело свои атрибуты. Прежде всего это верховенство права, защита прав человека, плюрализм мнений, наличие альтернативных источников информации, многопартийная система, свободные и нефальсифицированные выборы, реализация политики с участием политической оппозиции, разделение властей, наличие независимой судебной власти, открытость власти. Таким образом, конституционализм и демократия стали взаимосвязанными явлениями, без которых немислима современная культура.

Вместе с тем конституционализм и демократия изначально не только не совпадают, но в ряде случаев конфликтуют друг с другом. Так, почти все современные государства имеют собственные конституции, но не все из них носят демократический характер. По разным оценкам, в мире насчитывается примерно 70 демократических стран. Российская Федерация, обладая более чем 200-летним опытом участия в конституционном процессе, не входит в число демократий. Как правило, нашу страну не причисляют к демократическим ввиду несоответствия её политической системы принципу верховенства права, чрезмерной подконтрольности СМИ государству, констатации фактов серьёзного нарушения прав человека, отсутствия политической оппозиции и независимого правосудия. Поэтому наличие конституции, даже закрепляющей основы демократического строя, само по себе не гарантирует гармонии конституционализма и демократии. Кроме того, конституции, в том числе демократических государств, не всегда конкретизируют порядок принятия публично-властных решений, вследствие чего решения большинства электората на практике оказываются итогом волеизъявления меньшинства, а при множестве альтернатив, по которым голосуют граждане, при агрегировании голосов возможны парадоксальные результаты [2].

Принципиальная особенность современного конституционализма — его элитизм, выражающийся в настороженном отношении к господству демоса. С момента принятия первых конституций и до настоящего времени, вопреки оценке сути демократии Авраамом Линкольном, конституционализм скептически оценивает возможности народа. Принцип народного суверенитета в нём воспринимается, скорее, в качестве важнейшей юридической фикции, которая успешно позволя-

ет легитимировать решения народных представителей. На эту особенность народного представительства обращают внимание современные зарубежные исследователи. Например, французский юрист и политолог Макс Гунель показал, что представительное правление, сформировавшееся в странах Европы и Америки после Французской революции, было выработано не только с целью замены сословных представительских учреждений монархических режимов, но и для удержания народных масс на периферии политической системы [3, с. 89–97]. Поэтому опосредованное правление народа через представителей достаточно редко дополняется такими институтами, как референдум, народная законодательная инициатива, отзыв депутатов и выборных должностных лиц. Даже в случае закрепления в конституции реализовать эти институты чрезвычайно трудно. В силу того обстоятельства, что граждане подвержены кампаниям политических партий и зачастую принимают решения с окраской ксенофобии либо под влиянием вековых обычаев и традиций, “в конституционализме присутствует известное элитное сознание”, подчеркивает известный венгерский специалист по проблемам современного конституционализма Андреаш Шайо [4, с. 75].

Это обусловило определённый успех концепции элитарной демократии, обычно ассоциируемой с именем известного австрийского и американского экономиста и социолога Йозефа Шумпетера и получившей развитие в трудах американского политолога Аренда Лейпхарта и других учёных. Согласно её положениям, демократия есть ответственное правление элит, придерживающихся конституционных принципов и правил. Роль граждан при этом состоит в выборе между элитами. Решения большинства электората, принимаемые путём голосования на выборах, в пользу той или иной элиты, за которой стоят группы интересов, служат основной формой гражданского участия в политике и освобождают граждан от необходимости постоянного содействия в реализации публично-правовых проблем. Отмечу, что обозначенный концепт долгое время казался вполне обоснованным. Примером может служить вестминстерская система парламентской демократии в Великобритании, а также организация системы государственной власти в США на федеральном уровне. Если предположить, что элиты придерживаются основных принципов демократии, то её институты функционируют достаточно успешно и без активного участия граждан в делах государства.

Однако к концу XX — началу XXI столетия стало очевидно, что элитное сознание, свойственное конституционализму, имеет свои издержки. Исследователи в разных странах мира отмечают достаточно опасные тенденции развития системы

власти и управления даже в государствах с традиционно высоким уровнем развития демократии. Показательна книга американского политолога и публициста Кристофера Леша “Восстание элит и предательство демократии”, в которой показано, что централизованная государственная бюрократия в США перестала признавать обоюдные обязанности между немногими избранными и массой. Она изыла себя из общей жизни, переориентировалась на частный сектор и исключила из центра своего внимания публичные услуги [5, с. 39, 40]. Руководствуясь тем, что демократия означает только либеральные установления, элита взяла за правило обходиться без любых значимых форм гражданского участия в политике. В итоге общество столкнулось с двойственностью норм и правил: одних — для элиты, других — для граждан, что предполагает гражданство двух сортов и неприемлемо для демократии. Аналогично характеризуются состояние демократии в работе британского социолога Коллина Крауча “Пост-демократия”. Учёным показано слияние правящих элит с бизнес-корпорациями и забвение ими публично-правовых проблем, в связи с чем наблюдается процесс отмирания концепции государственных услуг. Данные выводы находят подтверждение и в исследовании партийных систем стран развитой демократии, проведённом ирландским профессором сравнительной политологии Питером Майром: политические партии всё больше уклоняются от гражданского общества и становятся элементом системы государственного управления, а не выразителями интересов различных слоёв общества. В свою очередь, граждане сторонятся партий, в результате чего в системе государственного механизма партии “управляют пустотой” [6, с. 125–136].

Отмеченные негативные процессы не могли не внести диссонанс в функционирование целостной системы институтов демократии. Во-первых, встал вопрос о фактической демократичности политических систем стран развитой демократии. На это в числе первых обратил внимание один из основоположников либерализма Фридрих фон Хайек. По его словам, сказанным в начале 1970-х годов, понятие демократии стало своего рода фетишем, за которым нет определённого содержания [7, с. 262, 263]. Исследования последних лет, упомянутые в статье, не только не опровергли, но и усугубили данные выводы. Во-вторых, произошедшая элитизация демократических обществ стала существенной помехой для решения назревших проблем по защите окружающей среды, охране здоровья населения, борьбе с бедностью, социальному обеспечению граждан, использованию генно-модифицированных продуктов и новейших биотехнологий, размещению опасных производств. В последние годы к обозначенным трудностям добавился миграционный

кризис, остро обнаживший вопросы безопасности граждан и одновременно нарушения прав человека со стороны государства — его вмешательства в частную жизнь, попытки установить контроль над телефонными разговорами, электронной перепиской и т.д. В большинстве западноевропейских стран задумались над тем, что важнее: права человека или безопасность? В современных обществах появилась реальная угроза демократической государственности. Превентивное государство (preventive state), стремящееся реагировать на возникающие вызовы путём тотального контроля над частной жизнью, в перспективе грозило перерастать в государство-надзирателя (supervisory state), что противоречит основам демократического устройства и современным представлениям о правах человека [8, 17–20].

Проблемы, о которых шла речь, проявили два важных недостатка демократии в современном конституционализме: ограниченное внимание вопросам открытости власти и отсутствие эффективных способов взаимодействия власти и общества.

ОТКРЫТОСТЬ ВЛАСТИ – ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИИ И КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

Элитизация власти означает не что иное, как её закрытость для общества и, соответственно, неподконтрольность гражданскому обществу. До настоящего времени актуальным остаётся афоризм выдающегося итальянского политического теоретика Данило Дзоло: “Открытость власти — невыполненное обещание демократии” [9, с. 189]. Как показал Дзоло, отстранённость граждан от процесса законодательного регулирования отношений по вопросам формирования и исполнения бюджета, финансовых и налоговых отношений, сферы взаимодействия власти и средств массовой информации создаёт предпосылки возникновения “невидимой” системы государственного управления экономикой и массовыми коммуникациями. Её наличие позволяет утверждать о функционировании незаметной для общества “второй власти”, допускающей манипулирование информацией, негласное финансирование политических партий и коррупцию [там же, с. 190].

Закрытость власти влечёт издержки современного демократического правления. В периоды спокойного развития общества граждане не склонны доверять органам государственной власти, полагаясь на самих себя. Опросы общественного мнения показывают традиционно низкий уровень доверия органам государственной власти, средствам массовой информации и общественным организациям в странах развитой демократии — Великобритании, Германии, США, Франции и Японии [10, с. 38, 40, 41]. В случаях

кризисных ситуаций, когда власти вынуждены принимать непопулярные решения, они пытаются возложить публичную ответственность на членов парламентов и правительств. В демократических обществах это выражается в пикетировании зданий, в которых размещаются органы власти, проведении митингов против повестки дня пленарных заседаний парламентов, а в крайних случаях — в захватах зданий и помещений парламентов и правительств. Однако до конца XX столетия сложившаяся ситуация не вызывала особого беспокойства политиков и теоретиков права. Но в начале XXI в. проблема открытости власти всё чаще обсуждается в научной литературе и на общественных форумах.

Это связано с неоднозначными тенденциями развития властных отношений в современном мире, где повсеместно происходит усложнение всех сфер жизни общества, что влечёт профессионализацию деятельности органов государственной власти, в том числе исполнительной, парламентов и судов. Но, возникает определённый парадокс: такие демократические институты, как парламент, всё более нуждаются в специалистах — учёных, экспертах, советниках. Основная же масса граждан отстранена от участия в парламентской деятельности, что противоречит основному принципу демократии, согласно которому в принятии публично-властных решений могут участвовать все. В своём предельном воплощении данный парадокс означает, что демократические институты трансформируются в институты меритократические, построенные на принципе принятия решений наиболее компетентными, “заслуженными” или “лучшими” слоями общества [5]. Но утопичность меритократических идей известна со времён Платона и итальянского Возрождения. В связи с этим растёт понимание значимости связей органов власти всех уровней с гражданским обществом и его институтами, осознание ущербности осуществления публичной власти без гражданского контроля и взаимодействия с институтами гражданского общества. Общемировым трендом становятся идеи “открытого государства”, “открытого правительства”, “открытого региона”, “открытого парламента”. С начала XXI столетия идея открытости власти всё очевиднее воспринимается как важнейшая предпосылка развития демократии. В течение последнего десятилетия во многих странах мира, включая Россию, предпринимаются шаги по её нормативному закреплению на уровне национальных правовых систем. Открытость власти постепенно начинает восприниматься как важнейшая ценность современного конституционализма. Можно предположить, что эта фундаментальная идея в ближайшее время в явном виде будет закреплена в новейших конституциях. Свидетельство тому — ряд статей нереализованного проекта Конституции

Европейского Союза [11], специально посвящённых открытому принятию публично-властных решений (ст. I—46), информированию общества и постоянному диалогу с представительными объединениями и гражданским обществом (ст. I—47), прозрачному функционированию институтов, органов, учреждений и агентств Союза (ст. I—50).

Идея открытости власти в современном конституционализме получила развитие и на доктринальном уровне. Большой вклад в разработку и совершенствование основных параметров такой доктрины внесли неправительственные организации, экспертные сообщества и правительства демократических стран. В частности, ими осуществляется выработка доктрины открытого парламента — научной теории организации и деятельности законодательной (представительной) власти, основанной на идеях информированности гражданского общества о парламентской деятельности и участия граждан в формировании этой власти. В наиболее рафинированном виде данная доктрина представлена в Декларации парламентской открытости, поддержанной в июле 2012 г. на конференции парламентских организаций более 50 странами мира [12]. Её ключевые положения направлены на развитие и закрепление в конституционном законодательстве стран современного мира норм, обеспечивающих распространение культуры открытости, прозрачность информации, лёгкую доступность информации о деятельности органов власти и её анализ, электронный доступ к информационным источникам. Сейчас работа общественности и правительств с целью обеспечения открытости власти включает и иные направления, в том числе выработку правовых механизмов функционирования электронного правительства и электронного участия граждан в осуществлении публичной власти. Можно отметить ряд успехов Российской Федерации в этой области. Так, в 2018 г. Россия заняла 32 место среди 193 стран в индексе развития электронного правительства (E-Government Development Index), поддерживаемом Департаментом экономического и социального развития ООН [13, с. 89].

ЭФФЕКТИВНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: СТРАТЕГИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКУРСА

Открытость власти предполагает не только доступность сведений о механизмах властных отношений, но и эффективное гражданское участие в осуществлении публичной власти. Поэтому с конца XX столетия в современном мире наблюдается повышенное внимание к созданию оптимальной модели гражданского участия в принятии публично-властных решений. Теория гражданского участия в политике и правотворческая

практика претерпевают существенные изменения. Основной их тренд – возрастание интереса к концепции делиберативной демократии, развитой, в частности, в трудах немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса. Понимание значимости хабермасовских идей, особенно положений о рациональной коммуникации, возросло настолько, что можно констатировать начало глубинных перемен в аксиологии самой демократии. Как сущностный атрибут демократии рассматривается рациональный коммуникативный дискурс, и, соответственно, в качестве перспективной формы участия в осуществлении публичной власти всё чаще выступает коммуникация, а не голосование. При этом она должна отвечать ряду требований, по которым обсуждение общественно значимых вопросов может быть квалифицировано в качестве делиберативного процесса. К ним можно отнести добровольность, равноправие и конструктивный диалог участников обсуждения, глубокое понимание существа обсуждаемых вопросов, готовность к консенсусу, в том числе с учётом экспертных оценок и показаний свидетелей, их стремление к артикуляции интересов граждан. Новый подход к демократии означает возложение ответственности за происходящие в обществе процессы не только на органы власти, сформированные при прямом или косвенном участии избирателей, но и на самих граждан и институты гражданского общества, взаимодействующие с органами власти на разных уровнях [14]. Показательно, что этот подход находит отклик у современных законодателей. Его ярким проявлением стал Австралийский акт о правах человека (парламентском контроле) – Australian Human Rights (Parliamentary Scrutiny) Act, принятый в 2011 г.

В современном конституционализме данная тенденция находит выражение в поддержке новых форм демократии – так называемых мини-публик, представляющих собой альтернативу традиционным и недостаточно эффективным формам, известным в практике конституционализма XX столетия как обсуждение законопроектов гражданами, публичные и общественные слушания, участие представителей гражданского общества в совещательных органах.

Прообразом новых форм участия граждан в осуществлении публичной власти стали суды присяжных (juries). Решающую роль при этом сыграли три важных обстоятельства.

Во-первых, суды присяжных, как отмечал в середине XIX в. Алексис де Токвиль, в повседневной деятельности начинают олицетворять идею справедливости и воплощать “одну из форм суверенной власти народа” [15, с. 211, 212]. Столетие спустя подобные идеи были высказаны лордом Дэвлиным, отмечавшим, что коллегии присяж-

ных “являются более чем инструментом правосудия и более чем одним колесом конституции”. По существу, “каждое жюри есть маленький парламент” [16, с. 164].

Во-вторых, опыт работы судов присяжных свидетельствует о том, что небольшие по составу коллегии граждан, сформированные на основе случайной выборки, в состоянии выносить обоснованные публично-правовые решения. Несмотря на постоянную критику и упреки в некомпетентности, законодатели в большинстве стран общего права, а особенно в США, оценивают суды присяжных как важнейшее достояние конституционализма [17].

В-третьих, в 1970-е годы федеральный законодатель США и законодатели штатов стали обращать пристальное внимание на порядок формирования коллегий присяжных. Актом об отборе присяжных и исполнении ими обязанностей от 1968 г. (The United States Jury Selection and Service Act of 1968, or “Jury Act,” 28 U.S.C. § 1861) в федеральных судах США ввели новую систему отбора присяжных, в основу которой была положен идеал справедливого поперечного среза общества. К разбирательству дел в судах, таким образом, стали привлекаться представители различных рас, религий, полов и этнических групп. С 1975 г. Верховным судом США идеал справедливого поперечного среза общества был распространён на суды штатов. Суд постановил, что гарантией беспристрастного разбирательства должен служить состав коллегий присяжных – своего рода микрокосм локального сообщества [18, с. 99].

Описанные шаги федерального законодателя США в значительной мере совпали с появлением и развитием теоретических идей о механизмах участия граждан в осуществлении публичной власти. Важнейшая из них – идея “внимательной публики” (attentive public), выдвинутая в 1950 г. Габриелем Алмондом. Она стала исходным посылом известных разработок Роберта Даля, в которых обосновывается возможность эффективного гражданского участия через “мини-народ” (mini-public). “Эффективность процесса постепенного приближения к демократии, – отмечал Роберт Даль, – не требует того, чтобы каждый гражданин был информирован и политически активен по поводу любой важной проблемы. ...Взамен этого потребуются наличие критической массы хорошо информированных граждан, достаточно большой и активной для того, чтобы контролировать политический процесс” [19, с. 516]. Тем самым американский политолог одним из первых заложил основы современных представлений о делиберативных мини-публиках (deliberative mini-publics) – компетентных и информированных группах граждан, участвующих в процессе принятия публично-властных решений, как правило, форми-

руемых по жребию и отражающих поперечное сечение общества.

Отмеченные теоретические наработки нашли практическое применение в экспериментах по созданию делиберативных мини-публик, начатых в 1970-х годах почти одновременно в США и Германии. В 1972 г. германский профессор социологии Питер Динель предложил так называемые ячейки планирования (die Planungszelle) в составе 20–25 граждан для решения проблем взаимодействия между обществом и властью. В 1974 г. Джефферсон-центр (Jefferson Center), основанный Недом Кросби в штате Миннесота, провёл первые эксперименты по организации небольших по численности жюри граждан в составе 16–23 человек для обсуждения острых социальных проблем. Практические эксперименты Динеля и Кросби послужили основой для выработки иных форм мини-публик, таких как немногочисленные (10–15 человек) консенсусные конференции, а в последнее десятилетие – более укрупнённые (от 50 до 950 человек) и представительные коллегии: ассамблеи граждан (Citizens' Assemblies), парламенты граждан (Citizens' Parliaments) и национальные ассамблеи (National Assemblies) [20–23]. Их организация и деятельность основана на следующих принципах:

- работа мини-публик обеспечивается независимыми неправительственными организациями, которые осуществляют отбор участников обсуждения, снабжают их необходимой справочной информацией, привлекают экспертов-докладчиков и представителей групп интересов для всестороннего информирования, изыскивают источники финансирования проектов; организаторы проекта стремятся создать все условия для глубокого и свободного от внешнего влияния обсуждения проблем;
- проекты финансируются спонсорами – отдельными гражданами либо некоммерческими организациями, корпорациями, правительственными агентствами, органами власти, медиа-холдингами или совместно теми и другими;
- выбор граждан для участия в обсуждении проекта осуществляется из числа добровольцев на основе жеребьёвки; мини-публики должны служить микрокосмом большого гражданского коллектива, от имени которого организуется обсуждение;
- каждый проект уникален во избежание профессионализации граждан, участвующих в обсуждениях; один состав граждан отбирается для обсуждения одного или нескольких вопросов в рамках только одного проекта, после чего распускается;
- обсуждение проблем в рамках одного проекта длится, как правило, от трёх до шести дней в зависимости от сферы обсуждаемых общественных

отношений и сложности проблем и идёт в режиме диалога;

- граждане, участвующие в обсуждении, не получают за свой труд денежное вознаграждение, в то же время, как и в судах присяжных, для них предусмотрены небольшие компенсации за проезд, проживание, питание, освобождение от основной работы;
- цель каждого проекта заключается во всестороннем, содержательном обсуждении публично значимого вопроса с тем, чтобы лица, принимающие решения, знали, что на этот счёт думают люди, когда у них появляется возможность изучить проблему.

В Австралии, Аргентине, Бразилии, Великобритании, Германии, Дании, Ирландии, Исландии, США, Южной Корее и других странах органы власти с участием мини-публик накопили богатый опыт принятия публично-властных решений. Взаимодействуя с властью, граждане рассматривают и принимают рекомендательные решения по разнообразным и сложным общественно значимым вопросам. Ячейки планирования, например, обсуждали проблемы “телефона будущего”, анализировали варианты энергетической политики в Германии, планы развития микрорайонов в больших городах, направления потребительской политики, решали, как тестировать новые продукты. Жюри граждан участвовало в выработке стратегии развития экономики, оценивало влияние сельского хозяйства на качество воды, обсуждало эвтаназию, налогообложение имущества, строительство жилья для малоимущих. Они также занимались охраной здоровья населения, благополучием местных сообществ, формированием бюджета, молодежной политикой. Впечатляет опыт работы ассамблей и парламента граждан в Австралии. Так, в 2009 г. парламент граждан, сформированный по инициативе австралийского парламента из 150 человек, обсудил проблемы совершенствования демократии в стране и подготовил соответствующий доклад с рекомендациями. В 2017 г. ассамблея граждан (так называемое “ядерное жюри”) в составе сначала 50, а затем 350 человек, созданная правительством штата Южная Австралия, обсудила вопрос о целесообразности строительства высокотехнологичного хранилища отработанного ядерного топлива. Важнейшие стороны жизни общества рассматривались с участием мини-публик в Ирландии и Исландии. В Ирландии в 2016–2017 гг. ассамблея граждан, инициированная парламентом, рассмотрела целесообразность отмены статьи Конституции, запрещающей аборт. И совсем беспрецедентный случай: в 2011 г. в Исландии сформированная парламентом национальная ассамблея, состоящая из 950 отобранных по жребию граждан, выработала ключевые положения новой Конституции страны.

В Российской Федерации также наметилась трансформация представлений о формах гражданского участия в публичной власти. В формате жюри граждан у нас реализуются проекты “инициативного” или “партиципаторного” бюджетирования, то есть рассматриваются направления расходования выделенных частей муниципальных бюджетов (пока в размере приблизительно 2% бюджета). К началу 2018 г. в стране было реализовано около 5000 подобных проектов, в рамках которых сами граждане определяли приоритеты расходов. Как правило, это обустройство детских площадок, мест захоронений, создание библиотек, строительство водопроводов [22].

Обращает на себя внимание тот факт, что органы власти, инициирующие созыв мини-публик, ставят во главу угла принцип доверия гражданам. Неслучайно многие рекомендации граждан легли в основу принятых властями решений. В частности, правительство штата Южная Австралия на основании вердикта “ядерного жюри” остановило дорогостоящий проект по строительству хранилища отходов ядерного производства, несмотря на сильнейшее давление энергетических компаний и производителей ядерного топлива. В свою очередь, парламент Ирландии, следуя рекомендации граждан, вынес на референдум вопрос об отмене 8-й статьи Конституции страны. В 2018 г. по итогам всеобщего голосования было принято решение, отменяющее запрет на аборты. Правительство страны опасалось самостоятельно принимать его в течение десятилетий.

За последние годы обозначилась очевидная тенденция: мини-публики постепенно становятся квазипарламентами – подобием парламентских ассамблей. От последних их отличает неприятие института выборов как ведущего способа формирования представительных органов и замена его жребием. Преимущество таких гражданских ассамблей состоит в относительной независимости от органов власти, для которых они вырабатывают свои рекомендации, и электората, как правило, подверженного влиянию политических партий и групп интересов. Это означает, что участники делиберативного процесса работают, руководствуясь интересами общего блага, а не изолированных от общества элит и связанных с ними групп. Кроме того, участие в работе мини-публик – хорошая школа гражданственности. Способы формирования, основанные на идеале справедливого поперечного среза общества, позволяют рассматривать их как трансляторы мнений и интересов граждан, связующее звено общества и власти. Важное преимущество мини-публик – применимость практически на всех уровнях организации власти. Так как обсуждение назревших проблем всегда ведётся группой непривилегированных граждан, отобранных по жребию, работа мини-публик открывает пер-

спективы восстановления доверия к институтам демократии и в определённой мере делает понятным процитированный афоризм Авраама Линкольна о сути демократического правления.

В то же время описанное функционирование форм мини-публик не может служить обоснованием для непрекращающихся усилий по выработке демократических институтов, заменяющих выборные и иные органы власти [24, 25]. При всём многообразии очевидна ограниченность круга вопросов, которые эти ассамблеи могут решать. В частности, имеются препятствия для реализации межрегиональных проблем, урегулирования межнациональных, этноконфессиональных отношений и разного рода конфликтов. В формате работы гражданских ассамблей практически невозможна организация непрерывного законодательного процесса. Помимо этого, они не подготовлены ни избирателям, ни органам власти, для которых вырабатывают предложения. Налицо и косвенная зависимость мини-публик от самих органов власти: без их заказа самоорганизация граждан во многом теряет свою значимость, так как выработанные рекомендации не имеют конкретного адресата. Поскольку работа мини-публик зависит от заказов, намечается очевидный крен в сторону их коммодификации: гражданские ассамблеи становятся значимым товаром на рынке [26].

Представляется, что проекты о грядущем демократическом порядке без выборов и парламентов при всей их привлекательности и убедительности пополняют копилку примеров “демократического экстремизма” [27, с. 117–134]. Гражданские ассамблеи в перспективе будут выполнять роль достаточно эффективных и разумно организованных собраний граждан, обеспечивающих компетентное участие избирателей в решении сложных публично-правовых вопросов. Но и сейчас, и в дальнейшем они будут субсидиарными формами существующих систем представительства.

* * *

Происходящие в мире процессы свидетельствуют о возрастании интереса правительств и общественности к поиску перспектив развития демократии и преодолению кризисных явлений, свойственных представительному правлению. Основные тренды на этом пути в современном конституционализме, как следует из тезисов статьи, определяют усилия по созданию и закреплению конституционных механизмов открытости власти и взаимосвязанного процесса выработки эффективных форм гражданского участия в осуществлении публичной власти. Что касается Российской Федерации, то её политическая система не игнорирует отмеченные тенденции, хотя и со-

храняет свою авторитарность. Наличие законодательных норм, гарантирующих открытость власти и компетентное гражданское участие, а также опыт внедрения новых демократических институтов на разных уровнях организации власти в стране вселяют надежду на то, что эти элементы демократии будут развиваться и окажут существенное влияние на будущую политическую систему России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abraham Lincoln. The Gettysburg Address. November 19, 1863. <http://www.abrahamlincolnonline.org/lincoln/speeches/gettysburg.htm>
2. Лейн Я.-Э. Демократия и конституционализм // Полис. Политические исследования. 1998. № 6. С. 32–49.
3. Гунель М. Введение в публичное право. Институты. Основы. Источники. М.: ИнтраТЭК-Р, 1995.
4. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М.: Юрист, 2001.
5. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / Пер. Дж. Смити, К. Голубович. М.: Логос; Прогресс. 2010.
6. Майр П. Управляя пустотой. Размывание западной демократии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
7. Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политик / Пер. Б. Пинскера, А. Кустарева. М.: ИРИСЭН, 2006.
8. Баум Г. Спасти права граждан. Свобода или опасность: полемические заметки. М.: Сектор; Фонд Фридриха Науманна, 2015.
9. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2010.
10. 2019 Edelman Trust Barometer. Global Report. Edelman Trust Barometer. Annual Global Study: Edelman, 2019. https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf (дата обращения 20.01.2020).
11. Treaty establishing a Constitution for Europe // Official Journal of the European Union on 16 December 2004 (C series, № 310).
12. Declaration of Parliamentary Openness. July 31, 2012. <https://www.openingparliament.org/declaration/> (дата обращения 08.11.2019)
13. United Nations e-Government Survey 2018. N.Y., 2018.
14. Кэмпбелл Т. Права человека: демократический путь // Правоведение. 2013. № 6. С. 17–34.
15. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.
16. Devlin P. Trial by Jury. London: Stevens & Sons Limited, 1956.
17. Landsman S. The Civil Jury in America // Law and Contemporary Problems. 1999. V. 62. № 2. P. 285–287.
18. Abramsson J. We, the jury: the jury system and the ideal of democracy: with a new preface. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2000.
19. Даль Р. Демократия и её критики / Под ред. М.В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2003.
20. Escobar O., Elstub S. Forms of Mini-publics: An introduction to deliberative innovations in democratic practice // newDEMOCRACY. 2017. https://www.newdemocracy.com.au/docs/research-notes/2017_May/nDF_RN_20170508_FormsOfMiniPublics.pdf (дата обращения 21.10.2019).
21. Руденко В.Н. Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 97–125.
22. Шульга И.Е., Вагин В.В., Хачатрян Г.Н. и др. Инициативное бюджетирование. Российский опыт в области участия граждан в решении вопросов местного значения. М.: Алекс, 2017.
23. *Deliberative Mini-Publics. Involving Citizens in the Democratic Process* / Edited by K. Grönlund, A. Bächtiger, M. Setälä. Colchester, UK: ECPR Press, 2014.
24. Burnheim J. Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics. London: Polity Press, 1985.
25. Рейбрук Д. Против выборов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
26. Hadjimichael M., Delaney A.E. Forming perceptions and the limits to public participation on ocean commons: evidence from a citizens jury workshop // International Journal of the Commons. 2017. V. 11. № 1. P. 200–219.
27. Lucardie P. Democratic Extremism in Theory and Practice: All Power to the People. London; N.Y.: Taylor & Francis Group, 2016.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2020 г. Ю. А. Петров

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: dir_iri_ran@mail.ru

Поступила в редакцию 16.12.2019 г.

После доработки 16.12.2019 г.

Принята к публикации 10.01.2020 г.

В последние десятилетия в российском обществе неизмеримо вырос интерес к исторической науке. Во-первых, потому, что в эпоху глобальных разломов именно в прошлом человек пытается обрести психологическую опору и тем самым восстановить связь времён. Во-вторых, с появлением на пространстве бывшего СССР новых государств их политические элиты начали именно в истории вести поиск инструментов своей легитимации, зачастую представляя Россию в роли оккупанта и агрессора, замалчивая преимущества, полученные этими народами за столетия пребывания в составе единого государства. В докладе дан ответ на вопрос, как профессиональное сообщество историков нашей страны, опираясь на архивные документы, научную, достоверную интерпретацию прошлого, противостоит лжетеориям и попыткам пересмотра, казалось бы, устоявшихся исторических фактов.

Ключевые слова: историческая память, национальная идентичность, историческая наука, преемственность, деформация исторической памяти.

DOI: 10.31857/S0869587320030147

Историческая память — это совокупность ценностных ориентаций и действий, предпринимаемых социумом для реконструкции своего прошлого. Эти представления подтверждают коллективную идентичность членов общества и символически утверждают их единство благодаря созданию общей истории. Историческая память нации, сохраняемая в разных формах (научное знание, семейная история, народные предания и др.), играет ключевую роль в формировании человека как гражданина своей страны.

ПЕТРОВ Юрий Александрович — доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в качестве первоочередной ставит задачу формирования единой гражданской нации — русского народа, основой идентичности которого наряду с единым языком и общим культурным кодом служит историческая память, осознание принадлежности к истории и культуре Российского государства.

Понятие “русский” имеет этнический смысл, в то время как “российский” соотносится с государством, где проживают не только русские, но и многие другие народы. Вместе с тем восприятие российской идентичности означает признание основополагающей роли, которая принадлежит русскому народу, русскому языку, русской культуре в формировании российской общности. Российская самоидентификация не противоречит и не вытесняет иные идентичности гражданина, прежде всего собственно этническую, поскольку государство в России возникло и продолжает развиваться как многонациональное, в отличие от мононациональных государств Западной Европы.

Каковы же каналы коммуникации между академической наукой и коллективной исторической памятью и эффективность воздействия научного знания на общество? Конечно, проблема исторической памяти — предмет междисциплинарного исследования, этим вопросом активно занимаются философы, социологи, психологи и другие специалисты. Однако приоритетная роль здесь отводится исторической науке, поскольку в последние десятилетия интерес к ней в российском обществе вырос неизмеримо. Не в последнюю очередь потому, что человек в эпоху глобальных разломов именно в прошлом пытается обрести психологическую опору и тем самым восстановить связь времён. На этом внимании общества к истории спекулируют многочисленные создатели псевдоисторий, которые оправдывают появление своих сочинений стремлением найти “утаённую правду”, разрушить заговор профессиональных историков, якобы скрывающих от общества важные свидетельства прошлого.

Кроме того, интерес к исторической тематике обусловлен появлением на пространстве бывшего СССР новых государств, политические элиты которых в истории ведут поиск инструментов своей легитимации, зачастую представляя Россию в роли оккупанта и агрессора, замалчивая преимущества, полученные этими народами за столетия пребывания в составе единого государства. Националистическая в своей основе, эта тенденция проявляется и в ряде регионов Российской Федерации, где “титовая нация” порой искусственно преувеличивает свои заслуги в истории края в противовес “пришлому” населению. Эти небезобидные состязания подогревают националистические споры о древности, особых достоинствах народов, опасные для единства страны.

Как противостоять этому паразитированию на исторической тематике? Прежде всего необходима новая “История России с древнейших времён до современности”. С инициативой создания такого многотомного издания выступил Институт российской истории РАН, и работа над проектом энергично идёт по всем томам. Это должно быть качественно новое исследование, подготовленное с учётом всей имеющейся, в том числе новейшей, историографии, в максимально возможной степени основанное на архивных документах. Именно научная, достоверная интерпретация истории, ведущая не к конфронтации населяющих страну народов, а к их консолидации на основе общего исторического прошлого, — важнейшая задача профессионального сообщества историков России.

Проблема формирования исторической памяти у молодого поколения — это процесс, включа-

ющий как социальные и экономические условия, идеологию и образование, так и общее отношение к истории своей страны. Главная задача науки в этом вопросе — систематическое и достоверное освещение исторических фактов на страницах школьных учебников, направленное не к дистанцированию от советского прошлого, как это было в 1990-е годы, но к подчёркиванию преемственности всех периодов истории российской и советской государственности.

В рамках исполнения поручения Президента РФ под эгидой Российского исторического общества была проведена большая работа по обновлению школьного курса российской истории, создана единая матрица преподавания (историко-культурный стандарт), на её основе подготовлены и выпущены три линейки учебников и книги для учителей, в которых отражены современные достижения исторической науки. Работа над учебниками стала важной вехой на пути формирования исторического сознания новых поколений россиян.

Серьёзным фактором деформации исторической памяти стала активизация в начале XXI в. в странах Восточной Европы исторической политики, главной мишенью которой является Россия. В большинстве этих стран роль пострадавших оказалась зарезервирована для титульной нации, а трактовка истории сфокусировалась на страданиях от коммунистического угнетения. Причём коммунизм представляется как сугубо внешнее, “московское” зло. Восточная модель, сфокусированная на собственной мартирологии и мотиве экзистенциальной угрозы, в Польше и других странах бывшего советского блока одержала верх над западной, прежде всего германской, в которой главную роль играла тема собственной вины и ответственности. Ключевым элементом соответствующих нарративов стала Россия как источник угрозы.

В последние годы проблема исторической памяти как фактора национальной идентичности обострилась под влиянием политических событий на Украине, где история стала заложницей политики, направленной на разрушение нашего общего прошлого. Одна из актуальных и общественно значимых тем в современной отечественной и зарубежной историографии — голод в СССР 1932–1933 гг. Данная тема (“голодомор”), которую российские историки трактуют как общую трагедию народов СССР, политизирована антироссийскими силами на Украине и в других зарубежных странах и стала одним из проявлений русофобии в межгосударственных отношениях. Немногие учёные на Украине осмеливаются противостоять этому мутному потоку, среди них — иностранный член РАН, академик НАН Украины

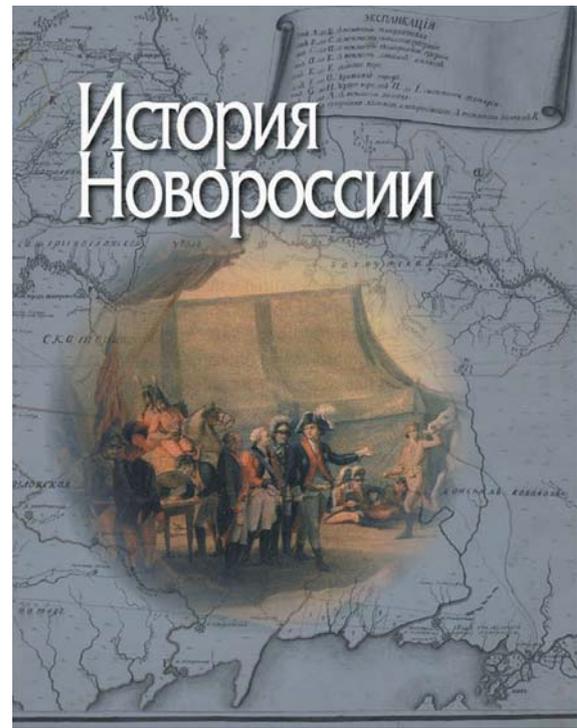

Двухтомник «История Крыма», вышедший в 2018 г., — всеобъемлющее научное издание, повествующее о многовековой истории полуострова

П.П. Толочко, который мужественно борется за сохранение научного подхода к изучению Древней Руси — общей колыбели русского, украинского и белорусского народов.

Российские историки активно откликаются на вызовы времени, разрабатывая темы, ставшие в эпицентре внимания современного общества. Так, Институтом российской истории РАН по поручению Президента РФ В.В. Путина реализован проект создания полномасштабной истории Крыма. Перед авторским коллективом стояла непростая задача написания первого обобщающего научного труда по истории Крымского полуострова с древнейших времён до современности на основе комплексного подхода, предполагающего использование достижений отечественной (дореволюционной, советской, постсоветской, современной) и зарубежной исторической науки, археологии, демографии, политологии и других смежных дисциплин. В книге впервые в историографии представлены все периоды истории края от первоначального заселения человеком до возвращения в состав России в 2014 г. [1].

Важнейшим событием в судьбе Крымского полуострова стало его вхождение в конце XVIII в. в состав Российской империи. С этого времени Крым и Россия связаны неразрывными экономическими, политическими и культурными узами. Характеризуя разные эпохи в истории полуострова, авторы стремились на основе имеющихся источников и литературы показать этнодемографический состав населения, экономику, социальные отношения, общественно-политическое развитие, духовную и материальную культуру жителей Крыма.

Коллективная монография «История Новороссии»

Коллективная монография «История Новороссии», подготовленная Институтом российской истории РАН, раскрывает историю края на протяжении нескольких веков, что позволяет понять корни его исторического и социокультурного своеобразия, степень и глубину связей с Россией. Книга стала ответом современной исторической науки на запрос общества, которое стремится понять суть происходящих на Донбассе событий [2].

Заметным явлением общественной жизни России стали такие юбилейные даты, как 100-летие Первой мировой войны и Великой российской революции 1917–1922 гг. «Забывтая война», как её называли в публицистике, благодаря громадному количеству введённых в научный оборот архивных документов, доступ к которым получили через интернет-порталы и обычные пользователи, стала частью общенациональной исторической памяти [3, 4].

Тема революции и гражданской войны относится к самым болезненным сегментам исторической памяти, на протяжении многих десятилетий её сопровождает деление в общественном дискурсе на «красных» и «белых». Благодаря усилиям отечественных учёных удалось преодолеть традиционную дихотомию в оценках («революция — локомотив истории» и «революция — абсолютное зло») и выйти на новый уровень осмысле-

Коллективная монография «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура», подготовленная Институтом российской истории РАН к 100-летию Великой российской революции 1917 г.

ния тех событий, которые привели к полному крушению России прежней, царской, но в то же время — к созданию нового, советского государства [5–7]. Роль исторической науки тем более важна, что в медиапространстве, а также отчасти в историографии анализ трагических событий подчас заменяется поиском таинственных злодеев в духе конспирологии.

Наиболее значимым достижением последних лет в изучении Гражданской войны стало введение в научный оборот огромного количества источников, которые пролили новый свет на события вековой давности. Впереди предстоит большая работа по созданию обобщающей научной истории войны.

В соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации о научно-исследовательском и издательском проекте «Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII–XVII веков» готовится серия публикаций документов отечественных архивов. Проект призван способствовать сохранению исторического наследия, расширить базу исследования российской государственности и культуры, истории народов, населяющих нашу страну.

Эпоха XIII–XVII столетий в сравнении с домонгольским периодом отличается как значительным ростом числа источников, известных и ранее (акты и законодательные памятники), так и появлением новых их видов, особенно в связи с формированием единого Российского государства в XIV–XV вв. Это духовные и договорные грамоты князей, писцовые, посольские, разрядные, родословные книги и росписи. Значительная часть этих документов опубликована. Тем не менее многие остаются

неизданными, а некоторые публикации ныне являются библиографической редкостью или не соответствуют современному уровню археологии. Серию открыла публикация так называемой Литовской метрики — важнейшего документального комплекса для изучения истории западных регионов [8, 9].

Новационным начинанием стал историко-просветительский проект ОАО «РЖД» «Исторический багаж», осуществляемый совместно с Институтом российской истории РАН и Российским историческим обществом. Замысел заключается в создании на вокзалах и станциях нашей страны музейно-выставочных комплексов, раскрывающих историю данного региона. Посетитель получит возможность почувствовать историко-культурное своеобразие края и одновременно его значение, вклад в историю страны. Задача проекта — рассказать об истории нашей страны через историю малых городов. Знание прошлого своего отечества — ключ к пониманию современности и к разгадке будущего. К 75-летию Великой Победы запланировано открытие музейно-выставочных комплексов в 20 городах-героях и городах воинской славы России, а также в белорусских городах-героях Минске и Бресте.

80-летие начала Второй мировой войны, прошедшее в 2019 г., и грядущее в 2020 г. 75-летие Победы ставят в повестку дня вопросы, которые до сих пор являются предметом ожесточенных дискуссий и представляют важный инструмент формирования российской идентичности. Ряд политических кругов Запада пытается изобразить СССР виновником Второй мировой войны, отождествить советский и нацистский режимы, принизить вклад нашей страны в разгром фашизма, представить освобождение стран Европы Красной армией как простую смену оккупационного режима. Очищение национальной исторической памяти от такого рода напластований и тем самым формирование российской идентичности на строго достоверной научной основе остаётся актуальной задачей отечественной исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Крыма. В 2-х томах / Отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2018.
2. История Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
3. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

4. Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. В 3-х томах / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2014.
5. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю.А. Петров. В 2-х томах. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
6. *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.
7. *Петров Ю.А.* Великая российская революция: проблемы исторической памяти // Вестник РАН. 2018. № 5. С. 393–395.
8. Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII–XVII вв. Т. 1–2. Акты, относящиеся к истории Западной России Вып. 1–2 / Сост. О.И. Хоруженко, А.А. Бондаренко и др. М.: Кучково поле, 2018.
9. Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII–XVII вв. Т. 3. Акты Покровского Суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII вв. / Сост. А.В. Антонов, А.В. Маштафаров. М.: Фонд “Связь эпох”, 2019.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

РУССКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2020 г. А. М. Молдован

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

E-mail: alexandr.moldovan@gmail.com

Поступила в редакцию 22.12.2019 г.

После доработки 22.12.2019 г.

Принята к публикации 15.01.2020 г.

Автор размышляет о месте русского языка в нынешней России и его распространении в мире, о значении фундаментальной русистики для развития науки и российского общества, деятельности Российской академии наук по поддержанию стабильности языковых норм и культуры русской речи. С одной стороны, научные исследования в области русского языка ориентированы на получение фундаментальных теоретических знаний, способствующих комплексному изучению человека и общества. С другой – существует социальный заказ, который формулируется обществом исходя из потребности документирования ресурсов языка и их приспособления к актуальным коммуникативным потребностям. Российская академия наук осуществляет экспертную оценку речевых инноваций и кодификации норм литературного языка в нормативных словарях, грамматиках, справочниках по культуре речи. Анализируется современное состояние исследований по русскому языку, особое внимание уделяется проблемам кодификации норм русской речи и связанных с ними задачам.

Ключевые слова: русский язык, русистика, государственный язык, язык межнационального общения, Российская академия наук, языковые нормы, нормализация, кодификация.

DOI: 10.31857/S0869587320030111

По данным авторитетного справочника “Ethnologue: Languages of the World”, общее количество носителей русского языка, использующих его в качестве родного или в качестве средства межнационального общения, составляет сегодня 258 млн. По этому параметру русский язык занимает 8 место в рейтинге языков мира¹.

Во многом это сравнительно высокое положение обеспечивается тем, что русский язык явля-

ется родным для значительной части населения во многих государствах на территории бывшего СССР и продолжает использоваться в этих странах как основное средство межнационального общения. Кроме того, сохранению престижа русского языка способствует тот факт, что он является одним из шести официальных рабочих языков ООН и некоторых её дочерних организаций, в частности ЮНЕСКО, а также ряда других международных организаций (ОБСЕ, СНГ, ШОС, ЕАЭС и др.). Несмотря на это, в последнее время наблюдается тенденция к заметному сужению сферы ис-

МОЛДОВАН Александр Михайлович – академик РАН, научный руководитель ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН.

¹ www.ethnologue.com/guides/ethnologue200. Нужно заметить, что языки, занимающие в этом рейтинге позиции с 5-й (французский – 280 млн) по 9-ю (португальский – 234 млн), различаются по числу носителей незначительно. Учитывая несовершенство методологии сбора такой информации (например, дискуссионным остаётся вопрос об определении степени владения языком), можно при желании считать, что русский язык по количеству носителей находится на 5-м месте в мире (см. “Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом”, утв. 03.11.2015 N Пр-2283).

пользования русского языка в мире, в том числе, что особенно огорчает, в славянских странах.

Как известно, Россия — полиэтническое государство, в котором проживают более 100 коренных народов и представлено более 150 языков. Русский язык — государственный на всей территории Российской Федерации. Устойчивость его использования в качестве межнационального во многом объясняется тем, что значительную часть населения республик, входящих в состав Российской Федерации, составляют русские.

Говоря о мировом значении и распространении русского языка, нужно учитывать, что, помимо экономических и политических факторов, на которые обычно ориентируются осваивающие иностранный язык, важным стимулом к изучению русского языка является его *высокая культурная репутация*. Русский язык — один из наиболее совершенных языков мира, язык с богатейшей письменностью, с великой литературой, которая вывела его в число наиболее авторитетных и изучаемых в мире. Именно русская классическая литература связала с русским языком представления о выдающихся достижениях человечества в поиске духовных ценностей. Когда мы рассуждаем о российской идентичности, о русском языке как объединяющем элементе этой идентичности, мы имеем в виду в первую очередь запечатлённый в нём мощный нравственный, гуманистический потенциал, накопленный русской литературой.

Именно поэтому огромное значение имеет работа над научными изданиями трудов классиков русской литературы, которая ведётся в Российской академии наук и в последние годы отмечена новыми успехами. Только за минувшие несколько лет нашими институтами были созданы образцовые академические издания М.Ю. Лермонтова, А.К. Толстого, Д.И. Писарева, С.А. Есенина и В.В. Хлебникова, сейчас издаются собрания сочинений А.П. Сумарокова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Аксакова, Л.Н. Толстого, А.А. Фета, Л.Н. Андреева, А.А. Блока, А.М. Горького, В.В. Маяковского, А.М. Ремизова, А.П. Платонова, соответствующие требованиям современной филологической науки.

Престиж русского языка и интерес к его изучению во многом обеспечивается авторитетом отечественной науки. Сегодня, несмотря на тяжелейшие условия, в которых она существует, русский научный язык всё ещё остаётся влиятельным в мире. О признании важности русской культуры и русской науки в мире говорит тот факт, что, согласно электронной базе данных “Index Translationum”, русский язык находится на 4 месте среди языков

мира, с которых чаще всего делаются переводы на другие языки².

В русской гуманитарной традиции авторитет Академии наук имеет решающее значение для поддержания в обществе *стабильности языковых норм и культуры русской речи*. Поэтому академическая деятельность в области русского языка двупланова. С одной стороны, научные исследования ориентированы на получение фундаментальных теоретических знаний, способствующих комплексному изучению человека и общества. С другой — существует социальный заказ, который формулируется обществом исходя из потребности документирования ресурсов языка и их приспособления к актуальным коммуникативным задачам. Здесь речь идёт прежде всего об экспертной оценке Российской академией наук речевых инноваций и кодификации норм литературного языка в нормативных словарях, грамматиках, справочниках по культуре речи. Именно этого в первую очередь ждут наши сограждане от лингвистов. Поскольку нормализация языка осуществляется с позиций сохранения традиций и преемственности, для решения этих задач требуется планомерное изучение исторического развития языка, его диалектной, социальной и иной дифференциации. Так устроена работа с национальными языками во всём мире.

Развиваясь в русле лингвистики нового тысячелетия, современная русистика в последнее время совершила гигантский скачок, который радикально изменил её облик. Важнейшим фактором стала революция в области документирования и автоматической обработки текстов. Это в корне изменило эмпирическую базу лингвистики. Социальные сдвиги, имевшие место в последние десятилетия, обусловили повышенный интерес к проблемам социальной и нормативной дифференциации языковых средств. Открылась новая эпоха в исследовании и научном издании древних памятников письменности, диалектных материалов и современных текстов. Немалую роль сыграло широкое взаимодействие со смежными дисциплинами — не только с такими традиционно близкими языкознанию областями, как литературоведение, история, философия, антропология, археология, но и с математикой, биологией, нейрофизиологией, психологией, социологией и рядом других наук. Лингвистический анализ в этих ракурсах указывает на сдвиг интересов лингвистики от чисто структурных к общегуманитарным, связанным с представлением о языке как очень важной, центральной части человеческих способностей. Особенно заметно подобное взаимодействие в синхронном русском языкознании, где сегодня успешно развиваются такие направ-

² www.webcitation.org/69NNC2des?url=http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?NewsID=17340

ления, как когнитивная и корпусная лингвистика, семантико-семасиологические исследования, функциональная грамматика, исследования социальной стратификации в языке, изучение дискурсивных стратегий и другие.

Когнитивная лингвистика не только исследует, как при помощи языка осуществляется коммуникация и формируется самосознание отдельной личности и социальных групп, но и занимается выяснением вопроса о том, как структурируется знание и осуществляется мыслительный процесс. Явления, которые присутствуют во всех языках (так называемые языковые универсалии), свидетельствуют о единстве человеческого сознания, о том, что *homo sapiens* представляет собой опознаваемый единый субъект, а не разрозненное множество не похожих друг на друга существ. Вместе с тем языки обнаруживают принципиальные несходства и в своей грамматической, и в своей семантической организации; эти различия соотносятся с определёнными, присущими тому или иному языковому коллективу представлениями, обычно связываемыми с понятием *языковой картины мира*.

Такие представления в последнее время исследовались в разных аспектах, были получены интересные результаты. В частности, в работе Московской семантической школы, возглавляемой академиком Ю.Д. Апресяном, языковая картина мира восстанавливается на основе всего массива современной русской лексики, описываемой в единстве с грамматикой. Данный подход позволил выделить универсальные и этноспецифичные элементы русского языка. Теоретическая разработка идей системной лексикографии и создание фундаментальных словарей, например “Нового объяснительного словаря синонимов русского языка” [1] и “Активного словаря русского языка” [2], вывели отечественные семантико-семасиологические исследования на принципиально новый уровень, во многом превосходящий аналогичные зарубежные достижения.

Идеи системности реализуются и в недавно изданной серии фундаментальных фразеологических словарей [3–5]. Подобные большие словари, претендующие на полный охват идиоматики определённого периода, до настоящего времени отсутствовали в мировой практике.

Современная семантика апеллирует не к абстрактным понятиям семантической правильности и внутреннему чувству лингвиста — носителя исследуемого языка, а к засвидетельствованному в устных и письменных текстах употреблению. Это употребление отнюдь не всегда последовательно, и одна из актуальных текущих задач языкознания — объяснить природу, а при возможности и причины языковой вариативности и изменений. Поиски решения этой задачи привели к

возникновению *корпусной лингвистики*, которая ориентирована на реальное употребление языка и создаёт уникальные инструменты для его анализа. К важнейшим достижениям современной русистики относится созданный под руководством академика В.А. Плунгяна Национальный корпус русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru). Этот корпус в настоящее время насчитывает более 600 миллионов словоупотреблений и содержит целый ряд модулей, отражающих разные формы и периоды существования русского языка, начиная от первых письменных памятников древнерусской эпохи и заканчивая современной прессой, научной и художественной литературой, образцами устной речи и многими другими элементами, представляющими отдельные подкорпусы в составе национального корпуса. Сегодня НКРЯ является одним из наиболее крупных и едва ли не самым совершенным из существующих в мире корпусов с наиболее полной и продуманной разметкой и разнообразными возможностями поиска; он пользуется широким спросом у лингвистов во всём мире. Практически ни одно серьёзное исследование русского языка не обходится без обращения к этому корпусу.

Среди наиболее эффективных направлений использования Национального корпуса — разработка на его основе академической грамматики нового типа, в которой учтены теоретические достижения современной лингвистики и особенности развития русского языка в последние десятилетия [6].

Фундаментальные инновации характеризуют *русское историческое языкознание*. Настоящий переворот в этой области был вызван открытием и изучением берестяных грамот. По мере накопления объёма сохранившихся на бересте текстов (в настоящее время их число перевалило за тысячу)³ грамоты стали осмысляться как особый источник по истории русского языка, раскрывающий то, что остаётся скрытым в других памятниках древней письменности: они в неизмеримо большей степени отражают разговорный язык прошлого, чем произведение религиозной литературы или деловые документы, дошедшие до нас от русского средневековья. Исследование берестяных грамот привело к пересмотру ряда положений традиционной истории русского языка, по-другому стала выглядеть картина древнейшего диалектного членения восточнославянского ареала, вследствие чего изменились и представления о взаимодействии русских диалектов, которое отразилось на формировании современного русского языка. Огромное значение имели здесь работы академика А.А. Зализняка, в особенности его

³ См. [7], а также электронный ресурс “Древнерусские берестяные грамоты” (www.gramoty.ru).

монография “Древненовгородский диалект” [8] и труды по древнерусской акцентологии [9, 10].

Важнейшей задачей при разработке истории русского языка остаётся *лингвистическое исследование и издание памятников письменности*, детальное представление лингвистических параметров слова, расширение корпуса текстовых источников с целью получения сведений о территориальных, хронологических, социальных и иных разновидностях языка. В последние годы эта традиционная область русской филологии отмечена заметными достижениями: проведены масштабные текстологические исследования и изданы тексты, обладающие первостепенной важностью для истории русского языка [11–14 и др.]. Одновременно создаются электронные корпуса и базы данных по памятникам древней славяно-русской письменности, позволяющие осуществлять морфологический и синтаксический поиск и выводящие анализ лингвистических процессов на принципиально новый уровень. Эти ресурсы активно используются и в продолжающихся изданиях многотомных академических словарей, описывающих историю слов и развитие их семантики на протяжении всего периода русской письменности [15–18].

Исследования произведений русской словесности от древности до наших дней дали новый импульс осмыслению проблем письменного языка и *исторической динамики языковых норм*. В рамках идущих от академика В.В. Виноградова традиций активно развивается изучение истории русского литературного языка. Здесь важнейшие результаты связаны, с одной стороны, с установлением лингвистических параметров переводческих традиций в домонгольской Руси в работах члена-корреспондента РАН А.А. Пичхадзе [19], с достижениями в изучении текстологической истории Повести временных лет, Новгородской первой летописи и других текстов (исследования члена-корреспондента РАН А.А. Гиппиуса), с другой – с анализом процессов формирования языковой нормы в русском языке XVIII в. В работах В.М. Живова был показан переломный характер языкового употребления в эпоху Петра Великого, когда прерываются линии преемственности в морфологических и синтаксических навыках русских авторов. И эта же эпоха стала начальным этапом для переосмысления множества базовых концептов, имеющих философское, этическое и политическое значение. Эти процессы сегодня плодотворно изучаются в рамках исторической семантики русского языка [20, 21].

В последние десятилетия несомненными успехами в описании современного русского литературного и диалектного языка отмечена *академическая лексикография*. Ближится к завершению третье издание “Большого академического слова-

ря русского языка” в 35 томах [22]. Пользуется популярностью однотомный “Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов”, созданный под руководством академика Н.Ю. Шведовой [23]. Ежегодно издаются десятки словарей современного русского языка разнообразного объёма и содержания. Значительная их часть создаётся в рамках академической программы “Словари XXI века”⁴.

Пору своего расцвета, безусловно, переживает *русская диалектная лексикография*, и количество диалектных словарей русского языка, изданных в последние десятилетия, с трудом поддаётся исчислению. Помимо общего “Словаря русских народных говоров” [24], издаваемого сейчас под руководством члена-корреспондента РАН С.А. Мызникова (издано уже более 50 томов), практически в каждом регионе России выходят в свет словари местных говоров.

В области *русской этимологии* в течение долгого времени образцом оставался знаменитый “Этимологический словарь русского языка” М. Фасмера. В последние годы, однако, ситуация коренным образом изменилась, и сейчас на огромном материале диалектных и исторических источников академиком А.Е. Аникиным осуществляется издание фундаментального “Русского этимологического словаря” [25].

Крупнейшими достижениями в области *русской топонимии и антропонимии* мы обязаны уральской ономастической школе (руководитель член-корреспондент РАН Е.Л. Березович), выступающей общероссийским организационным центром экспедиционных и лексикографических работ по этой тематике.

Следует подчеркнуть, что исторические, диалектные и этимологические словари не только соответствуют культурным и научным запросам общества, свидетельствуя о том, когда впервые появилось в языке то или иное слово, что оно значит и в каких текстах встречается. Эти словари обеспечивают составление нормативных словарей, отвечая на вопрос о происхождении и изменении того или иного слова или его параметров – иными словами, дают ту лингвистическую информацию, которая необходима для определения нормативного статуса слова и его лингвистических характеристик в современном языке. Тем самым научные исследования создают основу для работы в области *кодификации норм русской речи*.

Мы живём в эпоху стремительных социальных, экономических и культурных перемен, которые весьма заметным образом отражаются в языке, в характере языковой деятельности. Это вполне закономерно: как мы знаем из истории различных языков, в том числе и русского, в та-

⁴ www.slovari21.ru.

кие эпохи языковое творчество всегда активизируется. Вместе с ним возрастает и негативный уровень языковой рефлексии. Например, сейчас все обращают внимание на такие явления в современной речевой практике, как избыточное употребление английской лексики и проникновение в литературный язык просторечных и жаргонных слов и оборотов. Некоторым начинает казаться, что язык “портится” и чуть ли не гибнет. Характерно, что призывы спасти национальный язык от порчи периодически звучат и во Франции, и в Германии, и в других странах. В России эта тема обсуждается по крайней мере с XVIII века. Но правомерно ли говорить в связи с иноязычными заимствованиями и модой на просторечие об изменениях в самом языке?

В одной из старых книжек по исторической лексикологии, написанной известным историком русского языка П.Я. Черных, приводится такое наблюдение: “...Слова, иллюстрирующие некоторые характерные черты американского образа жизни: *босс, гангстер, гёрл, стюардес, джип, кока-кола, комикс* и т.п. <...> Мы их употребляем только в высказываниях о посторонних, чуждых нам предметах мысли и сравнительно редко” [26]. Нетрудно заметить, что в этом списке представлены слова, которые сегодня широко используются в нашей речи (за исключением *гёрл*), и ныне они никого не раздражают, хотя полвека назад квалифицировались как экзотизмы, относящиеся к “чуждой нам” сфере. Этот пример хорошо иллюстрирует то, о чём не устают говорить лингвисты.

Во-первых, инновации для языка — это не хорошо и не плохо, это естественный процесс, над которым никто из его носителей не властен. Язык следует за изменениями жизни и, отражая эти изменения, подбирает для них адекватные способы выражения. При этом с самим языком ничего не происходит — он просто приобретает новые краски и новые выразительные средства. Что существенно: прежние достижения остаются в языке и всегда могут быть востребованы и использованы.

Во-вторых, говоря о порче языка, люди на самом деле сердятся на неприятные для них явления современной жизни, чуждые им взгляды, мораль, образ мысли и тому подобное. Поскольку все эти явления выражаются в соответствующих формах речи и способах говорения, людям кажется, что их раздражает язык, на который они переносят своё негодование. На самом деле языковое поведение каждого из нас говорит только о наших нравах, язык здесь ни при чём. Как и в “старые добрые времена”, в современной жизни сосуществуют образцы прекрасной речи — простой, ясной и выразительной, и разнообразные типы косноязычия, пошлости, высокопарная или вульгарная речь. Наш “великий и могучий” маркирует

личность говорящего, при этом сам ни в малейшей степени не страдает.

Использование больших корпусов образцов русской речи позволяет понять, что именно из встречающегося в реальной речи воспринимается носителями языка как “правильное”, а что — как “неправильное”. Описание актуальных представлений о “правильном” и “неправильном”, называют *кодификацией нормы*. Сама необходимость кодификации языковой нормы возникает только в том случае, если в *узусе* (общепринятом употреблении языковых единиц) регулярно встречаются или могут встретиться явления, воспринимаемые языковым сообществом как отклонения от нормы. Например, для слова *стол* не требуется орфографическая кодификация или кодификация “правильного” произношения (орфоэпическая кодификация), а уже производное от него *столя́р* в такой кодификации нуждается: род. пад. *столяра́*, мн. ч. *столяры́*. Неправильно: *столяр*, а, мн. -, -ов [27, 28].

Самая важная часть кодификации языковой нормы — это *кодификация правописания*. Именно ей в первую очередь посвящена деятельность Орфографической комиссии РАН — межведомственной комиссии, в которой состоят наиболее авторитетные специалисты из академических институтов и вузов страны (<http://orth-com.tilda.ws>). Результат работы комиссии — полный академический справочник по орфографии и пунктуации [29] и “Русский орфографический словарь” [30]. Необходимо подчеркнуть, что Орфографическая комиссия не стремится к какой бы то ни было реформе орфографии, к изменению сложившихся орфографических и пунктуационных норм, что привело бы к ломке орфографических навыков грамотного сообщества и, скорее всего, не было бы им принято.

Возвращаясь к реализации фундаментальных задач русистики, нужно сказать об одном очень важном проекте, осуществлением которого лингвистической русистике предстоит заниматься в ближайшее время.

Благодаря корпусным технологиям лексикография в наше время получила удобную и надёжную документальную базу. Тривиальным занятием стала фиксация появляющихся в языке новых слов и выражений [31–34] и выявление малоупотребительных и устаревающих слов [35, 36], описание словообразовательных тенденций [37] и других характеристик лексикона. Имеющаяся в Национальном корпусе русского языка разметка словоформ по датам источников позволяет изучать микроисторию семантических сдвигов. Сейчас речь идёт уже о необходимости изменения самой технологии лексикографии, отвечающей современному уровню лингвистических знаний. Актуальной задачей становится построение *дина-*

мической модели словарной системы русского языка, которая позволяла бы не только отвечать на вопросы о значении и употреблении слов, но и определять время их появления и исчезновения в источниках, описывать динамику словообразовательных моделей, изучать пути миграции слов и многое другое. При этом важными параметрами такой системы должны быть информативность и доступность.

Инициатором этого масштабного проекта, который получил название “Национальный словарный фонд”, выступил Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Планируется, что в работе будут участвовать все основные лексикографические коллективы России, прежде всего специалисты Института лингвистических исследований РАН, а также преподаватели, студенты и аспиранты из разных университетов России. Реализация этого проекта, поддержанного Советом при Президенте Российской Федерации по русскому языку, могла бы стать ярким культурно значимым событием для нашей страны, повышающим престиж российской науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Активный словарь русского языка / Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. Т. 1–3. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2014–2017.
- Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. Около 8000 идиом современного русского языка / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
- Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009.
- Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015.
- Материалы к корпусной грамматике русского языка / Отв. ред. В.А. Плунгян. Вып. 1. Глагол. М.: Нестор-История, 2016; Вып. 2. Синтаксические конструкции и грамматические категории. М.: Нестор-История, 2017; Вып. 3. Части речи и лексико-грамматические классы. М.: Нестор-История, 2018; Вып. 4. Падеж (в печати).
- Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Под ред. В.Л. Янина. М.: Индрик, 2003.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк А.А. Труды по акцентологии. Т. 1, 2. М.: Языки славянской культуры, 2010–2011.
- Зализняк А.А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Молдован А.М. “Житие Андрея Юродивого” в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000.
- “История Иудейской войны” Иосифа Флавия. Т. 1–2 / Отв. ред. А.М. Молдован. Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание / Подготовка текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005.
- “Пчела”. Древнерусский перевод. Т. 1–2 / Отв. ред. А.М. Молдован. Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Издат. дом “ЯСК”, 2008.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30. М.: Нестор-История, 1975–2015 (издание продолжается).
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–12. М.: Русский язык, 1988–2019 (издание продолжается).
- Словарь русского языка XVIII века. Т. 1–21. Л.–СПб.: Наука, 1984–2015 (издание продолжается).
- Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Т. 1–7. СПб.: Наука, 2004–2016 (издание продолжается).
- Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянской культуры, 2009.
- Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В.М. Живов, Ю.В. Кагарлицкий. М.: Языки славянской культуры, 2012.
- Большой академический словарь русского языка. Т. 1–25. М.–СПб.: Наука, 2016–2019 (издание продолжается).
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2007.
- Словарь русских народных говоров. Т. 1–51. СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Т. 1–13. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–2019 (издание продолжается).
- Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. М.: Изд-во МГУ, 1956.
- Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Под ред. Н.А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: Lingua, АСТ, 2014.
- Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М.: АСТ пресс-книга, 2012.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М.: Эксмо, 2006.

30. Русский орфографический словарь / Под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2012.
31. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. М.: Сов. энциклопедия, 1971.
32. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1994.
33. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е.А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
34. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. В 3 т. / Под ред. Т.Н. Буцевой и Е.А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
35. Редкие слова в произведениях авторов XIX века. Словарь-справочник / Отв. ред. Р.П. Рогожников. М.: Русские словари, 1997.
36. *Баско Н.В.* Словарь устаревшей лексики к произведениям русской классики. М.: АСТ-Пресс, 2013.
37. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. М.: Русский язык, 1985.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”

НОВАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА:
ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2020 г. С. М. Рогов

Институт США и Канады РАН, Москва, Россия

E-mail: pa.to.rogov@gmail.com

Поступила в редакцию 30.12.2019 г.

После доработки 04.02.2020 г.

Принята к публикации 04.02.2020 г.

В докладе рассматриваются последствия начавшегося и усугубившего кризиса отношений России с западными странами, в частности с Соединёнными Штатами Америки. Данный период автор характеризует как “Холодная война 2.0”. У новой холодной войны есть сходства и отличия в сравнении с первоначальным этапом соперничества двух стран в XX в. Отличия включают в себя отсутствие идеологического конфликта, а также глобального соперничества двух социально-экономических систем. Особенности новой холодной войны заключаются в резком обострении пропаганды, возобновлении экономической войны, практическом отсутствии нормальных дипломатических контактов США и американских союзников с Российской Федерацией, а также возобновившейся гонке вооружений. Особую озабоченность автора вызывает ситуация в сфере контроля над вооружениями, где один за другим продолжают рушиться столпы системы, над которой Россия и США работали в течение полувека. Угроза ядерной войны в связи с этим резко возрастает. Отдельное внимание уделяется корреляции затрат, которые Россия осуществляет в военной сфере в связи с усугубившимся кризисом отношений с западными странами, и расходов на социальное развитие. Их соотношение представляется сквозь призму макроэкономических показателей, данных социологических опросов, экспертных оценок и свидетельствует об отставании России от ведущих стран и перенапряжении её сил. Автор приходит к выводу о том, что новая холодная война приводит к росту международной напряжённости и усиливает долгосрочные негативные тенденции в экономической и социальной сфере России.

Ключевые слова: российско-американские отношения, холодная война, социально-экономическое развитие, НИОКР, контроль над вооружениями.

DOI: 10.31857/S0869587320030196

ОСОБЕННОСТИ
НОВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Мы уже несколько лет живём в условиях, которые я обозначаю как “Холодная война 2.0”. Она

РОГОВ Сергей Михайлович – академик РАН, научный руководитель ИСК РАН.

отличается от первой, можно сказать, исторической, двумя на сегодня очень важными признаками. Во-первых, в нынешнем противостоянии нет идеологического конфликта. Во-вторых, нет глобального соперничества двух социально-экономических систем. Мир имеет не биполярную, а полицентричную структуру. В новой холодной войне Россия одна противостоит США и их союзникам. В этом конфликте практически не участвует целый ряд других важных игроков, таких, как, например, Индия или Бразилия. Что же до Китая, то у него свои “разборки” с американцами.

Следует отметить четыре особенности, которые позволяют утверждать, что идёт “Холодная война 2.0”. Первое – это разгул оголтелой пропаганды. Все худшие стереотипы холодной войны возродились, что, конечно же, оказывает очень

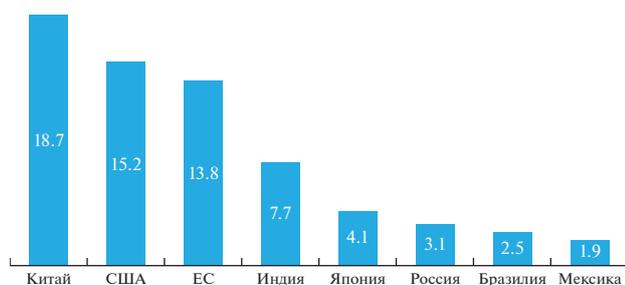

Рис. 1. Доля ВВП в % от мирового (по ППС). 2018 г.

Источник: World Economic Outlook. International Monetary Fund. Global Manufacturing Downturn. Rising Trade Barriers.

серьёзное влияние на общественное мнение. В результате был воссоздан “образ врага”. Негативное отношение как россиян к американцам, так и американцев к нам вернуло нас к ситуации начала 80-х годов прошлого века. У нас вновь формируется атмосфера “осаждённой крепости”. Опросы показывают, что 73% американцев относятся к России негативно, а 91% считают, что наша страна представляет угрозу [1]. По опросам службы Гэллага, Россия в 2019 г. воспринималась как самая большая угроза США (32%), опережая Китай (21%), Северную Корею (14%) и Иран (9%) [2]. Согласно опросу ВЦИОМ, 85% наших сограждан негативно оценивают отношения между Россией и США [3]. По данным Левада-центра, 69% россиян в 2019 г. считали, что США враждебно относятся к нашей стране (в 2018 г. — 78%) [4]. Сегодня, к сожалению, многие политики начали верить своей собственной пропаганде, которая становится заменой стратегического анализа и ложится в основу текущей политики.

Вторая особенность — возобновление экономической войны. Если после окончания первой холодной войны была провозглашена задача интеграции России в мировую экономику, то сейчас в США речь идёт лишь о том, как нас изолировать и нанести нашей стране максимальный ущерб.

Третья особенность связана с почти полным прекращением нормальных дипломатических контактов США и американских союзников с РФ. Так, президентская комиссия “Россия — США”, где действовали почти два десятка рабочих групп, прекратила своё существование. Совет “Россия — НАТО” собирается всего два раза в год, что говорит о явной формальности существования такой важной структуры. Вряд ли можно считать продуктивными и такие действия, как высылка дипломатов, изъятие дипломатической собственности и “визовые войны”.

Наконец четвёртая особенность — новая гонка вооружений и развал системы контроля над ними. Эту систему в начале 1970-х годов создали

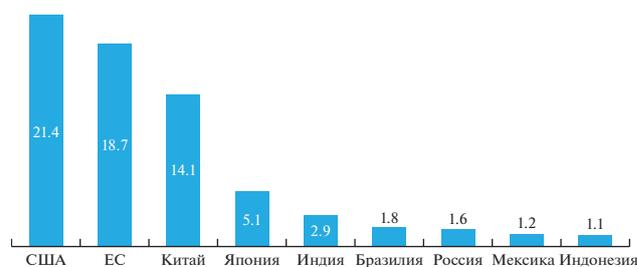

Рис. 2. Доля ВВП в млрд долл. по обменному курсу. 2019 г.

Источник: “World Economic Outlook Database. October 2019”. IMF.org; International Monetary Fund. 15 October 2019.

СССР и США для того, чтобы регулировать соперничество в той холодной войне и всё время помнить о красной черте, которую переходить нельзя.

Реальной становится перспектива того, что после выхода США из Договора о ракетах средней и малой дальности (РСМД) вряд ли будет продлён Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). А это означает, что после февраля 2021 г. не будет никакого контроля над вооружениями, и тогда может начаться соперничество без всяких правил. Собственно, так и было вплоть до Карибского кризиса 1962 г., поэтому нельзя исключать самых опасных вариантов развития событий.

“Холодная война 2.0” идёт в то историческое время, когда Россия, в отличие от Советского Союза, не является сверхдержавой. Напомню, что СССР проиграл США не гонку вооружений, а социально-экономическое соревнование (рис. 1). На долю США и официальных американских союзников приходится 59% мирового ВВП [5, с. 18], удельный вес России — 3.1% по паритету покупательной способности (ППС) (6-е место в мире), или 1.8% по обменному курсу (11-е место) [6, с. 126]. По размерам ВВП, численности населения мы сильно уступаем США и Китаю.

В новом полицентричном мире наши показатели схожи с теми странами, которые относятся не к первому, а ко второму эшелону мировой иерархии — к таким, как Индия, Бразилия. Кстати, Япония опустилась в эту группу. Возможно, что сюда войдут Мексика, Индонезия.

На рисунке 2 представлены данные по доле ВВП в общемировых показателях по обменному курсу. Эти данные хуже, чем показатели РФ по ППС. По данным ОЭСР, количество занятых в России в 2017 г. составило 77 млн человек — в 10 раз меньше, чем в Китае, в 3 раза меньше, чем в Европейском союзе, в 2 раза меньше, чем в США [7, с. 68]. При этом производительность труда (почасовая выработка в американских дол-

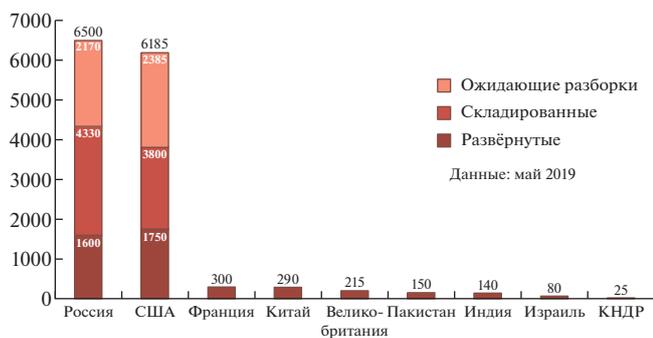

Рис. 3. Оценка ядерных арсеналов

Источник: <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>

ларах по ППС) в России в 2 раза ниже, чем в странах ОЭСР, и составляет всего 36% от этого показателя в США [8].

Вероятно, “Холодная война 2.0”, то есть жёсткая конфронтация между США и американскими союзниками, с одной стороны, и Россией, — с другой, как и первая холодная война, продлится многие годы и даже десятилетия.

Рассмотрим варианты развития событий.

1. Перерастание холодной войны в “горячую” (ядерную) войну.

2. Истощение сил Российской Федерации, как это произошло с Советским Союзом.

3. Разрядка напряжённости, достижение компромиссов по контролю над вооружениями с тем, чтобы создать условия для нормализации отношений России и Запада.

УГРОЗА ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Что касается нынешнего полицентричного мира, то в нём вероятность большой войны доста-

точно велика. Хочу напомнить, в многополярной системе, которая традиционно была нормой международных отношений, мир сохранялся 10–15–20 лет, а потом вспыхивали серьёзные войны, силовой передел мира.

Нынешняя гонка вооружений идёт по нескольким направлениям. К тому же в ней участвуют не только Россия и США, но и Китай, Индия, другие государства, обладающие ядерным оружием. Это многостороннее соперничество. Если в первую холодную войну накопленными ядерными зарядами можно было разбомбить Землю 25 раз, то сегодня это можно сделать всего то 2–3 раза (рис. 3).

Россия всё ещё остаётся ядерной сверхдержавой, сохраняя паритет с США. При этом мы так же, как и американцы, по количеству и номенклатуре ядерных вооружений значительно опережаем другие ядерные государства. Только Москва и Вашингтон обладают так называемым контрсильным потенциалом, что теоретически позволяет наносить обезоруживающий и обезглавливающий удар.

Сегодня стало модным рассуждать о том, что соглашения о контроле над вооружениями — это якобы одностороннее разоружение России, чуть ли не капитуляция. Но эти домыслы не отвечают действительности.

Как явствует из данных таблицы 1, Договор СНВ-3 привёл к тому, что сокращаться пришлось прежде всего Соединённым Штатам. В результате стратегический баланс несколько изменился в пользу России. США сократили количество развёрнутых боезарядов на 414 единиц, а количество развёрнутых носителей — на 154 единицы. У России сокращения составили всего 140 боезарядов и 3 носителя стратегического ядерного оружия.

Президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному собранию 1 марта 2018 г. заявил о разра-

Таблица 1. Ограничения стратегических наступательных вооружений России и США по Договору СНВ-3

Показатели	Установленные Договором СНВ-3 потолки	Россия	Россия	США	США
		01.09.2011	01.09.2019	01.09.2011	01.09.2019
Развёрнутые МБР, БРПЛ и тяжёлые бомбардировщики	700	516	513	822	668
Боезаряды на развёрнутых МБР, БРПЛ и засчитываемые за развёрнутыми тяжёлыми бомбардировщиками	1550	1566	1426	1790	1376
Развёрнутые и неразвёрнутые пусковые установки МБР, БРПЛ и тяжёлые бомбардировщики	800	871	757	1043	800

Источник: U.S. Department of State/ Fact Sheet. September 1, 2019.

ботке шести новых систем вооружений (межконтинентальная баллистическая ракета “Сармат”, гиперзвуковая ракета “Кинжал”, ракетный комплекс стратегического назначения “Авангард”, крылатая ракета нового поколения с ядерной энергоустановкой, беспилотные подводные аппараты, а также боевые лазерные комплексы). Таким образом, Российская Федерация провела модернизацию своих стратегических вооружений. “Взаимное гарантированное уничтожение” России и США сохранилось.

В 2018 г. президент России дважды и достаточно подробно объяснял, что такое ответно-встречный удар. По словам В.В. Путина, такой удар требует исполнения трех условий. Первое – наши системы раннего предупреждения должны обнаружить запуск ракет противника. Второе – мы должны вычислить их траектории полёта. Третье – мы должны определить цели, которые намерен поразить противник. И только после этого мы запустим наши ракеты [9]. Но когда наша или американская межконтинентальная ракета достигают территории противника за 25 мин., такие расчёты и действия осуществимы. А если подлётное время – от одной минуты до пяти? Тогда возникнут стимулы для того, чтобы нанести упреждающий удар. Как у Вашингтона, так и у Москвы.

В то же время есть немало оснований полагать, что в 2022 г. американцы могут начать размещение нового поколения своих ракет средней дальности, прежде всего в Азии. Но там есть свои проблемы, связанные с выбором союзников США в этом регионе. Например, Япония и Южная Корея не горят желанием размещать эти ракеты на своих территориях. Как, впрочем, и Австралия. В Европе тоже есть противники такого способа защиты своих государств. Но вместе с тем есть там и горячие сторонники. Это прежде всего балтийские государства и Польша. А возможно, и Румыния.

Подлётное время баллистической ракеты, а не крылатой, которая летит относительно медленно, из Эстонии до Петербурга составит 1 мин., из Латвии до Москвы – 4 мин. Ещё меньше подлётное время создаваемых гиперзвуковых ракет. Это чревато небывалой угрозой нашей безопасности. Возникает сценарий обезглавливающего и обезоруживающего удара. Даже если американские ракеты будут с неядерным оснащением, они могут наносить высокоточные удары по стратегическим целям. Но, скорее всего, на них появятся ядерные боеголовки. Поэтому любой острый политический кризис в Прибалтике или другом регионе вблизи территории России может обернуться самыми опасными последствиями. Возможны и другие сценарии возникновения военного конфликта.

Нельзя исключать, что в следующие десятилетия США развернут ударные системы в космосе, которые могут быть использованы не только в целях противоракетной обороны, но и для нанесения ударов по стратегическим целям на земле.

Особую опасность представляет быстрое развитие кибернетического оружия, которое, в частности, может быть использовано для того, чтобы нейтрализовать, вывести из строя систему предупреждения о ракетном нападении, а также центры политического и военного управления.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

С началом “Холодной войны 2.0” затормозилось *экономическое развитие* РФ. Если в первом десятилетии нынешнего столетия российская экономика росла почти на 5% в год, опережая среднемировые показатели, то после 2014 г. началась стагнация, в результате чего усилилось отставание России от развитых стран [10, с. 150, 151]. В ближайшие годы этот разрыв ещё больше увеличится.

Конгресс США принял целый ряд законодательных актов, вводящих санкции против РФ. Закон “О противодействии противникам США с помощью санкций” принятый в 2017 г., придал санкциям против России принципиально новое качество, поставив противодействие РФ в один ряд с такими приоритетами внешней политики США, как борьба с терроризмом и незаконными финансовыми операциями, а саму Россию – в один ряд с КНДР и Ираном [11, с. 29]. В результате пострадала внешняя торговля и резко сократился приток иностранных инвестиций в Россию. Отток капитала в 2018 г. составил 68 млрд долл. Американские инвестиции сократились примерно в 6 раз, экспорт – в 2 раза [12, с. 13, 14].

Вашингтон ввёл запрет на экспорт в Россию любых чувствительных технологий, оборудования для разработки шельфовых и сланцевых месторождений, ввёл санкции против крупных российских энергетических, оборонных, транспортных, машиностроительных, металлургических компаний и банков. По данным Российского союза промышленников и предпринимателей, под американскими санкциями оказались 275 граждан России, 476 российских юридических лиц (включая три ведомства). В обозримом будущем перспективы отмены санкций отсутствуют.

Однако ущерб, который наносят нам западные экономические санкции, по оценкам экспертов, составляет не выше 1% ВВП. Отсюда понятно, что главные причины наших проблем заключены в ухудшении конъюнктуры на мировом энергетическом рынке.

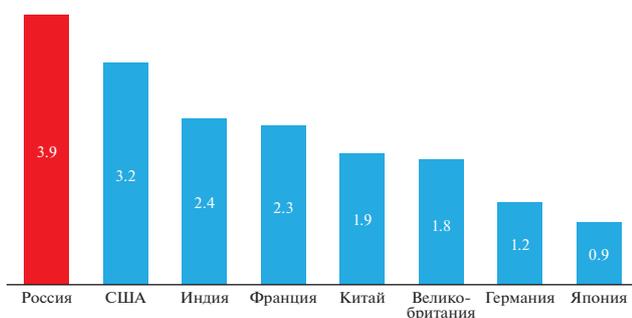

Рис. 4. Военные расходы в 2018 г. (% ВВП)

Источник: База данных военных расходов СИПРИ, апрель 2019 г.; МВФ: база данных состояния и перспектив мировой экономики, октябрь 2018 г.

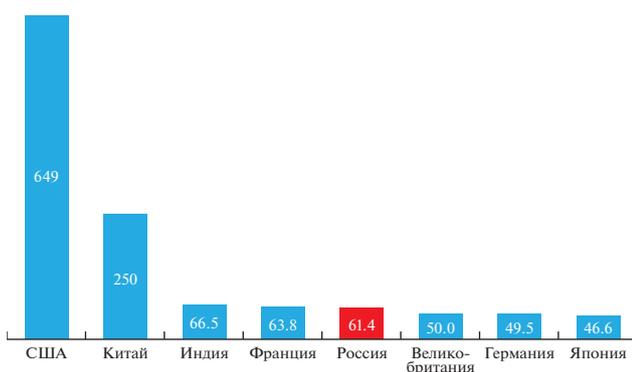

Рис. 5. Военные расходы в 2018 г. (млрд долл.)

Источники: База данных военных расходов СИПРИ, апрель 2019 г.; МВФ: база данных состояния и перспектив мировой экономики, октябрь 2018 г.

Рис. 6. Военные расходы в 2018 г. (% общемировых)

Источник: База данных военных расходов СИПРИ, апрель 2019 г.; МВФ: база данных состояния и перспектив мировой экономики, октябрь 2018 г.

ческом рынке, а также в нашей же экономической политике.

Главный упор российские власти делают на обеспечении бюджетного профицита. В результате проводимой в последние годы бюджетной консолидации расходы федерального бюджета в 2018 г. достигли 10-летнего минимума (16.1% ВВП). Рас-

ходы бюджета расширенного правительства сократились почти на 4% ВВП и составили 32.7% ВВП. В условиях действия так называемого бюджетного правила и при сокращающихся доходах от нефтегазового сектора в бюджетном прогнозе предусмотрено планомерное сокращение бюджетных расходов на ещё 2% ВВП [13].

Негативную роль играет и новая *гонка вооружений*. Мировые военные расходы составляют 2.2% глобального ВВП [14, с. 101–105]. Лидер новой гонки вооружений – Вашингтон, на долю которого приходится 35% мировых военных расходов. США тратят на оборону около 4% ВВП, Саудовская Аравия – 8.8%, Индия – 2.4%, Франция – 2.3%. Военный бюджет Японии, Германии, Великобритании, Китая – от 1 до 2% ВВП [15] (рис. 4–6).

По военным расходам мы примерно в 12 раз уступаем США, в 5 раз – Китаю. Однако затраты России на оборону значительно превышают общемировой показатель. После начала “Холодной войны 2.0” военные расходы РФ существенно возросли. Их доля в ВВП увеличилась почти в полтора раза – с 3.1% в 2014 г. до 4.4% в 2016 г. Кроме того, расходы по статье “Национальная безопасность и правоохранительная деятельность” составляли 2.2% ВВП. Таким образом, силовой блок получал примерно треть всего федерального бюджета, или 6.7% ВВП [16]. Затем эти расходы несколько снизились. По словам В.В. Путина, “мы в непомерные для нас бюджетные расходы втягиваться не будем” [17]. Объявлено о планах конверсии – доля гражданской продукции в оборонно-промышленном комплексе должна быть увеличена с 17 до 50% в 2030 г. Тем не менее доля оборонных расходов в ВВП у Российской Федерации выше, чем большинства других стран.

В 2018 г. суммарные расходы РФ, связанные с нынешней и прошлой военной деятельностью, составили 4.2 трлн руб., или 150 млрд долл. по паритету покупательной способности [16]. В 2020 г. оборонный бюджет должен увеличиться на 6.6% [18]. Базовые оборонные ассигнования вырастут в 2022 г. на 39.4 млрд руб. Примерно 80% военных расходов РФ приходится на Вооружённые силы. Расходы на ядерный оружейный комплекс составили в 2018 г. 45 млрд руб. [19, с. 726].

В 2018 г. была принята Государственная программа вооружения до 2027 г. (ГПВ-2027). Её стоимость – 19 трлн рублей, назначение – постановка на вооружение образцов, которые по тем или иным причинам не могли быть полностью разработаны и освоены в пределах ГПВ-2020 [20, с. 78].

Следует отметить, что значительная часть бюджета РФ засекречена. В 2018 г. закрытая часть федерального бюджета составляла 16.7%. Это примерно ещё 2.7% ВВП [16]. Секретные ассигнования в 2020 г. возрастут до 3.3 трлн руб. (2.9%

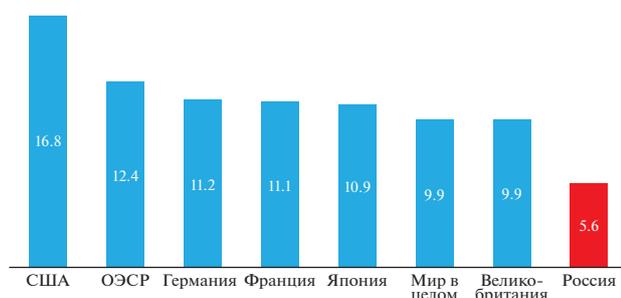

Рис. 7. Текущие расходы на здравоохранение (% ВВП)

Источник: Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновлённые статистические данные 2018 г. Опубликовано для Программы развития Организации Объединённых Наций (ПРООН). С. 48–51.

ВВП, или 17% расходов федерального бюджета России) [13]. Можно полагать, что это также связано с затратами на оборону и национальную безопасность.

Таким образом, можно констатировать, что Россия не избежала участия в новой гонке вооружений. Более того, по степени милитаризации экономики мы находимся на одном из первых мест в мире. Нагрузка, вызванная гонкой вооружений, вызывает серьёзные проблемы в других секторах экономики и социальной сферы. Это сказывается на финансировании образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, науки.

С 2014 г. расходы на образование в РФ сократились до 3.8% ВВП, на здравоохранение — до 3.2% ВВП. Это в 2 раза ниже среднего мирового показателя [14, с. 52–55] и в 2.5–3 раза меньше, чем в США и других развитых странах [16]. Совокупные государственные траты на обе отрасли заметно отстают от расходов ведущих стран. В Великобритании в 2018/19 финансовом году факти-

ческие расходы на здравоохранение составили 7.2% ВВП, на образование — 4.2% ВВП; в США на 2020–2022 гг. на обязательные расходы на здравоохранение предусмотрено 10.1% ВВП ежегодно; во Франции в 2020 г. на здравоохранение — 8% ВВП, на образование — 4.7% ВВП.

Как следует из заключения Счётной палаты РФ, за 2020–2022 гг. по всей бюджетной системе страны ежегодные ассигнования на здравоохранение составят 2.9% ВВП, на образование — 3.7% ВВП [21]. Об этом свидетельствует такой показатель, как соотношение расходов на образование и здравоохранение к военному бюджету. В начале “Холодной войны 2.0” у России этот показатель равнялся 2.5 к 1, в то время как во всем мире это соотношение составляло 7.8 к 1, а в США — 5.6 к 1 [14, с. 101–105]. Теперь это соотношение для нас ещё более ухудшилось.

Как свидетельствует таблица 2, структура государственных расходов Российской Федерации существенно отличается от структуры бюджетов развитых государств. Это касается не только ассигнований на медицину и образование, но и расходов на социальное обеспечение. При этом следует отметить, что в США социальное обеспечение в значительной степени осуществляется не за счёт государства, а с помощью системы частного страхования.

Во всем мире наблюдается тенденция к росту расходов на здравоохранение. Эти затраты растут быстрее мировой экономики, а объёмы их приближаются к 10% глобального ВВП [14, с. 48–51] (рис. 7). В 2018 г. расходы всей бюджетной системы РФ на здравоохранение составили 2.6% ВВП, а суммарные государственные и частные расходы на эти цели — 5.6%. Это в 3 раза меньше, чем в США и почти в 2 раза ниже среднемирового показателя. В США и Японии на долю здравоохранения приходится 23% всех государственных рас-

Таблица 2. Структура государственных расходов в 2017 г. (в % от ВВП)

Страны	Оборона	Внутренняя безопасность	Здравоохранение	Образование	Социальное обеспечение
ОЭСР	2.1	1.8	7.8	5.1	13.3
США	3.2	2.0	9.3	6.0	7.6
Германия	1.0	1.5	7.1	5.7	19.4
Англия	1.9	1.8	7.4	4.6	15.2
Франция	1.8	1.0	8.0	5.4	24.3
Япония	0.9	1.2	7.6	3.3	16.1
Россия	3.1	2.2	3.1	3.5	11.6

Источники: Российская экономика в 2018 г. Тенденции и перспективы. Выпуск 40. С. 65; Government at a Glance 2019. OECD. 2019. P. 81.

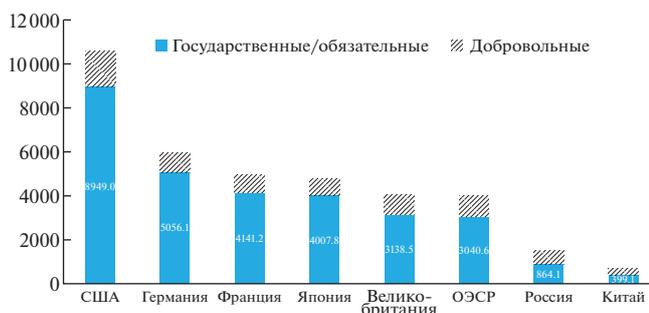

Рис. 8. Расходы на здравоохранение на душу населения в 2018 г. (долл. по ППС)

Источник: ОЭСР. Society at a Glance 2019. https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/most-spending-goes-to-pensions-and-health_fe0c5bbb-en

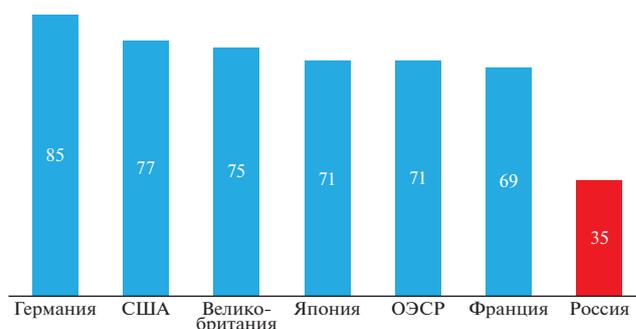

Рис. 9. Доля (в %) удовлетворённых качеством медицины

Источник: Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновлённые статистические данные 2018 г. Опубликовано для Программы развития Организации Объединённых Наций (ПРООН). С. 72–75.

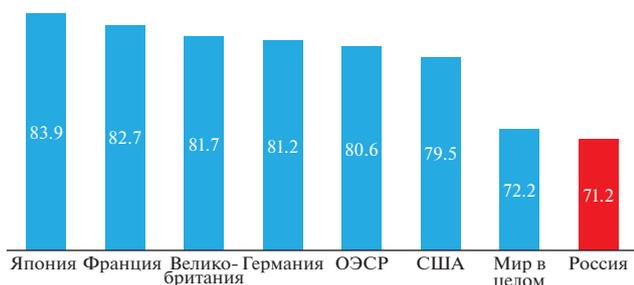

Рис. 10. Продолжительность жизни (лет)

Источник: Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновлённые статистические данные 2018. Опубликовано для Программы развития Организации Объединённых Наций (ПРООН). С. 22–25.

Рис. 11. Государственные расходы на образование (% ВВП)

Источник: Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновлённые статистические данные 2018. Опубликовано для Программы развития Организации Объединённых Наций (ПРООН). С. 52–55.

ходов, в странах ОЭСР в среднем 15%, а в Российской Федерации – только 10% [22, с. 159].

Наличие серьёзных проблем в *здравоохранении* признают и в самом Минздраве. В нашей стране сегодня не хватает около 25 тыс. врачей первичного звена и около 130 тыс. среднего медперсонала (медработников, фельдшеров и др.) [21]. При этом если посмотреть затраты РФ на медицину, пересчитанные по паритету покупательной способности, то на одного гражданина приходится всего лишь около 1.5 тыс. долл. Для сравнения: на одного жителя США тратится около 10.7 тыс. долл., Германии – 6 тыс. долл., Франции – 5 тыс. долл., Японии – 4.4 тыс. долл. Средний показатель расходов на здравоохранение на душу населения в странах ОЭСР составляет 3994 долл. [22, с. 151] (рис. 8). Не случайно качеством здравоохранения удовлетворены всего 35% россиян, в то время как в Германии этот показатель составляет 85%, в США – 77%, а в странах ОЭСР в среднем – 71% (рис. 9).

Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в России почти в 4 раза выше, чем в странах

ОЭСР и в 6 раз выше, чем в США [22, с. 59]. Высока и смертность от онкологических заболеваний. Низкий уровень финансирования здравоохранения отражается на таком показателе, как продолжительность жизни россиян. По этому показателю (71.2 года) Россия отстаёт не только от развитых стран (на 10 лет от США и стран ОЭСР), но и от общемирового показателя (72.2) [14, с. 22–25] (рис. 10). Это имеет весьма негативные демографические последствия для нашей страны. В 2018 г. население РФ вновь начало сокращаться в связи с тем, что количество умерших превысило количество новорождённых, а также сократилось число иммигрантов. В 2019 г. ситуация ещё больше ухудшилась. Россия занимает 63-е место в “Глобальном индексе безопасности в сфере здравоохранения” за 2019 г. – между Коста-Рикой и Угандой. На 1-м месте в этом индексе находятся США, Великобритания – на 2-м, Франция – на 11-м, Германия – на 14-м [23, с. 20–24].

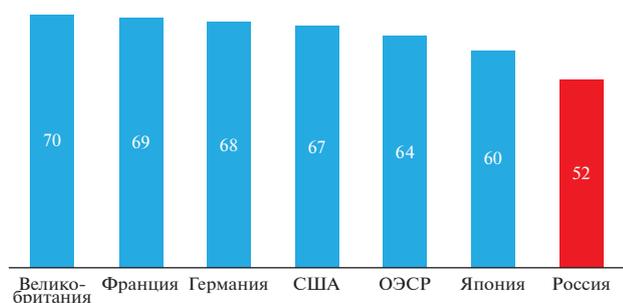

Рис. 12. Доля (в %) удовлетворённых качеством образования

Источник: Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновлённые статистические данные 2018. Опубликовано для Программы развития Организации Объединённых Наций (ПРООН). С. 72–75.

Не лучше ситуация и с расходами РФ на *образование*. Если наша страна тратит на эту сферу около 3.7% ВВП, то Бразилия расходует свыше 6% ВВП, Чили – 5.4%, Дания – 7.6% ВВП, Норвегия – 8%. Норвегия тратит на образование в пересчёте на душу населения 4600 долл., а Россия – только 240 [24] (рис. 11).

Негативные последствия имела и реформа системы высшего образования. Бывший министр просвещения России О.Ю. Васильева заявила, что бакалавриата недостаточно для обучения гуманитарным специальностям, и нужно возвращать специалитет, особенно гуманитарного цикла [25].

Качеством образования удовлетворены только 52% россиян (рис. 12). Оценивая бюрократическую реформу системы просвещения, президент В.В. Путин заявил: “Плохо, что вы основываетесь на голых статистических данных, не понимая, что происходит на земле, в жизни. Мы же должны не голыми схемами руководствоваться”. По его мнению, следует рассмотреть вопрос о том, чтобы “возродить прежнюю систему, готовить, как готовили, пять лет, и давать полноценное образование” [26].

В то же время в России наблюдается стагнация *социальных расходов*. В 2018 г. они сократились на 1.8% ВВП и составили 11.6% ВВП [16] – примерно в 2 раза меньше, чем в США и других развитых странах. Во Франции социальные расходы превышают 30% ВВП, в Германии – 25% [27] (рис. 13). Отметим, что социальные расходы составляют в среднем 43% бюджетных расходов стран ОЭСР, в США этот показатель достигает 50%, в Германии и Франции – 56%.

Особенно непродуманной представляется пенсионная реформа. Между тем реальные доходы населения падают уже шестой год подряд и сократились на 10% [21].

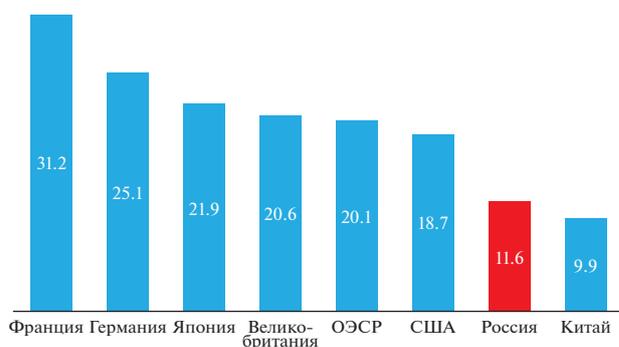

Рис. 13. Государственные социальные расходы в % ВВП в 2018 г.

Источник: ОЭСР; Российская экономика в 2018 г. Тенденции и перспективы. Выпуск 40. С. 65.

Несколько слов о поддержке *сельского хозяйства*. Расходы Европейского союза на сельскохозяйственные субсидии ежегодно составляют 65 млрд долл. Это примерно 40% всего бюджета ЕС [28]. В США федеральные субсидии фермерам достигают 20 млрд долл. в год [29], но по некоторым оценкам, поддержка сельского хозяйства превышает 30 млрд долл. [30] (табл. 3). В России поддержка сельхозпроизводителей в 2018 г. составила 81 млрд руб. (1.25 млрд долл.). Всего же федеральный бюджет выделил на сельское хозяйство 250 млрд руб. (около 4 млрд долл.) [31].

В особо тяжёлом положении находится российская *наука*. Россия не является научной сверхдержавой, какой был Советский Союз, не без успеха конкурировавший с Соединёнными Штатами. Количество научных исследователей резко сократилось по сравнению с советским периодом, примерно в 3 раза, и продолжает уменьшаться. За последние годы численность исследователей, занимающихся естественными науками уменьшилось на 11 тыс., техническими науками – на 8 тыс., медицинскими науками – на 2 тыс., сельскохозяйственными науками – на 3 тыс. человек. На 23 тыс. сократилось количество исследователей в предпринимательском секторе [32].

Таблица 3. Государственная поддержка сельского хозяйства

Европейский Союз	65 млрд евро
США	20–30 млрд долл.
Российская Федерация	250 млрд руб.

Источники: <https://www.oecd.org/unitedstates/producerandconsumersupportestimatesdatabase.htm#country>; <http://government.ru/docs/37271/>; <http://mex.ru/upload/iblock/61d/61d430039b8863186a4fbb1f60fab1c6.pdf>; <https://data.ers.usda.gov/reports.aspx?ID=17833>

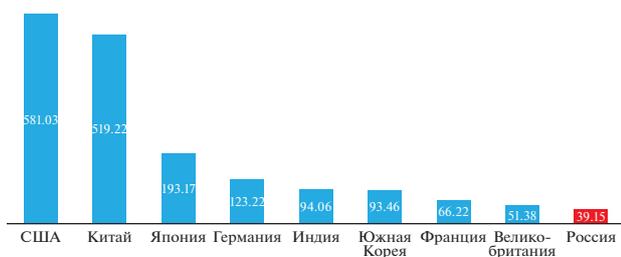

Рис. 14. Ведущие страны по расходам на НИОКР. 2019 (млрд долл.)

Источник: Statista 2019. Leading countries by gross research and development (R&D) expenditure worldwide in 2019 (in billion U.S. dollars).

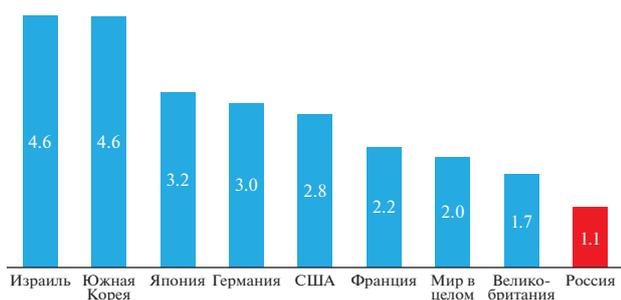

Рис. 15. Расходы на научные исследования и разработки (% ВВП)

Источник: Research and development expenditure as a share of GDP (%). <https://knoema.com/atlas/ranks/RandD-expenditure>

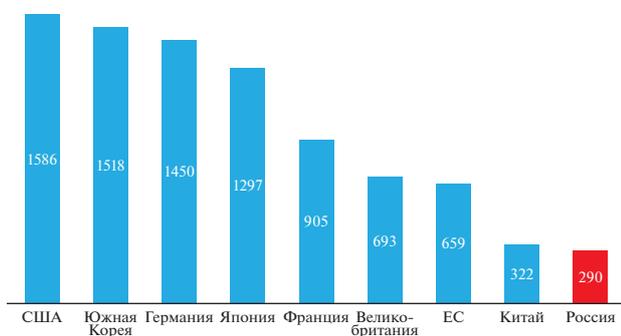

Рис. 16. Расходы на НИОКР на душу населения (долл.)

Источник: <http://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending/>

В 2017 г. количество исследователей в России (в эквиваленте полной занятости) составило 410 тыс. человек. По этому показателю мы уступаем Европейскому союзу (1940 тыс.), Китаю (1740 тыс.), США (1380 тыс.) и Японии (665 тыс.). По численности исследователей (в эквиваленте полной занятости) в расчёте на 10000 занятых в экономике Россия находится на 34-м месте [32].

Президентский указ 2012 г. предусматривал увеличение расходов Российской Федерации на науку до 1.77% ВВП ещё к 2015 г., а они по-прежнему не превышают и 1.1%, в то время как общемировой показатель равен 2%, а в США расходы на науку достигают 2.8% ВВП [14, с. 101–105]. По данным ОЭСР, бюджетные ассигнования на НИОКР в России в постоянных ценах за последние годы сократились примерно на четверть [7].

Два года назад по объёмам государственного финансирования науки Россия отставала от США в 28 раз, а сейчас уже в 33 раза. От Китая мы отставали в 18 раз, сейчас в 22 раза, от Германии в 5 раз, а сейчас в 8, сообщил глава Комитета по образованию и науке Государственной думы РФ В.А. Никонов. “Число учёных неуклонно сокращается. Продолжается утечка мозгов: лишь за последнее время из страны уехал миллион человек, которые теперь будут обеспечивать прогресс не у нас”, – заявил В.А. Никонов [33] (рис. 14).

По удельному весу затрат на науку в ВВП Россия существенно отстает от ведущих стран мира, находясь на 34-м месте. Лидерами являются Израиль и Южная Корея. США и Китай, имеющие наибольший объём внутренних затрат на НИОКР, по их доле в ВВП занимают, соответственно, 11-е и 15-е места (рис. 15).

На прикладные оборонные научные исследования в 2018 г. выделено около 300 млрд руб. (0.4% ВВП, или 2.2% бюджетных ассигнований) [19, с. 726]. Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета с 2015 г. снижаются и уменьшились с 0.53 до 0.41% ВВП, или с 2.81 до 2.3% бюджетных ассигнований [32]. В 2019 г. Минобрнауки должно было получить 174 млрд руб., РФФИ – 22.2 млрд руб., РАН – 4.2 млрд руб. В 2020 г. на науку планируется выделить из бюджета 505 млрд руб. [34].

На долю США приходится 88% расходов развитых стран на военные НИОКР [35, с. 2]. Следует отметить, что в подавляющем большинстве стран ОЭСР на военные цели расходуются не более 5% бюджетных расходов на науку. Выше (15–17%) затраты на эти цели у Великобритании, Южной Кореи и Турции. Однако в США военные расходы составляют почти половину (46%) бюджетных ассигнований на науку [7, с. 67]. Примерно такой же показатель и у России.

Россия отстает в несколько раз от лидеров по размерам расходов на НИОКР на душу населения (рис. 16). Крайне низок по международным меркам уровень расходов на одного российского научного исследователя. По этому показателю Российская Федерация значительно отстает от ведущих научных держав. По индикатору внутренних затрат в расчёте на одного исследователя (в эквиваленте полной занятости) Россия зани-

мает 47-е место (93 тыс. долл.). 1-е место в мире занимает Швейцария (406.7 тыс. долл.), 2-е – США (359.9 тыс. долл.). В Китае, где работает наибольшее количество исследователей, затраты в 2016 г. составили 266.6 тыс. долл. в расчёте на одного исследователя [32].

Согласно официальной статистике, среднемесячная номинальная заработная плата научных сотрудников в 2018 г. составляла 100 тыс. руб. [32] (примерно 20 тыс. долл. в год). При этом зарплата различается по регионам – от 41 тыс. руб. в Ингушетии до 183 тыс. руб. в Чукотском АО. Как отмечал президент РАН А.М. Сергеев, нет в мире таких учёных, которые могли бы сравниться с нашими в соотношении цена/качество. С такими зарплатами, с такой ресурсной обеспеченностью одного рабочего места – а здесь мы во многие разы отстаём от ведущих стран – нигде в мире не получают такое количество первоклассных результатов, как у нас. Согласно массовому опросу российских ученых, 64% негативно оценивают нынешнее состояние науки и утверждают, что оно ухудшилось в итоге реформы [36]. 90% респондентов считают, что нужно провести дебиюрократизацию науки, освободив учёных от бесконечного написания никому не нужных отчётов [37].

Президент РАН А.М. Сергеев сделал вывод, что “с учёными надо советоваться при принятии важных государственных решений в отношении науки... что касается развития фундаментальных исследований, то зачастую к мнению Академии наук не прислушиваются, её вообще не спрашивают. Мы считаем, что это неправильно” [36] (рис. 17).

Нельзя не отметить, что обострение международной обстановки, воссоздание атмосферы “осаждённой крепости” имеют негативные последствия для научного сообщества. Прерваны многие международные связи. Достаточно напомнить о распоряжении Министерства высшего образования и науки, требования которого крайне осложняют контакты с зарубежными учёными.

Большой резонанс вызвал инцидент с ФИАН. Вот что написали в своём обращении учёные ФИАНа: “...Создаётся впечатление, что правоохранительные органы просто не отдают себе отчёт о последствиях своих действий, в результате которых институту нанесён колоссальный репутационный ущерб, а сами правоохранительные органы дискредитированы в глазах научной общественности. Невозможно представить, что такое могло бы произойти в какой-либо цивилизованной стране, в которой правоохранительные органы занимаются настоящими, а не выдуман-ными проблемами” [38].

Рис. 17. Внутренние затраты на исследования и разработки на 1 исследователя (тыс. долл.)

Источник: ВШЭ. <https://issek.hse.ru/news/221864403.html>

Отношение государства к науке надо радикально менять. Иначе отставание России от лидеров мирового развития ещё больше увеличится.

К сожалению, Россия проигрывает конкурентам в глобальном социально-экономическом соперничестве. Об этом свидетельствует низкое место, которое занимает наша страна в Индексе глобальной конкурентоспособности (табл. 4).

Интенсивность затрат на технологические инновации в промышленном производстве с 2013 г. демонстрирует тенденцию к понижению. В 2017 г. величина этого показателя составила всего 1.7% [32]. Согласно Глобальному инновационному индексу, Россия находится на 46-м месте среди 129 стран. В этом индексе США занимают 1-е место, Германия – 2-е, Япония – 3-е, Китай – 16-е [39, с. 26].

По такому показателю, как индекс человеческого развития, Россия (0.816) в 2018 г. находилась на 49-м месте в мире, значительно уступая США (0.914) и другим развитым государствам (0.895) [14, с. 72–75]. Рост этого показателя для россиян с 2015 г. фактически прекратился (рис. 18).

Для России характерен весьма низкий уровень удовлетворения качеством жизни по сравнению с развитыми странами (рис. 19).

Таблица 4. Индекс глобальной конкурентоспособности, 2019 г.

Страна	Оценка (от 1 до 100)	Место в мировом рейтинге
США	83.7	2
Япония	82.3	6
Германия	81.8	7
Франция	78.8	15
Китай	73.9	28
Россия	66.7	43

Источник: Доклад “Индекс глобальной конкурентоспособности 2019”.

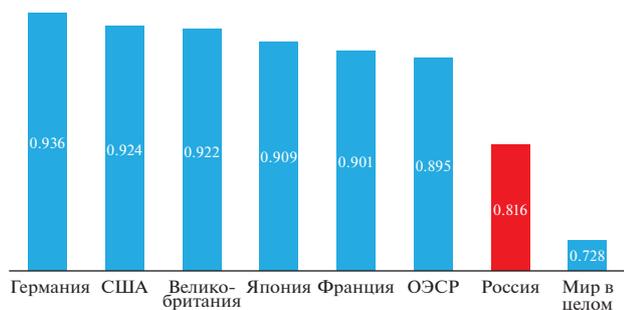

Рис. 18. Индекс человеческого развития в 2017 г.

Источник: Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновлённые статистические данные 2018 г. Опубликовано для Программы развития Организации Объединённых Наций (ПРООН). С. 22–25.

В большинстве своём социально-экономические проблемы России порождены нашей собственной экономической политикой. Эксперты отмечают бухгалтерский подход чиновников к экономике, согласно которому единственным критерием успешности является доход в единицу времени. Ни образование, ни здравоохранение прямого дохода не дают и воспринимаются как обуза экономики и бюджета.

Россия значительно (почти в 3 раза) уступает странам ОЭСР по бюджетным расходам на душу населения [40, с. 69]. При этом расходы нашего федерального бюджета сокращаются. В то же время Фонд национального благосостояния разбухает. Если на 1 июня 2018 г. в Фонде было менее 4 трлн руб. (менее 4% от ВВП), то на 1 сентября 2019 г. — уже почти 8.2 трлн рублей (7.5% от ВВП) [41]. Причём деньги в “кубышку” продолжают поступать, ведь бюджетное правило с ценой отсечения 40 долл. за баррель нефти продолжает действовать. Только за 2019 г. год Фонд пополнился почти на 4 трлн руб. — такой суммы хватило бы на 10 годовых индексаций выплат работающим пенсионерам. И это на фоне низких пенсий, к которым прибавляется столь же невысокая зарплата бюджетников.

По оценкам некоторых специалистов, для решения задач структурного развития России требуется поддержание расходов государства на уровне не ниже 34.5% ВВП. Поэтому уже в ближайшие годы для достижения национальных целей необходимо увеличивать ежегодные расходы в пользу инвестиций в человеческий капитал и инфраструктуру.

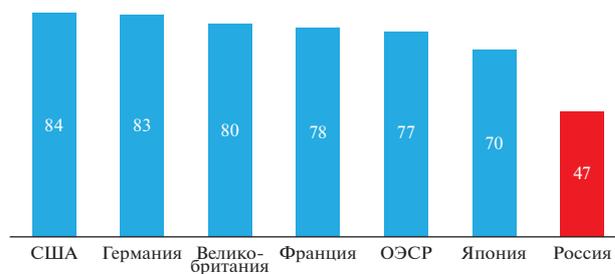

Рис. 19. Доля (в %) удовлетворённых уровнем жизни

Источник: Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновлённые статистические данные 2018 г. Опубликовано для Программы развития Организации Объединённых Наций (ПРООН). С. 72–75.

РАЗРЯДКА НАПРЯЖЁННОСТИ КАК СРЕДСТВО ОКОНЧАНИЯ “ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ 2.0”

Теперь кое-кто в США, да и у нас, считает, что раз исчезла биполярная система, то на свалку истории уйдёт и режим контроля над вооружениями. Это — опасное заблуждение.

Как заявил В.В. Путин, “гонка вооружений — это плохо, и ничего хорошего для мира она не сулит” [17].

В годы существования Советского Союза две сверхдержавы договорились о контроле над ядерными вооружениями. И это было связано с тем, что биполярная система сама по себе диктовала единственный рациональный вариант развития отношений — надо договариваться на паритетных условиях, чтобы избежать взаимного самоуничтожения.

У России и США сегодня недоверие друг к другу просто зашкаливает, но в то же время исчез страх перед возможностью ядерной войны. Мы росли в условиях, когда такая война могла вспыхнуть в любой момент, поэтому как у нас, так и у американцев началось давление снизу — здоровые люди требовали, чтобы наши лидеры подписали соответствующие обязательства, снижающие риск ядерной катастрофы. Большинство же нынешних политических руководителей, тот же Д. Трамп, никогда не занимались этими вопросами. Как, впрочем, и А. Меркель, Б. Джонсон, Э. Макрон, а также лидеры Китая и Индии. Единственный, кто имеет опыт договоренностей о контроле над вооружениями, — это В.В. Путин.

Глобальные эпидемии, изменение климата, экология, миграции — это всё, конечно, важно. Но всё-таки несравнимо с угрозой ядерной катастрофы. Однако в общественном сознании эта угроза стоит сегодня среди других проблем, даже не на десятом месте. В результате исчезло то мощное общественное движение, которое выступало

за ядерное разоружение и подталкивало лидеров США и СССР к договорённостям.

Мы знаем из истории, что подписание соглашения о контроле над вооружениями имело очень серьёзные политические последствия. Доверие стало расти, и в результате сложились условия для завершения холодной войны.

Прекращение “Холодной войны 2.0” отвечает интересам российского общества. Согласно опросу ВЦИОМ, 52% считают, что надо активизировать сотрудничество в сфере безопасности [3]. По данным Левада-центра, за контроль над вооружениями выступают 74% россиян.

Схожие настроения существуют и в США, хотя они пока не сказываются на политике Вашингтона. Опрос, проведённый в марте 2019 г. Чикагским советом по глобальным вопросам, показал, что 87% американцев выступают за сохранение контроля над вооружениями с Россией [42]. Согласно другому опросу, проведённому в мае 2019 г. Мэрилендским университетом, 82% поддерживают продление Договора СНВ-3 [43, с. 7]. Ещё один опрос в августе показал, что 56% американцев предпочли бы иметь дружеские, а не враждебные отношения с Россией [44].

Как 6 ноября 2019 г. подчеркнул Президент РФ В.В. Путин, “мы готовы сделать всё от нас зависящее, для того чтобы подтолкнуть разоруженческий процесс с учётом наших новейших систем вооружения, задача которых заключается исключительно в том, чтобы гарантировать безопасность с учётом растущих для нас угроз” [45]. В.В. Путин предложил Д. Трампу, несмотря на выход США из Договора РСМД, не развертывать в Европе такие ракеты. Тогда и Россия не будет размещать свои аналогичные установки. Если это произойдёт, то получится, что даже в условиях отсутствия юридически обязательного договора не будет развертывания нового поколения ракет в Европе. Запад пока на это не хочет реагировать. Может быть, это связано с тем, что нами часто употребляется термин “мораторий”, а американская пропаганда утверждает, что мы уже развернули запрещённые ракеты на европейском континенте. То есть мы якобы хотим, как Советский Союз в 1982 г., сохранить свои ракеты в Европе, а американцам не разрешить развертывать свои ракеты. Что касается Азии, то там, на мой взгляд, неизбежно появление американских ракет против Китая.

Если российское предложение не развертывать ракеты средней дальности будет реализовано, то тогда могут сложиться условия для продления договора СНВ-3, срок действия которого истекает в феврале 2021 г. Согласно условиям договора, его можно продлить ещё на 5 лет без ратификации Сенатом США.

Возникает вопрос о том, как новые типы вооружений вписываются в этот договор. Например, американская сторона уже заявила о необходимости включения новейших российских вооружений в “потолки” Договора СНВ-3. Да, мы создаём ряд новых стратегических систем – баллистические и гиперзвуковые ракеты, беспилотные подводные аппараты. Но новые баллистические ракеты должны учитываться в рамках Договора СНВ-3 только тогда, когда они будут развернуты. Что касается торпед с ядерной начинкой или гиперзвуковых ракет, то никогда раньше Россия и США в своих соглашениях таких вооружений не учитывали. Следует предложить начать переговоры по этим системам.

В случае пролонгации договора СНВ-3 и размещения ракет средней дальности в Европе важные элементы режима контроля над вооружениями, определённый уровень стратегической стабильности сохраняются по крайней мере до середины следующего десятилетия. А за это время в США возможны политические изменения, которые, может быть, откроют новые подходы и решения в международных отношениях. Это даст нам возможность не просто выиграть время, а попытаться заново “изобрести” систему контроля над вооружениями, которая бы учитывала и геополитические реалии нынешнего века (раньше были только две ядерные сверхдержавы: СССР и США, а сейчас есть и Китай, и Индия, и другие центры силы, имеющие ядерное оружие), и новые стратегические технологии современного мира. Поражать стратегические цели сегодня способны неядерные системы: высокоточное обычное оружие, средства противоракетной обороны, а в перспективе – ударные космические системы и кибернетическое оружие.

Я считаю, что не стоит впадать в пессимизм и считать ядерную войну неизбежной. Есть возможности всё-таки стабилизировать ситуацию, а потом работать над тем, как нормализовать отношения с США и Западом.

Завершая, хочу сказать, что в принципе определённую роль в постановке этих вопросов могла бы сыграть и наша Академия наук. Институт США и Канады, Институт мировой экономики и международных отношений, коллеги из других институтов продолжают активно вести дискуссии с американскими, европейскими и прочими зарубежными экспертами в поисках того, как найти решение. Но в последнее время, мне кажется, по линии самой РАН явно сократились контакты такого рода. Может быть, это связано с тем, что мы действуем только по официальным академическим соглашениям. Конечно, отражаются и санкции, отказ от контактов с нами по це-

лomu ряду направлений науки и техники. Наверное, мы могли бы сделать здесь куда больше.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит научного сотрудника ИСК РАН Н.В. Степанову, лаборантов-исследователей ИСК РАН К.В. Воробьеву и К.С. Честнягину за помощь в подготовке доклада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Russia <https://www.pollingreport.com/russia.htm>
2. Majority of Americans Now Consider Russia a Critical Threat by Lydia Saad. Gallup. February 27, 2019.
3. Опрос ВЦИОМ. На Западном фронте – без перемен. 18.11.2019. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10009>
4. Опрос Левада-центра: “Союзники” и “враги” среди стран. 14.06.2019. <https://www.levada.ru/2019/06/14/soyuzniki-i-vragi-sredi-stran/>
5. Present at the Re-Creation: A Global Strategy for Revitalizing, Adapting, and Defending a Rules-Based International System. Atlantic Council. 2019.
6. International Monetary Fund. World Economic Outlook, October 2019: Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers. Washington, DC.
7. Main Science and Technology Indicators. V. 2019. Issue 1. https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/main-science-and-technology-indicators/volume-2019/issue-1_g2g9fb0e-en#page68
8. OECD. Stat. Main Science and Technology Indicators. https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB#
9. Заседание дискуссионного клуба “Валдай”. Владимир Путин принял участие в пленарной сессии юбилейного, XV заседания Международного дискуссионного клуба “Валдай” 18 октября 2018 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/58848>
10. World Economic Outlook. October 2019.
11. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия / Сост. И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов. Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2018.
12. Экономическое сотрудничество России и США в условиях неопределённости. М.: РСПП, 2019.
13. Федеральный бюджет на 2020–2022 годы: основные параметры // Economy Times. 2019. 30 октября. <http://economytimes.ru/kurs-rulya/federalnyu-byudzheta-na-2020-2022-gody-osnovnyye-parametry>
14. Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновлённые статистические данные 2018. Опубликовано для Программы развития Организации Объединённых Наций (ПРООН). http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf
15. SIPRI Military Expenditure Database, Apr. 2019. <https://www.sipri.org/databases/milex>
16. Мониторинг экономической ситуации в России, № 16 (99), октябрь 2019 г. <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-16-99-oktyabr-2019-g.html>
17. Интервью телеканалам Al Arabiya, Sky News Arabia и RT Arabic. 13 октября 2019 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/61792>
18. Бюджет Минобороны РФ в 2020 г. собрались увеличить на 6.6%. 25 сентября 2019 г. <https://www.interfax.ru/business/677950>
19. Ежегодник СИПРИ 2017. М.: ИМЭМО РАН, 2018.
20. Военно-экономическое измерение в свете глобальных трансформаций. М.: ИМЭМО РАН, 2019.
21. Российскому здравоохранению прописали недофинансирование // Независимая газета. 2019. 24 октября. http://www.ng.ru/economics/2019-10-24/4_7711_medicine.html
22. Health at a Glance. OECD. 2019.
23. 2019 Global Health Security Index.
24. Россиянам не хватает денег на знания // Коммерсант. 2019. 11 октября. <https://www.kommersant.ru/doc/4120141>
25. Васильева призвала вернуть специалитет для гуманитарных направлений. <https://gia.ru/20191105/1560607848.html> (дата обращения: 06.11.2019).
26. Заседание Совета по русскому языку. 5 ноября 2019 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 06.11.2019).
27. OECD Data. Social spending <https://data.oecd.org/social/spending.htm>
28. The New York Times, November 3, 2019. <https://www.nytimes.com/2019/11/03/world/europe/eu-farm-subsidy-hungary.html>
29. Federal Government direct farm program payments, 2010–2019F. Nominal (current dollars). <https://data.ers.usda.gov/reports.aspx?ID=17833>
30. Farm Subsidies Are Corporate Welfare – And They Cost Us Plenty. July 11, 2019. <https://mises.org/wire/farm-subsidies-are-corporate-welfare-%E2%80%94-and-they-cost-us-plenty>
31. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2018 г. государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. МСХ РФ. 2019. <http://government.ru/docs/37271/>
32. Наука, технологии, инновации. <https://www.hse.ru/data/2018/12/11/1144786145/nio2019.pdf>
33. Госфинансирование науки в США превысило российское в 33 раза // Московский комсомолец. 2019. 8 ноября. <https://www.mk.ru/economics/2019/11/08/gosfinansirovanie-nauki-v-ssha-prevysilo-rossiyskoe-v-33-raza.html>
34. Бюджет образования и науки на 2020–2022 годы противоречит указам Путина // Московский комсомолец. 2019. 10 октября. <https://www.mk.ru/economics/2019/10/10/byudzheta-obrazovaniya-i-nauki-na-20202022-gody-protivorechit-ukazam-putina.html>

35. Government Expenditures on Defense Research and Development by the United States and Other OECD Countries: Fact Sheet. Congressional Research Service. December 19, 2018.
36. Академия избранных. Президент РАН Александр Сергеев: У математиков на одно место члена-корреспондента претендуют 55 человек // Российская газета. 2019. 5 ноября. <https://rg.ru/2019/11/05/prezident-ran-uchenye-dolzhen-uchastvovat-v-sozdanii-nauchnoj-politiki-strany.html>
37. Получилось как всегда. Учёные РАН дали оценку реформе. <https://www.poisknews.ru/news/poluchilos-kak-vsegda-uchenye-ran-dali-ocenku-reforme/> (дата обращения: 1.11.2019).
38. Учёный совет ФИАН назвал акцией устрашения действия силовиков при обысках в институте // Интерфакс. 2019. 1 ноября. <https://www.interfax.ru/russia/682728>
39. Global Innovation Index 2019. <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report>
40. Government at a Glance 2019. OECD 2019.
41. https://echo.msk.ru/blog/nikolaev_i/2531643-echo/
42. Americans and Russian Agree: We are Heading towards a New Arms Race. Chicago Council on Global Affairs. March 18, 2019. <https://www.thechicagocouncil.org/publication/lcc/americans-and-russians-agree-were-heading-towards-new-arms-race>
43. Americans on Nuclear Weapons. Center for International and Security Studies. May 2019. http://www.publicconsultation.org/wp-content/uploads/2019/05/Nuclear_Weapons_Report_0519.pdf
44. Rasmussen Report. August 30, 2019. rasmussenreports.com/public_content/politics/current_events/russia/trump_getting_tougher_voters_say_but_most_want_russia_as_a_friend
45. Церемония представления офицеров, назначенных на высшие командные должности. 6 ноября 2019 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/61991>

**ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ НАУЧНОЙ СЕССИИ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН
“ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА”**

DOI: 10.31857/S0869587320030226

АКАДЕМИК РАН И.А. ЩЕРБАКОВ

На общем собрании Отделения физических наук обсуждался целый ряд животрепещущих вопросов, в частности, о приказе “О правилах общения с иностранцами”. Отделение предлагает внести следующий пункт в решение Общего собрания: *«Общее собрание членов РАН считает, что свободный обмен научными идеями является необходимым условием развития науки. Законодательство Российской Федерации накладывает достаточно ограничений на сотрудников, работающих в областях по закрытой тематике. Дополнительные ограничения под любым предлогом недопустимы. В этой связи Общее собрание настаивает на отмене приказа министра науки и высшего образования РФ “Об общении с иностранными гражданами”».*

Второй вопрос, который следует здесь поднять, — об инциденте, происшедшем в Физическом институте им. П.Н. Лебедева РАН. Общее собрание Отделения физических наук РАН глубоко обеспокоено стилем и формой действий правоохранительных органов в отношении Физического института и его директора члена-корреспондента РАН Н.Н. Колачевского. Появление большого числа вооружённых людей в одном из ведущих научных институтов России нельзя оправдать проведением следственных действий. Случившееся нанесло репутационный ущерб институту, всей российской науке и силовым структурам.

Отделение физических наук предлагает Общему собранию членов РАН выступить с заявлением о недопустимости подобных действий. Следует также обратить внимание на то, что в случае экспорта наукоёмкой продукции экспертизы должны проводиться при участии Комиссии экспертного контроля РАН. Это позволит исключить появление неадекватных экспертных заключений.

АКАДЕМИК РАН Б.С. КАШИН

Тема нынешней Научной сессии обозначена как “Фундаментальные проблемы развития со-

временного российского общества”. Для того чтобы итоги обсуждения этой темы были интересны обществу, наверное, необходимо ключевые вопросы рассматривать детально и давать им свои оценки.

Возьмём для примера выступление академика РАН В.Н. Руденко по поводу конституционности. Можно привести многие рейтинги, но если люди не понимают, почему мы, в отличие от африканских стран, не можем посчитать в ящике для голосования, сколько там оказалось бюллетеней, не можем проверить список голосующих, то все наши рассуждения людям абсолютно неинтересны. Я понимаю опасность такой прямой демократии, но в той ситуации, в которой мы находимся, необходимо чётко выражать своё мнение.

Анализируя острые вопросы, надо применять адекватную методологию. Мне как марксисту не очень ясно, почему мы уходим от классового анализа, особенно когда речь идёт о беспрецедентном социальном неравенстве или о нарушении принципов справедливого распределения по труду, как в докладе академика М.К. Горшкова. Что у нас появляется взамен? Член-корреспондент РАН Д.В. Ушаков предложил рассматривать в качестве условия успеха соответствие менталитета общественным институтам. Очевидно, между этими показателями есть корреляция, но если мы говорим о России, надо понять, почему наши общественные институты в первую очередь соответствуют менталитету коррупционеров и жуликов, судя по тому, как ведёт себя российская “элита”. Куда ушёл анализ того государства, которое у нас создано? Мы живём в полуфеодальной абсолютистской системе, и в этой ситуации говорить о каких-то инновационных подходах к развитию науки — всё равно что сотрясать воздух. Результат известен.

Я думаю, что нет таких прецедентов, когда в государстве один человек принимает все решения и при этом удавалось бы эффективно внедрять новые технологии.

И последнее. Можно обсуждать, возможно ли эффективное и быстрое развитие при системати-

ческом нарушении прав человека. Если говорить о науке, то в первую очередь это касается права на труд, а также права на управление предприятием. Я говорю об этом не в первый раз, это наш академический позор, когда мы неспособны объяснить власти, что ни в одной стране мира учёный не получает гарантированно 25–30% от своей реальной зарплаты, а всё остальное — это фактически подачка от руководства, за которую надо расплачиваться послушанием.

Закон о бюджетных организациях 2010 г. нанёс нашей науке ущерб не меньший, чем закон 2013 г. о Российской академии наук. Иными словами, мы уходим от ключевых проблем, которые прямо определяют и состояние отечественной науки, и состояние нашего общества.

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН И.И. ЕЛИСЕЕВА

Накал дискуссии идёт у нас по нарастающей, но я хочу вернуться к сугубо мирному делу — к статистике. В докладе академика С.М. Рогова слово “статистика” прозвучало с негативной коннотацией. Но у общества нет другого инструмента, который позволял бы посмотреть на себя со стороны. Недаром Лев Николаевич Толстой говорил о переписи населения, что она даёт обществу зеркало, в которое — хочет или не хочет — посмотрится каждый. Цивилизованность государства на деле измеряется толщиной его статистического ежегодника.

Академия наук всегда способствовала становлению и совершенствованию отечественной статистики, её достоверности, её способности воспринимать передовую методологию. Важно, что сейчас у нас статистическая информация открыта, доступ к ней возможен на сайте gks.ru Федеральной службы государственной статистики, на который выложены результаты переписей населения Российской Федерации 2002 и 2010 гг. Такого не было никогда.

Проводимые в России социологические исследования обходятся очень дорого, в то время как государственная статистика содержит бездну информации, которая плохо используется. А ведь в ней собраны данные 10 массовых социально-экономических и демографических обследований, включая репродуктивные планы населения и многие другие показатели.

Я, как и многие присутствующие здесь, преподаю в университете. Обучая экономистов, вижу, как мало времени и средств отводится на статистическое образование. Экономисты, чиновники, приходя в госуправление, путают понятия “занятое население” и “экономически активное”, не видят разницы между числом родившихся и уровнем рождаемости и т.д.

В октябре 2020 г. состоится очередная Всероссийская перепись населения. По моему мнению, задача Академии наук — популяризировать статистику, показывать, что это инструмент познания общества, что статистические сведения собираются в том числе для населения, ради населения, поскольку только понимание протекающих социальных процессов позволяет эффективно ими управлять.

Прошу внести в резолюцию Общего собрания рекомендацию Министерству науки и высшего образования РФ принять меры по повышению уровня статистического образования экономистов, социологов, демографов, антропологов и географов. Нужно, чтобы специалисты владели инструментом самопознания общества. Это срез и основа выработки управленческих решений и мониторинга их эффективности.

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН В.В. АБАНЕЕВ

Перед научным сообществом нашей страны ставится важнейшая задача — сделать науку производительной силой экономики. Это трудновыполнимая цель, в том числе и потому, что мы увлеклись наукометрическими показателями при оценке деятельности учёных, что предопределило стремление войти в число лидеров по количеству публикаций, по индексам цитирования и т.д.

Но задумаемся: что даст достижение этой цели экономике страны и эффективности науки? Мне кажется, ничего. Гонка за количеством статей, за повышением индексов цитирования отвлекает от реальной научной работы. Когда-то Пётр Леонидович Капица сказал: “Не то твоё, чем ты владеешь, а то твоё, что ты отдал”. Да когда же отдавать, если мы бежим бегом за формальными показателями?

Приведу здесь прекрасные слова Жан Жака Руссо: “Хорошая книга — это та, для написания которой не хватает первой половины жизни, а для исправления — второй”. Но всякая ли монография нужна в наше время? В советские времена существовала практика публиковать информационные листки, благодаря которым происходило внедрение разработок в производство. А кто будет читать пятисотстраничные книги?

Считаю, что надо уйти от оценки учёных и научных коллективов по наукометрическим показателям. Но нельзя в полной мере доверять и экспертным заключениям: в условиях узкой специализации два назначенных эксперта не всегда могут оценить труд целого коллектива учёных. Я уже предлагал на собрании Отделения сельхознаук вернуться к практике, когда деятельность института оценивали бы все члены РАН той или

иной секции. Такие вопросы должно решать научное сообщество.

Прошу включить мои предложения в проект постановления Общего собрания членов РАН.

Реплика академика А.М. Сергеева: Напомню, что на апрельском Общем собрании эта проблема обсуждалась, было сформулировано решение относительно наукометрии. Я со своей стороны поддерживаю наших аграриев. До 2013 г. они не мерили свои достижения публикационной активностью. Их результаты – это нужные стране новые сорта, породы. Требования по публикационной активности, которые сейчас к ним предъявляются, необоснованные. В рамках нынешней предвыборной кампании мы постарались сделать всё, чтобы шире представить их достижения, не ограничиваясь цитированием. Успешность сельскохозяйственных институтов измеряется конкретным вкладом в экономику, сельское хозяйство. Постараемся изменить ситуацию, будем обращаться в Минобрнауки России.

АКАДЕМИКА РАН С.Ю. ГЛАЗЬБЕВ

Ключевая проблема, которая осталась за кадром в большинстве выступлений, – управление наукой. Дело в том, что в нашей системе государственного управления и управления в целом отсутствует механизм ответственности как институтов власти, так и должностных лиц, которые власть олицетворяют. Примеров множество, эта проблема носит системный характер и нуждается в научном осмыслении и анализе. Фактически исполнительная власть игнорирует или неспособна выполнить указания главы государства по ключевым целям социально-экономического развития. В повседневной жизни исполнительная власть работает в основном в режиме имитации. Люди сталкиваются с формализмом и бюрократией.

Не лучше обстоят дела с судебной властью, которая превратилась в замкнутую корпорацию, где никто не несёт ответственности за соответствие принимаемых решений букве закона. Что касается законодательной власти, то она, по сути, стала своего рода клубом. А самое главное – экономическая власть, крупный бизнес погрязли в офшорах, примерно половина промышленной собственности сегодня зарегистрирована в офшорных зонах, за рубеж вывозится больше половины прибыли частного сектора. На протяжении многих лет страна теряет примерно по 100 млрд долл. ежегодно.

Мне кажется, следует обратить внимание на эти провалы в системе управления. Они нуждаются в теоретическом осмыслении, поскольку все попытки – а их было множество – внедрить механизмы ответственности в практику провалились.

Провалился закон о стратегическом планировании, пять лет правительство даже не приступает к его исполнению, он выхолощен множеством подзаконных актов, но в практическое управление так и не внедрён. И это только один из множества примеров.

У меня нет простых рецептов решения этого вопроса. Но если мы их не найдём, то все наши рекомендации, как и раньше, не выйдут за эти стены. Раскол общества будет усугубляться. Властвующая элита приобретает у нас всё более кастовый характер, причём её менталитет совершенно не совпадает с менталитетом народа, у неё иная, чем у народа, историческая память, она говорит на ином языке, который существенно отличается от разделяемых всеми нами представлений о русском языке.

Я бы так сформулировал задачу в этой области: как сформировать механизмы ответственности, которые заставили бы органы власти работать в общественных интересах, привели бы институт управления в соответствие с народным менталитетом и обеспечили бы продвижение во власть продуктивной элиты, то есть тех, кто работает на страну и благодаря которым страна всё-таки ещё живёт и развивается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРОФСОЮЗА РАБОТНИКОВ РАН В.П. КАЛИНУШКИН

Напомню, что на прошлом Общем собрании членов РАН было принято очень важное, с моей точки зрения, решение о необходимости качественного увеличения финансирования российской науки в целом и фундаментальной науки в частности. В бюджете 2020 г. этот пункт отражения не нашёл, но на это трудно было рассчитывать. Возможно, данное решение всё же возымело какое-то действие, поскольку финансирование фундаментальной науки растёт быстрее, чем, например, образования.

Мне кажется, надо активизировать работу по реализации этого решения и внести в постановление нынешнего Общего собрания пункт о необходимости увеличить финансирование российской науки. Профсоюз всегда готов этому содействовать.

Второе, о чём хотелось бы сказать. Я полностью поддерживаю мнение академика Б.С. Кашина о Законе 2010 г. о федеральных бюджетных учреждениях, который нанёс российской науке не меньший ущерб, чем разгром академии в 2013 г. Нужно попытаться что-то сделать, чтобы этот закон отменить. Если сохранится система госзаказов и федеральных бюджетных учреждений, то очень многие благие пожелания, в частности о гарантированной части зарплаты научных работников, реализовать не удастся.

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН
Ю.Б. ЗУБАРЕВ

Я хочу поднять вопрос о вреде мобильных телефонов. Дело в том, что Международное агентство по исследованию рака и Всемирная организация здравоохранения дают такие оценки: ежедневное пользование мобильным телефоном в течение 20 минут на протяжении 15 лет приводит к опухолевым заболеваниям, в том числе злокачественным. У нас этой проблеме не уделяется никакого внимания.

В настоящее время в Швейцарии подготовлены предложения, которые будут обсуждаться на национальном референдуме и в случае их поддержки включены в законодательство. Это касается снижения уровня электромагнитного поля в жилых квартирах, выделения в автобусах зон, в которых будет запрещено пользоваться мобильным телефоном, и ряда других позиций. Нам тоже следует обратить внимание на эту проблему.

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН
А.А. ГРОМЫКО

Все прозвучавшие сегодня доклады были посвящены стратегическим проблемам, без решения которых вряд ли можно рассчитывать на успешное развитие нашей страны. Но я хочу обратить внимание на доклад академика С.М. Рогова, в котором говорилось об экзистенциальных вопросах, буквально о вопросах жизни и смерти. Думаю, здесь следует кое-что уточнить.

У меня вызывает сомнение категория “новая холодная война”, или “холодная война 2.0”. В докладе очень хорошо показано, насколько сегодняшняя ситуация отличается от ситуации, которая известна как “холодная война”. На Западе этот термин нередко употребляется теми, кто полагает, что “холодная война” — это чуть ли не нормальное перманентное состояние в отношениях между Западом и Россией и что не нужно стремиться его преодолеть. Насколько я понимаю, ни сам докладчик, ни большинство здравомыслящих людей так не считают.

Говоря об отличиях нынешней ситуации от “холодной войны” недалёкого прошлого, С.М. Рогов указал на отсутствие идеологического противостояния. Мне кажется, что здесь, к сожалению, не всё так просто. Очевидно, что в пропагандистском плане различия в ценностях всё более и более оказываются барьером во взаимодействии России и Запада. Это противостояние между авторитаризмом и демократией, либеральной и неолиберальной демократией, между консерватизмом и либерализмом и т.д. Здесь кроются серьёзные риски, и мы не должны поддерживать эту опасную игру.

Ещё один вопрос. С.М. Рогов говорил о трёх сценариях развития противостояния: скатывание

из так называемой “новой холодной войны” в “горячую” войну, истощение сил и новая разрядка. Думаю, здесь надо добавить такой подсценарий: предположим, что Россия старается сделать всё, чтобы прекратить новое противостояние, но внешние факторы этого не позволяют, и нам придётся жить в этой ситуации ещё 5–10–15 лет. Приведёт ли подобное развитие событий автоматически к истощению ресурсов? Каков выход из этой ситуации? Об этом говорилось в большинстве выступлений — это внутреннее развитие страны на новом уровне, это модернизация. Тогда ресурсов у нашей страны может хватить на достаточно долгое время.

Иначе говоря, жизненно необходимо, чтобы внутренние реформы, внутреннее развитие перестали быть декларацией, чтобы, наконец, удалось обеспечить прорыв в социальной сфере, здравоохранении, образовании. Если этого не сделать, то в лучшем случае реализуется второй сценарий, то есть истощение ресурсов, которое повлечёт за собой те же последствия, что и на рубеже 1980–1990-х годов.

АКАДЕМИК РАН Р.И. НИГМАТУЛИН

Я хотел бы проинформировать Общее собрание относительно инициативы академика А.М. Сергеева, о которой он сообщил в беседе с Президентом РФ В.В. Путиным. Речь идёт о создании при Академии наук Научно-координационного совета по прогнозированию и стратегическому планированию. Такой Совет был сформирован и один раз уже собирался. Совет очень крупный — одних членов бюро 35 человек. Группа учёных проявила инициативу и выработала 10-страничный документ, основной вывод которого — “Стране нужны перемены!”.

В частности, в нём представлены идеи, которые неоднократно высказывал академик С.Ю. Глазьев. Кстати, время от времени в средствах массовой информации о нём и его позиции распространяются лживые сведения, хотя он предлагает совершенно очевидные и разумные меры по развитию российской экономики. А ведь сейчас проблема стагнации нашей экономики выдвинулась на первое место. Все разговоры об экономическом росте — это блеф. Падают и доходы населения — примерно на 7% за последние шесть-семь лет.

Предлагаю всем, кого интересует эта общезначимая проблема, у кого есть конкретные предложения по выводу страны из кризиса, присылать свои предложения. Они обязательно будут рассмотрены и включены в итоговый документ. Я считаю, что в сложившейся ситуации Академия наук должна высказать свою позицию народу и руководству страны. В противном случае нас ждут тяжёлые времена.

О НАУЧНОЙ СЕССИИ “ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА” ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН

DOI: 10.31857/S0869587320030160

На научной сессии Общего собрания членов РАН были заслушаны и обсуждены доклады академиков РАН А.А. Дынкина, А.В. Смирнова, М.К. Горшкова, Б.Н. Порфирьева, А.М. Молдована, С.М. Рогова, членов-корреспондентов РАН Д.В. Ушакова и В.Н. Руденко, доктора социологических наук В.В. Локосова, доктора исторических наук Ю.А. Петрова, доктора филологических наук А.Д. Шмелёва, посвящённые актуальным направлениям общественных и гуманитарных наук.

Исходя из Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 и положениями Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”, научная сессия Общего собрания членов РАН отмечает, что в настоящее время России необходима обновлённая формула проекта национального бытия в свете как жизненно важных проблем пространственно-демографического и социально-культурного развития, так и глобальных внешних вызовов. Актуальными являются вопросы сохранения внутрироссийского цивилизационного пространства как пространства свободы и гармоничного развития всех культур. Консолидация интеллектуально-культурных предпосылок развития российского общества является основанием, способствующим успешному осуществлению проектов модернизации за счёт более полного использования исторически накопленного ценностного потенциала российской нации. Все названные проблемы нуждаются в глубоком философском осмыслении и интегрированном подходе со стороны общественных и гуманитарных наук. Философская проработка вопросов самосознания российского общества должна лежать в основе выработки документов, определяющих стратегию развития страны.

Сплочение духовно-нравственного пространства России, здоровые межнациональные отношения возможны исключительно в рамках гуманитарно ориентированной всероссийской системы воспитания и образования. Необходимо на основании духовно-нравственных и историко-

культурных ценностей российской идентичности соединять гражданскую ответственность, знание и уважение общероссийских норм и ценностей вместе с признанием и поддержкой этнокультурного, языкового и религиозного многообразия. Необходимо развитие социогуманитарного образования в России на всех уровнях.

Сохранение правового пространства и самобытности российской правовой системы служит необходимым условием реализации Россией собственного цивилизационного проекта. Укрепление связи российского права и его социокультурных оснований является одним из путей утверждения сформулированных задач и приоритетов.

Российская академия наук считает важным развитие фундаментальных исследований в области общественных и гуманитарных наук и широкое использование полученных результатов при разработке стратегии государственного развития России, отвечающей ожиданиям и потребностям российского общества, и проведении научной экспертизы программ социально-экономического развития.

Учитывая предложения, высказанные в ходе обсуждения на научной сессии, Общее собрание членов РАН ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Считать необходимым всемерно поддерживать развитие общественных и гуманитарных наук как части важнейших направлений фундаментальной науки в Российской Федерации.

2. Отделению общественных наук РАН (академик РАН А.В. Смирнов) до 1 июня 2020 г. разработать Концепцию развития общественных наук.

Важнейшей характеристикой Концепции должна стать её согласованность с документами стратегического планирования (Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, нацпроект “Наука”, Стратегия пространственного развития Российской Федерации, Стратегия государственной национальной политики, Концепция внешней политики Российской Федерации и др.).

При разработке Концепции сделать акцент на:

- учёте компетенций и научных интересов российских учреждений, осуществляющих исследования в сфере общественных наук;

- развитии кадрового потенциала организаций-представителей общественных наук;
- улучшении условий для их эффективной научной деятельности и профессионального роста;
- повышении эффективности сотрудничества российских научных организаций друг с другом и с международными партнёрами, с образовательными учреждениями, органами власти, бизнес-сообществом.

3. Президиуму РАН обратиться в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации с предложениями:

- по разработке и реализации государственной программы издания академических собраний сочинений отечественных философов, филологов, социологов, историков, экономистов, международников и представителей других общественных и гуманитарных наук с целью актуализации идейно-нравственного и ценностного наследия России, укрепления российской идентичности, а также связности социокультурного пространства России, защиты национальных интересов России на международной арене, создания с этой целью специального издательства;
- по укреплению и развитию материально-технической базы научных организаций социогуманитарного профиля;
- по обновлению классификации общественных и гуманитарных наук и направлений подготовки высшей школы и научных аттестаций согласно современным требованиям и общемировым тенденциям;

- по разработке современной системы оценки эффективности научных учреждений и отдельных учёных в области общественных и гуманитарных наук.

4. Отделениям РАН общественного и гуманитарного профиля разработать меры:

- по противодействию паранаучным и антинаучным взглядам и публикациям, а также фальсификациям в оценке исторического прошлого и современного состояния российского общества, а также внешней политики России;
- по повышению ответственности учёных и их активной гражданской позиции;
- по расширению публикационной активности учёных-обществоведов в СМИ в целях популяризации научных достижений;
- по продвижению результатов деятельности российских учёных в российском и международном научном сообществе;
- по расширению возможностей для международных обменов и сотрудничества, членства в международных союзах и ассоциациях.

5. Научно-издательскому совету РАН совместно с Отделением общественных наук РАН на основе докладов и выступлений подготовить и издать материалы настоящей научной сессии Общего собрания членов РАН в виде отдельной книги, а также разместить их электронный вариант на официальном сайте РАН.

Разработать меры по воссозданию академического книгоиздательства, включая спонсирование фундаментальных изданий, переизданий, интернет-книгопродажи.

ОБ ОТКРЫТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ “РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК” НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ РАН

В соответствии со статьёй 55 Гражданского кодекса Российской Федерации, частями 1 и 6 статьи 14 Федерального закона от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, пунктами 86, 87 устава федерального государственного бюджетного учреждения “Российская академия наук”, утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 27 июня 2014 г. № 589, Общее собрание членов РАН ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Открыть Представительство федерального государственного бюджетного учреждения “Рос-

сийская академия наук” на территории Самарской области в городе Самаре.

2. Принять, что Правительство Самарской области предоставит в установленном порядке помещение для Представительства федерального государственного бюджетного учреждения “Российская академия наук” на территории Самарской области по адресу: г. Самара, Студенческий пер., 3А.

3. Утвердить Положение о Представительстве федерального государственного бюджетного учреждения “Российская академия наук” на территории Самарской области.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ОТДЕЛ

ПРЕЗИДИУМ РАН РЕШИЛ
(октябрь 2019 г.)

Ключевые слова: скрининговые технологии в комбинаторной химии, биологии, биомедицине, Уральское отделение РАН, Отделение нанотехнологий и информационных технологий РАН.

• Заслушав и обсудив доклад академика РАН **А.Г. Габимова** “Скрининговые технологии в решении проблем комбинаторной химии, биологии и биомедицины”, содоклады члена-корреспондента РАН **С.О. Бачурина** и доктора химических наук **П.В. Сергиева**, выступления академиков РАН **И.А. Дятлова** и **В.А. Стоника**, члена-корреспондента РАН **С.В. Борисевича**, доктора медицинских наук **М.А. Месчана**, доктора биологических наук **В.В. Поройкова**, доктора биологических наук **Д.М. Чудакова**, доктора химических наук **И.В. Ямпольского**, президиум РАН постановляет:

1. Принять к сведению представленную в докладе и выступлениях информацию о роли скрининговых технологий в решении фундаментальных проблем комбинаторной химии, биологии и биомедицины.

2. Отделению биологических наук РАН (академик РАН **М.П. Кирпичников**), Отделению медицинских наук РАН (академик РАН **В.И. Стародубов**) и Отделению химических наук РАН (академик РАН **М.П. Егоров**) подготовить и представить в установленном порядке предложения:

по дальнейшему внедрению новых методов биологии и комбинаторной химии в области медицины, а также аналитическую справку о перспективах использования комбинаторных методов для создания новых подходов в персонализированной медицине как в Российской Федерации, так и в целом в мире;

по созданию в структуре Межведомственного совета РАН по научному обоснованию и сопровождению лекарственной политики Российской Федерации (академик РАН **В.П. Чехонин**) секции по исследованию основ лекарственной и антибиотикорезистентности, которой поручить разработать и представить на утверждение совету научную программу РАН по исследованию этой важной социально значимой проблемы;

по формированию системы мероприятий, направленных на укрепление научных школ в области синтетической органической химии, включая тонкий органический синтез, биотехнологии и клеточной биологии для последующего представления в установленном порядке в Министерство

науки и высшего образования РФ и Министерство здравоохранения РФ.

3. Отделению медицинских наук РАН (академик РАН **В.И. Стародубов**) подготовить согласованные с Министерством здравоохранения РФ и бизнес-структурами предложения по нормативной правовой базе получения и применения в медицинской практике репрограммированных Т-клеток человека для последующего представления в установленном порядке в Правительство РФ.

Контроль за выполнением постановления возложить на вице-президента РАН академика РАН **А.В. Адрианова** и вице-президента РАН академика РАН **В.П. Чехонина**.

• Заслушав и обсудив доклад вице-президента РАН, председателя УрО РАН **В.Н. Чарушина** о Комплексном плане развития УрО РАН, содоклады академика РАН **В.П. Матвеевко** и ректора Уральского федерального университета им. первого Президента России **Б.Н. Ельцина** **В.А. Кокшарова**, выступления научного руководителя ГК “Росатом” академика РАН **Г.Н. Рыкованова**, вице-президента РАН академика РАН **И.М. Донник**, академика РАН **Г.А. Месяца**, руководителя Уральского территориального управления Министерства науки и высшего образования РФ **И.Л. Манжурова**, первого заместителя генерального директора ФГУП “ВИАМ” ГНЦ РФ **О.Г. Оспенниковой**, директора Политехнического института Южно-Уральского государственного университета **С.Д. Ваулина**, начальника управления компании “Транснефть” **Р.Ф. Мингазетдинова** и других участников заседания, президиум РАН постановляет:

1. Принять к сведению представленную в докладе и выступлениях информацию о проекте Комплексного плана развития УрО РАН.

2. Поддержать предложение УрО РАН о создании Уральского центра высокотехнологичных вычислений, обработки и хранения больших объемов данных, Уральского центра технологий и материалов, Уральского межрегионального научно-образовательного центра “Передовые промышленные технологии, Удмуртского научно-образовательного центра “Материалы с программируемыми свойствами”, Уральского центра со-

циогуманитарных технологий и экспертиз и других научно-технологических и гуманитарных центров, вошедших в проект Комплексного плана развития УрО РАН.

3. Поручить:

вице-президенту РАН академику РАН **В.В. Козлову** и вице-президенту РАН академику РАН **В.Н. Чарушину** подготовить обращение в Правительство РФ и Министерство науки и высшего образования РФ с просьбой о выделении в рамках Национального проекта “Наука” дополнительной квоты для создания Уральского математического центра мирового уровня на базе Института математики и механики им. Н.Н. Красовского УрО РАН в консорциуме с Уральским федеральным университетом им. первого Президента России Б.Н. Ельцина и Удмуртским государственным университетом, учитывая достижения уральской математической школы и её мировое признание, а также высокие оценки, полученные на конкурсе 2019 г.;

Научно-координационному совету по математическому моделированию и суперкомпьютерным технологиям при Отделении математических наук РАН (академик РАН **Б.Н. Четверушкин**) рассмотреть проекты УрО РАН по созданию Уральского центра высокопроизводительных вычислений, обработки и хранения больших объёмов данных и ГИГА-УРАЛ, направленного на создание высокоскоростных каналов передачи информации между научными центрами УрО РАН, и поддержать их включение в Национальный проект “Цифровая экономика”;

вице-президентам РАН академиком РАН **Ю.Ю. Балеге** и **В.Н. Чарушину** подготовить предложение о создании на Урале Междисциплинарного центра компактных источников нейтронов и синхротронного излучения для включения в Федеральную научно-техническую программу

развития синхротронных и нейтронных исследований и исследовательской инфраструктуры на 2019–2027 гг.;

вице-президенту РАН академику РАН **В.Н. Чарушину** совместно с председателем Научно-технического совета ГК “Росатом” академиком РАН **Г.Н. Рыковановым** подготовить предложения о создании на Урале Центра модификации материалов с использованием мощных ионных пучков и обсудить на совместном научно-техническом совете Российского федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института технической физики им. академика Е.И. Забабахина и УрО РАН целесообразность его реализации в рамках Комплексной программы научно-технологического развития отечественной атомной отрасли;

Совету РАН по космосу (академик РАН **Л.М. Зелёный**) рассмотреть проект создания ракетно-космического комплекса с многоразовой ракетой-носителем “Корона” и универсальной космической платформой и представить результат экспертной оценки проекта в ГК “Роскосмос”;

Уральскому отделению РАН (академик РАН **В.Н. Чарушин**): доработать проект Комплексного плана развития УрО РАН и представить его руководству РАН для последующего направления в Министерство науки и высшего образования РФ; направить предложения руководству РАН о выделении региональных квот для обеспечения институтов УрО РАН уникальным оборудованием.

Контроль за выполнением постановления возложить на вице-президента РАН академика РАН **В.Н. Чарушина**.

• Избрать академика РАН **Г.Я. Красникова** академиком-секретарём Отделения нанотехнологий и информационных технологий РАН.